

РЕЛИКВИЯ

реставрация | консервация | музеи

№ 32 / 2016

Санкт-Петербургское
городское отделение
ВООПИиК

50 ЛЕТ

История
глазами очевидцев

Санкт-Петербург

РЕЛИКВИЯ

№ 32 / 2016

Содержание

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВООПИИК. 50 ЛЕТ

Приветствия	4
Г. И. Маланичева О Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры	6
Проект «Открытый город»	7
Город в наследство	8
Публикации	9
История глазами очевидцев	10
Интервью	14

А. А. Кононов Государственные историко-культурные экспертизы в деятельности СПбО ВООПИиК как инструмент защиты памятников	44
И. В. Руднева, М. В. Образцова Научитесь видеть и хранить подлинное	45
З. В. Юркова «Mauduit invenit. 1816» (неизвестный проект центральных площадей Петербурга)	48
Е. Е. Фролова Грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Опыт реставрации уникального рукописного документа 17 в.	51
Ю. Ю. Александров «Богоматерь Умиление» – уникальная новгородская икона XV века	60

ISSN 1990-7885

Подписано к печати 08.10.2016

Установочный тираж 3500 экз.

Цена договорная

Почтовый адрес: 190000, Санкт-Петербург,

ул. Союза Печатников, 29-17

Телефон редакции: 8 (812) 903-62-18

Редакционная коллегия

РАФАЭЛЬ МАРАТОВИЧ ДАЯНОВ

Архитектурное бюро «Литейная часть-91»

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ КОЧАНОВИЧ

ГКУ города Москвы «Мосреставрация»

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА ПАШКОВСКАЯ

Государственный Русский музей

ИЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВИЧ ПУТЯТИН

Московский архитектурный институт

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ РАБОТКЕВИЧ

Министерство культуры Российской Федерации

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ТУЧИНСКИЙ

Комитет по Государственному контролю,

использованию и охране памятников истории

и культуры Правительства Санкт-Петербурга

Главный редактор

СОФЬЯ ЛЬВОВНА ГОНОБОБЛЕВА

sofiagonobobleva@mail.ru

Тел. 8-921-903-62-18

Маркетинг

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КРЫЛОВА

krylova_olga2004@mail.ru

Тел. 8-921-993-58-98

ИННА ВАЛЕРЬЕВНА ЖУКОВА

inazhuk@hotmail.com

Тел. 8-921-944-20-51

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА КИРЧИК

kirchiki2@yandex.ru

Связи с общественностью

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА КАЛЕНТЬЕВА

svetlana_kalentieva@mail.ru

Тел. 8-921-969-71-87

Все интервью записаны в июле–августе

2016 года Т. Ю. Шманкевич и И. А. Измайловой.

Редактор Т. Б. Пригыкина.

Интервью публикуются с сокращениями.

Редактор

ИННА ЖУКОВА

Макет подготовлен

ЕВГЕНИЙ МУШТАЙ

Перевод

В. Л. ДВОРКИН

Библиограф

Д. Л. ЕВСТАФЬЕВ

Реликвия — Санкт-Петербург

(реставрация, консервация, музей).

Свидетельство о регистрации СМИ УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному федеральному округу ПИ № ФС2-8197. Июнь 2007

Учредитель: ООО «Редакционная коллегия журнала «Реликвия».
Издатель: ООО «Редакционная коллегия журнала «Реликвия».
Редакция не несет ответственности за содержание рекламной информации. Содержание публикуемых статей может не отражать мнение редакции. Перепечатка возможна только с разрешения редакции.

Editor-in-Chief Sofia Gonobobleva

Quarterly journal «RELIKVIA»

(Restoration. Conservation. Museum)

От редакции

Уважаемые читатели!

Я рада, что Всероссийское общество охраны памятников и его Санкт-Петербургское отделение выбрали журнал «Реликвия» для издания номера к полувековому юбилею общества.

Мы публикуем интервью, живые истории людей, посвятивших свою жизнь сохранению культурного наследия нашей страны. Что в этом привлекает — кроме образов людей из 60-х — 90-х, так это точка зрения. Ученые, искусствоведы, общественники, государственные служащие, работавшие над сохранением и пропагандой культурного наследия страны, рассказывают о том, как они видят этот процесс, и свое в нем участие.

И это прекрасный штрих к возможности формирования гражданского общества в нашем государстве.

С уважением,
Софья ГОНОБОБЛЕВА,
главный редактор

Выражаем благодарность:

На обложке: Художественный плакат ВООПИиК.
1970-е гг.

denkmal

Ведущая европейская выставка по
охране памятников, реставрации
и санации старинных зданий

10 – 12 ноября 2016

ВМЕСТЕ ЗА НАШЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Ведущая выставка ждет Вас!

Параллельно с denkmal

Специализированная
выставка отраслевого союза по
глинобитному строительству

Международная
специализированная выставка
музейной и выставочной техники

Представительства Лейпцигской ярмарки

в Москве · Тел.: +7 495 258 15 47 · E-Mail: subowa@leipzig-messe.ru

в Санкт-Петербурге · Тел.: +7 812 320 61 37 · E-Mail: russia_spb@leipzig-messe.de

www.denkmal-leipzig.com

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ»
Г. И. МАЛАНИЧЕВОЙ

Уважаемая Галина Ивановна!

Рад поздравить Вас и всех, кто трудится во Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры с 50-летием авторитетной общественной организации!

На протяжении полувека ВООПИиК вносит огромный вклад в сохранение бесценного наследия России.

Губернатор Санкт-Петербурга

Благодаря культурно-просветительской деятельности, инициативам и активности Общества регионам Российской Федерации удалось возродить многие шедевры мировой архитектуры, подарить новую жизнь зданиям исторической застройки.

Санкт-Петербург уделяет большое внимание охране памятников истории и архитектуры. В деле сбережения национального достояния мы всегда находим понимание и поддержку в региональном отделении ВООПИиК. Участники организации — ученые, деятели культуры, известные петербуржцы — входят в состав петербургского Совета по сохранению культурного наследия.

Мы хорошо понимаем, что без уважения к исторической памяти немислимо дальнейшее развитие общества и делаем все возможное, чтобы сохранить для потомков неповторимый облик нашего города.

Желаю Вам, Вашим коллегам и единомышленникам доброго здоровья, оптимизма, дальнейших успехов в благородном служении Отечеству и великой русской культуре!

Г. С. Полтавченко

ПОЗДРАВЛЯЕМ ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ С 50-ЛЕТИЕМ!

На протяжении полувека ВООПИиК оказывает неограниченное влияние на формирование бережного отношения к памятникам истории и культуры. Благодаря просветительской деятельности общества сохраняются и возрождаются как выдающиеся памятники и ансамбли, так и образцы рядовой исторической застройки, формирующие бесценное достояние народов Российской Федерации.

В лице регионального отделения ВООПИиК Санкт-Петербург имеет верного союзника в деле охраны памятников, а его члены традиционно входят в состав Совета по сохранению культурного наследия при Правительстве Санкт-Петербурга. Возвращение государству ворот Собственной дачи в Петергофе — пример успешного взаимодействия органа государственной власти и общественной организации. Большие надежды мы также возлагаем на развитие совместного культурно-просветительского проекта «Открытый город».

Желаем организации дальнейших успехов в общем деле сохранения национального культурного наследия.

С. В. Макаров

Председатель КГИОП

Глубокоуважаемые коллеги!

Уже полвека ваша организация стоит на страже объектов культурного наследия, занимаясь осуществлением конституционных прав граждан на участие в их сохранении, содействием государственным органам в обеспечении их охраны и использовании, привлечением граждан Российской Федерации к выявлению, изучению, сохранению, возрождению и популяризации национального исторического и культурного наследия.

В период расцвета ВООПИиК в 70–80-е годы XX века оно являлось одной из самых массовых организаций страны и насчитывало в своих рядах более 10 миллионов человек. В эти десятилетия благодаря усилиям Общества защищено от сноса и отреставрировано более 3000 памятников, всего за время существования ВООПИиК в охрану и сохранение памятников истории и культуры

Обществом было вложено более 10 миллиардов рублей. ВООПИиК принимало непосредственное участие в создании музеев-заповедников. Выделялись средства на музеи-заповедники «Спасское-Лутовиново», «Константиново». музеи деревянного зодчества в селе Хохловка Пермской области, «Малые Корелы» в Архангельске, «Витославицы» в Великом Новгороде, Суздале. Особое внимание уделялось восстановлению храмов, часовен и монастырей Русской Православной Церкви и культовых объектов других конфессий.

Выделялись средства на памятники военной истории: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» Тульской области, Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле» в Белгородской области. Государственный военно-исторический музей-заповедник Сталинградской битвы на Мамаевом кургане в Волгограде, Музей-заповедник партизанской славы в Кистнянском лесу Брянской области, благоустройство воинских захоронений.

Ваша деятельность особенно важна в нынешнее время, когда ежегодно, по оценкам экспертов, мы теряем 150–200 памятников истории и культуры, важно также то, что в современных экономических условиях ВООПИиК находит новые формы работы по сохранению памятников истории и культуры, такие, как государственно-частное партнёрство, концессионные соглашения, доверительное управление.

Исходя из количества памятников истории и культуры в нашей стране и их состояния, можно смело сказать, что ваша деятельность будет нужна всегда, и я желаю вам в ней успехов, несмотря на трудности, всегда сопровождающие работу по сохранению культурного наследия.

Искренне Ваш,
Генеральный директор
Государственного Эрмитажа

М. Б. Пиотровский

МАЛАНИЧЕВА

ГАЛИНА ИВАНОВНА —

*председатель Центрального совета**Всероссийской общественной организации**«Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры»*

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры — добровольная самоуправляемая общественная организация, которая обладает полной финансовой самостоятельностью и осуществляет свою деятельность на территории Российской Федерации. Отделения ВООПИиК в субъектах Российской Федерации являются его структурными подразделениями, действующими на основании единого Устава, зарегистрированного Министерством юстиции Российской Федерации.

В 1965 году Совет Министров РСФСР принял постановление «Об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (№ 882 от 23.07.65 г.).

Основные цели деятельности Общества — участие, организация и координация деятельности по охране и использованию памятников истории и культуры; проведение мероприятий, содействие государственным органам в сохранении, использовании и популяризации памятников истории и культуры. В июне 1966 г. состоялся Учредительный съезд ВООПИиК.

Высшим органом ВООПИиК является съезд, созываемый раз в 5 лет. Постоянно действующим органом управления Общества является его президиум, который возглавляет председатель Центрального совета. В составе президиума, избранного в 2012 году, известные деятели науки, литературы, искусства, архитекторы, историки, реставраторы, искусствоведы.

При Центральном совете и региональных отделениях работают около 200 секций и комиссий, объединяющих профессиональную общественность.

ВООПИиК активно сотрудничает с Союзом реставраторов, Союзом архитекторов России, Фондом «Возрождение русской усадьбы» и другими творческими союзами и общественными объединениями. Центральный совет — учредитель общественной организации «Наследие без границ». Председатель Центрального совета входит в состав Общественного совета Министерства культуры Российской Федерации, в Совет по наследию, созданный Академией архитектуры и строительных наук Российской Федерации. Многие члены Центрального совета работают в Научно-методическом совете по культурному наследию Министерства культуры Российской Федерации, экспертных советах в регионах Российской Федерации.

ВООПИиК готовит материалы к заседаниям Комиссий и рабочих групп Общественной палаты Российской Федерации по вопросам культурного и духовного наследия; специалисты Центрального совета и региональных отделений Общества являются экспертами по многим вопросам охраны и сохранения памятников истории и культуры.

С января 2011 года Всероссийская общественная организация «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» как юридическое лицо осуществляет государственную историко-культурную экспертизу.

В 2014 г. при Центральном совете ВООПИиК создан Экспертный совет ВООПИиК. В составе его известные и авторитетные специалисты: архитекторы, реставраторы, историки, искусствоведы, градостроители. Возглавляет Совет А. Л. Багалов — заместитель директора Музеев Московского Кремля, член научно-методического Совета Министерства культуры Российской Федерации.

ВООПИиК проводит лекционную работу по самой разнообразной тематике — краеведение, военная история, историко-культурное наследие, храмовая культура, история костюма, геральдика и т. д. Ежегодно проводится более 1000 лекций, лекций-концертов и тематических экскурсий.

ВООПИиК осуществляет в Москве и в Санкт-Петербурге социально значимый культурно-просветительский проект популяризации историко-культурного наследия, участниками которого стали более трехсот тысяч человек.

Различными мероприятиями, организуемыми ВООПИиК, охватывается более 1 млн человек ежегодно.

Особое внимание в работе с молодежью ВООПИиК уделяет организации студенческих реставрационных отрядов.

За многие годы своей деятельности Общество вложило в охрану и восстановление памятников более 10,5 млрд рублей внебюджетных средств. Доходы Общества складываются из поступлений от членских взносов, благотворительных пожертвований, помощи спонсоров.

С 1980 г. ВООПИиК имеет свой печатный орган — альманах «Памятники Отечества».

В 2008 году была учреждена Всероссийская премия «Хранители наследия».

Торжественные церемонии вручения премии прошли в Москве (2009 г.), Пскове (2010 г., 2011 г., 2012 г.), Московской области (2013 г.), Новгороде (2014 г.).

ВООПИиК — один из организаторов ежегодного съезда градозащитных организаций.

В последнее время более эффективной стала работа Общества в регионах РФ. Всероссийские фестивали любительских фильмов, по историко-культурной тематике ежегодно проводятся в Санкт-Петербурге. Широко практикуются совместные выезды по проблемным объектам в исторические города (Выборг, Копорье, Кингисепп, Гатчина Ленинградской области; Радонеж, Сергиев-Посад, Зарайск, Истра, Коломна, Красногорск, Волоколамск Московской области; Старая Русса, Валдай Новгородской области и др.).

Проект «Открытый город»

В Петербурге стартовал долгожданный проект «Открытый город» — совместная программа Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и КГИОП. Благодаря этому проекту у петербуржцев появилась уникальная возможность посетить обычно недоступные объекты культурного наследия Северной столицы. С сентября по декабрь жители и гости нашего города могут бесплатно познакомиться с более 50 памятниками истории и культуры, ранее закрытыми для широкого посещения, стать участниками интереснейших авторских экскурсий и тематических маршрутов, в том числе и на ретро-трамваях, разработанных лучшими специалистами эксклюзивно для проекта «Открытый город». Впервые горожане смогут посетить Дом Германского посольства на Исаакиевской площади — памятник архитектуры начала XX века, увидеть отреставрированные помещения Дома И. В. Пашкова — особняк середины XIX века, построенный архитектором Г. Боссе, блокадную студию в Доме Радио.

«Открытый город» — не просто экскурсии, это культурно-просветительский проект с широким разнообразием коммуникативных и образовательных форматов. В его рамках проводятся мастер-классы, лекции, квесты.

К участию в проекте приглашены ведущие специалисты по истории и архитектуре Санкт-Петербурга. В течение четырех месяцев пройдет около 300 мероприятий общей продолжительностью более 1000 часов.

Информация на сайте <https://открытыйгород.рф>

Город в наследство

Выставка «Город в наследство», посвященная 50-летию создания ЛГО ВООПИиК, открывается в Государственном музее истории Санкт-Петербурга 28 октября 2016 года одновременно с научно-практической конференцией «III Тихоновские чтения».

Выставка в зале Иоанновского рavelина Петропавловской крепости широко и разнопланово знакомит посетителей с богатым прошлым ЛГО и с его современной жизнью. Экспозиция раскрывает историю создания, направления деятельности, результаты и перспективы работы городского отделения.

Тематические рамки выставки охватывают все аспекты и проблемы охраны и пропаганды культурного наследия Ленинграда — Санкт-Петербурга — «музея под открытым небом», начиная с 1961 года.

Выставка начинается с портретной галереи и мемориальных предметов основателей и выдающихся деятелей ЛГО.

Обширный список памятников истории и культуры, отреставрированных при долевом участии ЛГО ВООПИиК, расположен рядом с проектом зон охраны памятников истории и культуры Ленинграда 1988 года.

Тематически выставка состоит из нескольких разделов в зависимости от секций, из которых состояло ЛГО Общества.

Исторические планы Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда, архитектурные чертежи, виды зданий, улиц и набережных воссоздают «портреты» города в различные периоды, также иллюстрируют работу секций памятников архитектуры и памятников истории.

Основу ретроспективной панорамы выставки составили материалы ГМИ СПб. Они дополнены чертежами и фотографиями из собрания КГИОП. Видовая графика — «ведута» — представлена работами В. С. Садовникова, Ф.-В. Перро, И. Г. Бухман. С ней соседствуют документальные чертежи — обмер западного фасада церкви Спаса на

Сенной площади 1961 года, проект реставрации Средне-рогатского дворца 1967 года и нереализованный проект музейного комплекса «Старый Петербург» в центре Заповедной зоны Ленинграда 1988 года.

Санкт-Петербург — Петроград второй половины XIX — начала XX века словно оживает на старых фотографиях А. Э. Фелиша и фотооткрытках из частных собраний. Эти реальные свидетельства минувшего позволяют увидеть памятники архитектуры столицы Российской империи в первоначальном историческом облике.

Большой интерес вызывают подлинные элементы утраченных и отреставрированных памятников архитектуры. Среди них центральное место занимают створки кованых ворот Собственного садика (А. И. Штакеншнейдер и мастер Фёдор Шарбау, 1851), возвращенные на объект культурного наследия федерального значения «Дворцово-парковый ансамбль Собственной дачи» при содействии городского отделения Общества.

Работа секции пропаганды памятников истории и культуры показана афишами, абонеменами, пригласительными билетами и программами лектория и концертного зала Дома ЛГО.

Особое место в деятельности секции пропаганды ЛГО занимает возрождение «репрессированного музея» — музея обороны Ленинграда. 11 ноября 1988 года в Доме ЛГО ВООПИиК была сформирована Группа содействия возрождению Музея обороны Ленинграда в Соляном городке.

Благодаря огромной работе ЛГО стали возможными освобождение помещений Соляного городка, занятых Спортклубом ВМФ, и открытие в них первой очереди музея 8 сентября 1989 года.

Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда предоставил на выставку экспонаты на тему: «Уголок блокадной квартиры архитектора-художника».

В рамках выставки в «воссозданном» зале Дома ЛГО пройдут показы фильмов-призеров кинофестиваля Клуба кинолюбителей и слайд-фильмов Клуба фотолюбителей, лекции и градозащитные встречи.

Авторы выставки приглашают всех посетителей принять активное и заинтересованное участие в обсуждении проблем охраны и популяризации памятников истории и культуры Санкт-Петербурга — памятников Всемирного наследия.

Выставка работает в Выставочном зале Иоанновского рavelина Петропавловской крепости (Государственный музей истории Санкт-Петербурга) в дни работы музея с 28 октября по 27 ноября 2016 г. Вход свободный.

МАРТЫНЕНКО ИРЭН АЛЕКСАНДРОВНА — главный специалист по культурно-просветительской работе СПбГО ВООПИиК

КРЕЧМЕР АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ — историк архитектуры, член ИКОМОС

Публикации

Николаева Т. И. Подвижники города СПб.: «Коло», 2016

Книга «Подвижники города» подготовлена искусствоведом, заслуженным работником культуры РФ, почетным реставратором Санкт-Петербурга Николаевой Т. И. в Издательском доме «Коло», известном своим вкладом в издание литературы о Санкт-Петербурге. Написанная на архивных источниках, она посвящена зарождению общественного движения по охране памятников в нашем городе. За 50 лет деятельности Всероссийского

общества охраны памятников истории и культуры пройден тернистый путь обретений, сохранения и потерь, который показал, что живой действенный интерес к своей истории и историческим объектам — это лучший способ их защиты.

Издание предназначено для специалистов в области охраны памятников, а также для всех, кто интересуется историей и архитектурой Петербурга.

ООО «Научно-производственное и проектное объединение «Союзстройреставрация»

Создано в 2007 году под эгидой Санкт-Петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

ООО «Научно-производственное и проектное объединение «Союзстройреставрация» — многопрофильная фирма, основным направлением деятельности которой является комплексная реставрация памятников архитектуры. В структуре компании собственное проектное и производственное направление.

Почти десять лет работы фирмы — это более 100 отреставрированных объектов культурного наследия и проектов реставрации в 10 регионах России. Коллектив компании стал лауреатом конкурса «Московская реставрация» и обладателем премии Европейского союза 2015 года за лучшую реставрацию.

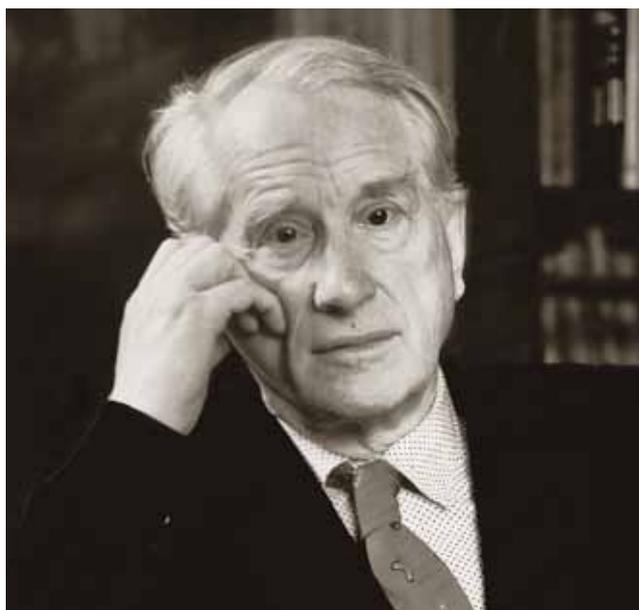
191123, Санкт-Петербург, Захарьевская ул., д. 14

Тел. 273-30-50

E-mail: ssr.spb@mail.ru Сайт: ssr.spb.ru

Фотохроника ВООПИиК

1. Выездное заседание ЛГО ВООПИиК по усадьбам ленинградской области (Марьино). 1980-е гг. 2. Открытие выставки «Русское искусство XVIII – нач. XX в. из частных собраний Ленинграда» в ЦВЗ «Манеж». 1988 г. 3. Первый председатель ЛГО ВООПИиК, академик Б. Б. Пиотровский. 4. Выставка «Декоративно-прикладное искусство из частных собраний Ленинграда и Москвы» в мраморном зале Музея этнографии народов СССР. 1984 г. 5. Перед открытием выставки, посвященной 30-летию победы в Великой Отечественной войне. Л. П. Тихонов, И. А. Мартыненко. 1975 г. 6. Б. Б. Пиотровский награждает активистов ВООПИиК. 1970-е гг.

7. Музыкальный вечер в Скорбященской церкви. 1970-е гг. 8. Л. П. Тихонов, В. М. Голод, И. В. Руднева на открытии выставки «Русское искусство XVII–XIX вв. из собраний частных коллекционеров». 1988 г. 9. Б. Б. Пиотровский, В. И. Матвиенко на заседании президиума ЛГО ВООПИиК. Конец 1980-х гг. 10–11. Субботники, организованные ЛГО ВООПИиК. 1970–1980-е гг. 12. Делегаты съезда от ЛГО ВООПИиК в Великом Новгороде. Слева направо: Б. Б. Пиотровский, Р. М. Джанполадян-Пиотровская, И. П. Саутов, Д. С. Лихачев, Д. А. Жуков, В. Л. Янин, В. В. Знаменов, Л. Н. Белова, В. И. Васильева, Л. П. Тихонов. 1980-е гг. 13. Вид лекционного зала ЛГО ВООПИиК.

1. Всероссийский кинофестиваль любительского кино «История и культура». 2007 г. 2. Участники выездного заседания ВООПИиК в Великом Новгороде. 2009 г. 3. Реставрационный отряд СПб ГО ВООПИиК в Вологде. 2011 г. 4. Акция в защиту Блокадной подстанции, наб. реки Фонтанки, дом 3, лит. А 5. Заседание президиума СПб ГО ВООПИиК. 2007 г. 6. Участники конференции «Общественно-государственное партнерство» в Петергофе. 2008 г. 7. Митрополит Новгородский и Старорусский Лев и Г. И. Маланичева. 8. Перед началом Первых Тихоновских чтений. 2011 г. 9. А. Р. Небольсин и П. Н. Никонов во время градозащитной акции. 10. Члены президиума СПб ГО ВООПИиК А. Д. Марголис и Т. И. Лиханова. 11. На встрече градозащитников с губернатором Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко. 12. Участники съезда органов охраны памятников в Ульяновске. 2012 г.

13. Круглый стол с министерством культуры РФ. 2012 г. 14. Б. М. Кириков, член президиума СПб ГО ВООПИиК. 15. Е. Минченков на градозащитной акции. 2007 г. 16. А. Д. Марголис и В. Громова на вручении премии «Хранители наследия» во Пскове. 2012 г. 17. Член совета СПб ГО ВООПИиК В. А. Коренцвит. 18. В. П. Аристов – активист Клуба Знатоков. 19. Участники 38 кинофестиваля «История и культура». 2014 г. 20. Делегаты съезда ВООПИиК. 2012 г. 21. А. Е. Иванов на пресс-конференции. 2012 г. 22. Удостоверение члена ВООПИиК

13

14

15

16

17

20

18

19

21

22

Фотохроника ВООПИиК

Юбилей СПб ГО ВООПИиК

**ЛИСОВСКИЙ
ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ** —

Профессор кафедры истории и теории архитектуры Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Член президиума Общества. Председатель секции пропаганды. Председатель петербургского отделения ВООПИиК (1992–2007 гг.)

— Владимир Григорьевич, в очень непростой период с 1992 по 2007 год вы были председателем Петербургского отделения ВООПИиК, занять эту должность Вас уговорил Лев Павлович Тихонов. Почему он предложил именно Вам взять на себя эту сложную задачу?

— Могу сказать, мы со Львом Павловичем были довольно дружны. С семидесятых годов, когда он стал заместителем председателя ВООПИиК, мы встречались очень часто. Я тогда работал в секции пропаганды городского отделения Общества, занимался в основном чтением лекций, проводил экскурсии. Такого рода активность обратила на себя его внимание. Когда ушел из жизни Борис Борисович Пиотровский, Лев Павлович решил, что теперь я должен заменить его на должности председателя.

— Когда Вас пригласили стать председателем Петербургского отделения ВООПИиК, что собой представляла эта должность? Это была официальная служба или общественная работа?

— Это была общественная работа, за которую ничего не платили. Но в Обществе была также группа штатных сотрудников, маленький аппарат, без которого работа организации была бы просто невозможной, вот эти люди получали весьма скромную зарплату. В число штатных сотрудников, помимо заместителя председателя, секретаря и бухгалтера, входили референты секций, составлявших городское отделение Общества. Возглавляли секции квалифицированные специалисты, тоже являвшиеся общественными работниками, а опирались они на помощь референтов. Секция пропаганды, в частности, досталась мне, а крупный ученый-историк Валентин Михайлович Ковальчук руководил исторической секцией. Василий Никифорович Питанин, известный архитектор, мой друг по Институту имени Репина, возглавлял архитектурную секцию, — и все это были общественные должности. Но в паре с каждым из этих руководителей текущей работой занимались штатные сотрудники городского отделения, и их роль невозможно переоценить.

В исторической секции функции референта прекрасно исполнял Лев Львович Азанчевский, тоже штатный сотрудник Общества, к великому сожалению, его нет уже на

этом свете. Необходимо упомянуть Ирину Владимировну Рудневу, она до сих пор действует в качестве заметного активиста Общества. В настоящее время она профессионально занимается проблемами, связанными с искусствоведческой экспертизой, но при этом не теряет связь с ВООПИиК, по-прежнему входит в состав нашего совета, так же, как и Ирэн Александровна Мартыненко — руководитель секции пропаганды. Хочу упомянуть и Валентину Ивановну Васильеву, в течение многих лет занимавшую должность секретаря президиума городского отделения, а это второе лицо в аппарате.

— Каким образом Ваша искусствоведческая специализация перекликалась с работой ВООПИиК?

— Искусствоведение стало моей второй профессией, а первой была инженерная. Я получил техническое образование, окончив в 1957 году Кораблестроительный институт. Десять лет после этого я работал в ЦНИИ имени академика Крылова и сумел защитить там кандидатскую диссертацию. С этим событием совпало окончание Института имени Репина, куда я поступил в 1960 году. Этот шаг я с трудом объясняю даже самому себе, когда меня об этом спрашивают, я всегда ссылаюсь на гены. Среди моих предков несколько архитекторов. Их генов, видимо, оказалось недостаточно для того, чтобы я тоже стал архитектором, но на занятия историей архитектуры они меня спровоцировали.

В Институте имени Репина я подпал под влияние Андрея Львовича Пунина — в ту пору молодого и чрезвычайно энергичного педагога. Сейчас он столь же энергичный и широко известный ученый и продолжает мною руководить в качестве заведующего кафедрой истории архитектуры, на которой я ныне служу. Именно он, кажется, в 1963 году предложил мне заниматься северным модерном, причем сам же первым и ввел в употребление этот термин. Этого стиля в ту пору никто не понимал, более того, он считался упадочным, буржуазным и не интересным для изучения направлением. Андрей Львович оказался в числе первых исследователей модерна, сумевших по-новому взглянуть на это явление и объективно его оценить. Предложение Пунина меня заинтересовало. Модерн я изучал с большим интересом,

много занимался в архивах и музеях, а при этом еще работал инженером-кораблестроителем. Избранной теме были посвящены курсовые и дипломная работы, а потом пришло время разных публикаций. Мне удалось ввести в научный оборот сведения о творчестве архитекторов Ф. И. Лидваля и Н. В. Васильева. О Васильеве у меня даже вышли две книги, одна написана в соавторстве с В. Г. Исаченко, а другая — с американским исследователем Р. Гашо.

Как раз в эти годы, шестидесятые — начало семидесятых, наметилась тенденция к расширению списка памятников истории и культуры, охраняемых государством. Общество охраны памятников активно включилось в эту работу, помогая государственным учреждениям. В число памятников вошли также образцы северного модерна. Так наметился контакт между тем, что составляло суть моей работы как историка, и тем, чем занималось Общество охраны памятников. Кроме того я интересовался и многим другим, прежде всего архитектурой нашего города в целом. На этой почве возникли циклы лекций, которые я читал в разных лекториях, включая и лекторий Общества. На базе этих лекций, в свою очередь, получились и популярные книги — об архитекторе Вороникине, например, или о районах новостроек Ленинграда. Архитектуру так называемых спальных районов Ленинграда принято ругать, но эта тема, безусловно, заслуживает внимательного к себе отношения, в том числе с искусствоведческой точки зрения. Я и решил заняться сбором и систематизацией данных, относящихся к этой области строительной практики. Так, словно цепляя звено за звеном, и развивалась моя работа, связанная, в конечном счете, с деятельностью по пропаганде и охране архитектурного наследия, то есть с тем, что входит в сферу интересов Общества охраны памятников.

В результате мне пришлось оставить свою кораблестроительную деятельность. В 1967 году я ушел из ЦНИИ имени Крылова и был принят на должность старшего научного сотрудника в отдел архитектуры Научно-исследовательского музея Академии художеств.

— *Лекторий ВООПиК, который собирал большое число слушателей в замечательном лекционном зале, оборудованном в церкви Иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», в девяностые годы удалось сохранить?*

— Сохранить удалось, только не в этой замечательной аудитории. На исходе прошлого столетия лекторий очень сократился не только по количеству читаемых лекций, но и по числу слушателей. Вместо здания церкви у нас осталось меньшее по размерам помещение в доме при храме. То, что Общество располагает этим помещением, в значительной степени заслуга нашего заместителя председателя Антона Евгеньевича Иванова. В свое время он стал одним из активистов ВООПиК также с легкой руки Л. П. Тихонова. Ныне А. Е. Иванов одновременно руководит небольшой, но приносящей определенный доход строительно-реставрационной фирмой. И именно благодаря финансовой поддержке этой фирмы мы имеем возможность платить аренду.

Одна из комнат используется в качестве лекционной аудитории. В ней же проходят заседания совета и другие мероприятия, которые собирают человек тридцать — тридцать пять, больше наша главная аудитория вместить не может. Но все-таки это одно из важных общественных пространств города. В нем и Клуб знатоков заседает, и работают разные кружки и другие общественные группы, которые формировались и продолжают до сих пор действовать в рамках нашего Общества.

— *Как произошло, что Общество охраны памятников лишилось здания, которое было отреставрировано, по сути, на членские взносы?*

— Очень просто. Под напором РПЦ. Был издан закон о реституции в отношении церкви, созданный при поддержке Б. Н. Ельцина. Согласно закону, все материальные объекты и ценности, которые в свое время были отображены у церкви государством, было предписано вернуть, и это, в принципе, справедливо. Но тот же закон обязывал обеспечить равноценную замену изымаемым объектам недвижимости. И если отъем имущества в пользу церкви осуществлялся достаточно успешно, то предписание возмещения потерь, насколько мне известно, исполнялось с большим трудом. Для Общества охраны памятников компенсацией за утрату церковного здания, выполнявшего функции большого лекционного зала, стало разрешение на использование части примыкающего к нему небольшого флигеля. На него тоже покушались разные «новорусские» структуры, но нам, все же, удалось его отстоять, только надолго ли?

События, связанные с возвращением верующим церкви, происходили в бытность мою председателем. Я довольно долго сопротивлялся грубым «наездам», но, в конце концов, храм снова стал выполнять свои первоначальные функции. Кстати говоря, церковное здание на Шпалерной, по-видимому, не очень удобно с литургической точки зрения из-за своей ротондальной формы. А вот для выполнения светских общественных функций зал, увенчанный куполом и окруженный колоннадой, подходил прекрасно. В нем размещались специально спроектированные слегка изогнутые скамьи для слушателей, с микрофонами, встроенными в спинки, благодаря чему удалось преодолеть акустические недостатки интерьера. Зал стал местом проведения многочисленных выставок, а главное, здесь велась лекционная пропаганда, проводились заседания и собрания, на которых обсуждались весьма важные для дела охраны памятников проблемы и выслушивались самые разные мнения на этот счет. Конечно, утрата этого удобного, торжественно решенного общественного пространства сказалась на деятельности городского отделения ВООПиК сугубо отрицательно.

— *Какой наиболее яркий пример Вы можете привести о дискуссиях, проходивших в этих стенах?*

— Пожалуй, это наши встречи, споры и примирения с образовавшимися в годы перестройки молодежными организациями, тоже увлекавшимися проблемами

охраны памятников. К их числу относились, в частности, Группа спасения памятников во главе с нынешним депутатом ЗАКСа А. А. Ковалевым и объединение «ЭРА», что означает «Экология рядовой архитектуры». Молодежное движение ярко проявило себя в то время, когда решалась судьба старинного здания гостиницы «Англетер», намечавшегося к сносу. Молодые защитники памятников были настроены крайне враждебно по отношению к Обществу охраны памятников как к креатуре советского времени. Так оно и было. Общество было создано под эгидой государства и пользовалось его поддержкой. И это хорошо! Потому что, если бы такой поддержки не было, то многое из того полезного, что Общество сумело осуществить, сделать бы не удалось. И организацию ВООПИиК, и его поддержку я могу поставить в заслугу советской власти, хотя поклонником ее отнюдь не являюсь. Но молодежные организации видели в Обществе охраны памятников советский анахронизм, который надо затоптать, стереть в порошок. На этой почве и возникали споры, острые дискуссии. Наши оппоненты приходили на собрания в ту самую церковь, пока ее не отняли. А спустя некоторое время это противостояние сгладилось, потому что и мы, ВООПИиК, и они, представители новой волны, ставили перед собой одну цель и стремились ее достичь, в конечном счете, сотрудничая друг с другом.

— *За тот период, что Вы были руководителем Петербургского отделения ВООПИиК, что было самой большой «болью»?*

— Потери зданий-памятников, когда не удавалось их предотвратить, конечно, всегда больно отзывались в сердце. Однако самая большая боль — это, пожалуй, изменение самого менталитета в сфере, связанной с охраной культурных ценностей. Приход к власти новых «хозяев жизни» повлек за собой многочисленные беды и потери для памятников культуры. Это объясняется тем, что к власти пришли люди крайне низкого культурного уровня, совершенно не представляющие себе, насколько ценны эти малопонятные им памятники. Лишь постепенно до их сознания стало доходить, что можно извлечь из этих памятников немалую финансовую выгоду, если обращаться с ними соответственно. Но эта истина открылась властям предрежающим далеко не сразу. А сначала это была политика «парового катка», который должен был пройти по историческим территориям. И подобные цели нередко достигались, невзирая ни на какие правовые нормы, положения или ограничения, установленные законами. Противостоять этому разрушительному напору было чрезвычайно трудно. Потери происходили, причем, не только из-за сноса памятников прошлого, но и вследствие возведения новых зданий в пределах охраняемых территорий. И уж если говорить обо мне лично, то я до сих пор с ужасом прохожу мимо

тех сооружений, которые возникли в таких местах, где, как я считаю, они никогда не должны были появиться. Таковы, например, новое здание рядом с Александринским театром, «элитный» дом на Манежной площади или торговое заведение, которое видно теперь с Невского проспекта сквозь колоннаду Казанского собора. Этот список, к великому сожалению, может быть продолжен. Все эти сооружения в принципе не могут ужиться с исторической петербургской средой, они ее испортили, и вот это я переживаю болезненно и никогда не привыкну к такому вандализму.

Безусловно, апофеозом подобного неприемлемого, на мой взгляд, давления на историческую среду стало предложение компании «Газпром» соорудить на Охте, напротив Смольного монастыря, небоскреб высотой 400 метров. Борьба против этого дикого замысла развернулась в 2000-е годы, — как раз тогда, когда я был председателем городского отделения Общества охраны памятников. Эта борьба закончилась, я полагаю, с пользой для города, поскольку под давлением общественного мнения «Газпром» от своего проекта отказался. Но, как выяснилось, не совсем, и теперь монстр полукилометровой высоты начали сооружать в районе Лахты, откуда он наверняка столь же наглядно будет доказывать свою несовместимость с городом, как и в «охтинском» варианте. Значит, Обществу охраны памятников и в будущем тоже всегда найдется работа.

— *Какие конкретные задачи стоят перед ВООПИиК в этом году?*

— Они, собственно говоря, не меняются. В первую очередь, это постоянный общественный контроль градостроительной деятельности, что требует сохранения и развития контактов с другими организациями, ставящими перед собой подобные же цели. Очень важно взаимодействие с авторитетными международными организациями — ИКОМОС, ЮНЕСКО. На данном этапе одна из болевых точек города — это создание так называемого судебного квартала рядом с Биржей. В этом месте, рядом со Стрелкой Васильевского острова, не должно быть очень сильных новых архитектурных акцентов, которые могли бы внести серьезные изменения в сложившийся городской пейзаж. Второй момент, внушающий очень сильное опасение, — это возведение газпромовского небоскреба теперь уже в Лахте. Третий — разработка нового Генерального плана города с новыми режимами зон охраны, это проблема, которая сейчас находится в стадии обсуждения. Пока не совсем понятно, во что это, в конце концов, выльется, и насколько большая угроза с этой стороны придет традиционному Петербургу.

Вот такие всех нас ожидают дела... И, конечно, постоянные усилия по пропаганде того, что мы считаем ценным, и что необходимо защищать.

ЛИСАЕВИЧ
ИРИНА ИГНАТЬЕВНА —
*Член секции пропаганды.
Руководитель секции экскурсоводов.
Член Совета ЛГО ВООПИиК*

— К Обществу охраны памятников я действительно имею отношение, свидетельством тому мой членский билет 1969 года. Связано это, прежде всего, с моей экскурсионной деятельностью.

После окончания университета меня рекомендовали в аспирантуру по истории архитектуры, но, поскольку мой отец был арестован в 1938 году, меня в аспирантуру не приняли. Я поняла, что заниматься наукой мне не суждено, и отправилась работать в ТЭУ, «Туристское экскурсионное управление» — была такая организация при профсоюзах, и стала работать экскурсоводом.

Позже я поступила в аспирантуру Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР по специальности «теория архитектуры». Именно это меня интересовало. В аспирантуре у меня был великолепный руководитель — профессор Николай Борисович Бакланов, член-корреспондент Академии архитектуры. Надо было выбрать тему по теории архитектуры, и Николай Борисович мне посоветовал: «Знаете, поскольку речь пойдет не только о Ленинграде, вы должны дать некую историческую преамбулу, касающуюся и Европы. Поэтому давайте возьмем тему "Тип и образ административных зданий" — советских, конечно, но начать надо будет с Греции, ни много, ни мало». Греция, Рим, Средние века и так далее, капиталистический период и, наконец, советский. Это было очень интересно. Я написала диссертацию, и она даже была принята к защите, документ об этом у меня сохранился. Но тут появилось Постановление ЦК ВКП(б) и советского правительства об «излишествах» в архитектуре. «Какой же "образ" в архитектуре? И какая такая "художественность"? Прежде всего, это — техника и функция зданий!» — и тому подобные мысли содержались в постановлении... В этой ситуации мой руководитель сказал: «Мы не будем рисковать». В результате среди тех бумаг, которые я планирую вскоре передать в архив, будет и моя диссертация, написанная, но не защищенная. В аспирантуру я потом вернулась, правда, спустя годы... Потом работала в Городском экскурсионном бюро (ГЭБ), в Бюро путешествий.

В Экскурсионном бюро на улице Римского-Корсакова в 1969 году я получила удостоверение члена Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

— То есть, вам просто выдавали членские билеты на работе?

— Дело в том, что Экскурсионное бюро тогда входило в ВООПИиК. Городское отделение Общества охраны памятников тогда находилось в храме (не действующем) на углу Шпалерной улицы и проспекта Чернышевского, я там читала лекции, проводила семинарские занятия с экскурсоводами, учила их методике.

Я говорю, прежде всего, с точки зрения экскурсовода: мне кажется, что сегодня ВООПИиК должен вникнуть в проблему и задуматься над тем, кто и что говорит на своих экскурсиях. Ведь в Петербург приезжает много гостей, и нужно достойно представлять наш город, а для этого профессионализм наших экскурсоводов должен быть на высоте, как это было в прежние времена.

Я радуюсь, что сняты запреты на целые темы и направления, и благодаря этому появилось много прекрасных книг. Например, Андрей Львович Пунин написал книгу «Архитектура капиталистического Петербурга»...

— У Вас в постперестроечный период вышла целая серия книг, посвященных Петербургу...

— Вы правы, но все-таки уточню: моя книга «Первый архитектор Петербурга», посвященная Трезини, была издана еще в 1971 году. Малюсенькая книжечка, вышедшая в «Лениздат». После выхода книги в «Лениздат» пришло письмо за подписью пятерых человек, некоторых из них я знала. Оно содержало резкую критику и в мой адрес, и в адрес издательства. В частности, меня обвинили в том, что я пользуюсь «буржуазной историографией». Но я ссылаюсь на современников Петра I, буржуазия у нас появилась значительно позже! В «Лениздат» отнесли к моим аргументам с пониманием, но сказали, если письмо есть, и в нем затронута «политическая» тема, мне необходима ученая степень, иначе в дальнейшем я не смогу у них печататься. В результате снова встал вопрос об аспирантуре, и в дело вмешался случай.

Я пришла в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ, ныне ГАСУ), где встретила с Владимиром Ивановичем Пилявским, с которым мы были знакомы по экзамену в аспирантуре Академии архитектуры. Он сказал, что знаком с моей книжкой. И добавил, что после нее надо браться за диссертацию. Пилявский убедил меня поступить в заочную аспирантуру ЛИСИ, после чего я стала уже более глубоко заниматься Трезини. Это был, наверное, 1973 год.

— Мы говорили о том, что в постсоветский период появилось много новых книг по истории архитектуры. Как это коснулось Вас лично?

— Когда «Лениздат» прекратил свое существование, со мной связалась бывшая заведующая его краеведческой редакцией Александра Максимовна Березина. Она сказала, что ее знакомые издатели получили заказ от одного из петербургских банков на издание книги о банках. Их интересовала, в том числе, история зданий, в которых сейчас эти банки находятся. Александра Максимовна попросила

меня взяться за подготовку таких книг. Я открывала для себя в этой работе не только здания, но и людей: Нобель, Канкрин, Рейтерн, банкиры, меценаты и прочие... Да и Александра II в роли создателя Государственного банка я до этого совсем не знала.

Я увлеклась этой темой, и в 1996 году появилась книга «Ради благоденствия России». Она хорошо издана, прекрасно иллюстрирована, переведена на иностранный язык. И это, конечно, примета нового времени. Об этом я тоже рассказывала на занятиях ВООПИиК, показывая книги и радуясь реакции слушателей.

В свое время я подавала заявку еще в «Лениздат» на книгу «Санкт-Петербург. Архитектурный портрет», которая появилась только в 2002 году. В ней я писала и об эклектике, и о модерне, о чем раньше и помыслить не могла.

— *А если вернуться к первым постперестроечным годам? Что еще стало для Вас приметами тех лет?*

— Как ни странно, предпринимательство. Мы с коллегами по экскурсионному бюро, уже выйдя на пенсию, создали свой кооператив ВЭТ — расшифровывается как

«Ветераны экскурсионного труда». Экскурсионное бюро почему-то решило, что не будет рисковать, и наш кооператив был создан в апреле 1988 при Совете по туризму и просуществовал 26 лет.

При Обществе охраны памятников тогда тоже был создан экскурсионный кооператив, но он почему-то долго не просуществовал. А потом пошла настоящая лавина всевозможных экскурсионных фирм.

Я знаю, что в свое время ВООПИиК уделял должное внимание экскурсионному делу. Именно при Обществе охраны памятников был создан Институт Петербурга. Потом он отделился и стал самостоятельным. Полагаю, что Общество не только имеет право, но и, на мой взгляд, обязано интересоваться, чему они учат и как это делают, и держать этот вопрос под контролем. Я бы очень хотела, чтобы ВООПИиК этим занялся.

Ну, а дружба экскурсионных фирм и ВООПИиК, как это было раньше, несомненно, пойдет на пользу нашему любимому Петербургу, который славится в мире своей историей и красотой, — в том числе, и благодаря ответственной экскурсионной деятельности.

МАРГОЛИС

АЛЕКСАНДР ДАВИДОВИЧ —

Генеральный директор Международного благотворительного Фонда спасения Петербурга – Ленинграда .

Член секции исторических памятников, сопредседатель СПб ГО ВООПИиК (2007–2012 гг.),

председатель регионального отделения Общества с 2012 г.

— Я вступил в ВООПИиК в 1973 году, когда работал экскурсоводом в Петропавловской крепости. Тогда темой моих научных занятий была история тюрьмы и ссылки в царской России, поэтому я активно включился в деятельность ЛГО ВООПИиК в период подготовки к 150-летию восстания декабристов. Директором Музея истории Ленинграда была Людмила Николаевна Белова. Одновременно она являлась заместителем Бориса Борисовича Пиотровского, председателя нашей городской организации. В 1974 году Белова предложила мне стать научным сотрудником отдела истории города досоветского периода, заняться темой «Декабристы в Петербурге» и принять участие в подготовке грядущего юбилея.

Тогда же в ВООПИиКе Лев Павлович Тихонов и руководитель исторической секции Валентин Михайлович Ковальчук поручили мне подготовить методическое пособие «Памятные места движения декабристов в Петербурге». Эта брошюра была издана ЛГО ВООПИиК в 1975 году. Одновременно я участвовал в создании декабристского раздела экспозиции «История Петербурга-Петрограда» в Комендантском доме Петропавловской крепости; представлял музей на всесоюзной юбилейной конференции в Чите с докладом «Путь следования декабристов

в Сибирь»; подготовил телепередачу «День 14 декабря 1825 года» для Ленинградского телевидения; занимался подготовкой к открытию обелиска на валу Кронверка и первых мемориальных досок декабристам в нашем городе, читал лекции о декабристах в Петербурге в лектории Общества и на других площадках. Так началась моя деятельность в Обществе более сорока лет назад.

В конце 1970-х годов по рекомендации Людмилы Николаевны Беловой я возглавил секцию исторических памятников в отделении Общества в Октябрьском районе.

Главная особенность тогдашней организации заключалась в ее массовости: к концу 1980-х годов в ЛГО ВООПИиК состояло 450 тысяч членов и 1800 первичных организаций. Это значит, что практически во всех вузах, музеях, крупных промышленных предприятиях были первичные организации ВООПИиК. Очевидно, что в то время обеспечить создание такой сети без поддержки и прямых директив сверху было бы невозможно. Если вспомнить, как организация появилась на свет в середине 1960-х годов, это становится совершенно ясно.

Тогда в Ленинграде существовало 21 районное отделение общества, отделения были практически во всех районах города. Каждая районная организация имела прибли-

зительно такую же структуру, как и городское отделение воопиик в целом. В соответствии с уставом мы были призваны изучать и пропагандировать памятники истории и культуры, из членских взносов выделять денежные средства на реставрацию, осуществлять общественный контроль реставрации, содержания и использования памятников, выявлять новые памятники и содействовать их постановке на государственный учет.

Итак, в конце 1970-х я оказался председателем секции исторических памятников Октябрьского района. В ту пору это районное отделение ЛГО ВООПИиК возглавлял известный скульптор, профессор академии художеств Вениамин Борисович Пинчук, а его ближайшими помощниками были Нонна Николаевна Федорова и Галина Васильевна Крайнова. Мы регулярно собирались в Юсуповском дворце на Мойке. Для меня самым ярким событием того времени стало создание музея-квартиры Александра Блока в доме на углу улицы Декабристов и набережной реки Пряжки. Этот филиал музея истории ленинграда под руководством Л. Н. Беловой открылся в конце 1980 года к 100-летию со дня рождения поэта. Кстати, в дальнейшем члены ЛГО ВООПИиК участвовали и в обновлении Музея А. С. Пушкина на Мойке, 12, и в создании музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме.

Что было главным в тот период истории Общества? Просвещение: лекции, экскурсии, газетные и журнальные публикации на основе изучения истории города. Создатели ВООПИиК исходили из того, что основная беда — небрежение к наследию как следствие непросвещенности. Наша организация тогда видела свою миссию в исследовательской и просветительской работе, в привлечении лучших краеведов, которыми всегда славился наш город.

Ведущие петербурговеды стали регулярно выступать в лектории ВООПИиК в Скорбященской церкви на Шпалерной (циклы лекций «История ленинградских улиц», «Русские архитекторы XVIII–XX вв.», «Дворцово-парковые ансамбли пригородов Ленинграда»). Одним из лучших лекторов был Юрий Михайлович Денисов, преподаватель кафедры истории искусств Ленинградского университета, знаток петербургской архитектуры. Значительно расширив для нас круг памятников и имен архитекторов второй половины XIX — первой трети XX вв., Ю. М. Денисов, В. Г. Лисовский, Б. М. Кириков, М. С. Штиглиц и другие историки архитектуры, сделали очень важное дело для спасения памятников петербурга.

В конце 1970-х годов при ЛГО ВООПИиК возник «Клуб знатоков Ленинграда» (первый председатель — Густав Александрович Богуславский), проводивший тематические заседания: «Из истории фабрик и заводов», «Жизнь города сто лет назад», «Была война, была блокада», «История театров Петербурга-Ленинграда», «Имя в истории города», «Жизнь и деятельность историков и краеведов Ленинграда». Совместно с Дворцом пионеров был организован ежегодный краеведческий конкурс старшеклассников «Ты — ленинградец», заложивший основы массового детско-юношеского краеведческого движения в городе (руководитель — Владимир Ильич Аксельрод).

Характерно, что возросшая во второй половине 1980-х годов общественная активность горожан, главным образом молодежи, проявилась в первую очередь в деле спасения от разрушения старых домов, хранящих память о замечательных людях или просто составляющих необходимый элемент архитектурной среды в историческом центре. Первую массовую акцию защитники «экологии культуры» (Д. С. Лихачев) провели 19 октября 1986 года на Владимирской площади у предназначенного к сносу дома Дельвига. Митинг организовали Группа спасения памятников (лидер — Алексей Ковалев) и Интерьерный театр (художественный руководитель — Николай Беляк). Исторический памятник удалось отстоять. Это была вдохновляющая победа общественного движения в защиту культурного наследия.

С конца 1990 года я работал с Анатолием Александровичем Собчаком, тогда председателем Ленсовета. Когда по его инициативе возник Фонд спасения Петербурга-Ленинграда, меня избрали его директором. Главной целью своей деятельности фонд, возникший в период острейшего кризиса, провозгласил объединение интеллектуальных, финансовых усилий и возможностей российских и зарубежных организаций, предприятий, правительственных и неправительственных учреждений и отдельных граждан для возрождения Петербурга как уникального центра науки, культуры и предпринимательства мирового значения, для сохранения и развития лучших петербургских традиций. В совет фонда вошли Д. С. Лихачев, Ж. И. Алферов, М. К. Аникушин, Н. П. Бехтерева, С. П. Меркурьев, А. П. Петров, Т. А. Славина, М. М. Шемякин и другие выдающиеся деятели науки и культуры. Разумеется, Фонд спасения поддерживал контакты с Петербургским отделением ВООПИиК, которое в 1990-е годы возглавлял Владимир Григорьевич Лисовский. Например, с его участием мы издали в 1995 году иллюстрированный «Путеводитель по Санкт-Петербургу» на английском языке.

Начало нового подъема общественного движения в защиту культурного наследия в нашем городе (в начале XXI века его стали называть градозащитным движением) следует датировать 2006 годом. Это связано с появлением проекта строительства небоскреба «Газпрома» на Охтинском мысу, на месте выдающегося памятника археологии допетровского времени. Попытка бесцеремонного вторжения в исторический центр Петербурга, включенный в 1990 году в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, вызвало законное возмущение и массовое сопротивление. Борьба против 400-метровой «кукурузины Газпрома» объединила ВООПИиК, Фонд спасения, Фонд имени Д. С. Лихачева, молодежную группу «Живой город», возникшую на этой волне, и другие общественные организации Петербурга.

В самый разгар этой борьбы, в апреле 2007 года меня и Маргариту Сергеевну Штиглиц избрали сопредседателями городской организации ВООПИиК. Я понимал, что успешность нашей деятельности во многом зависит от взаимодействия с медийным сообществом («четвертой властью»). Вскоре появился первый сайт ВООПИиК,

мы стали регулярно выступать на радио, телевидении, вовлекать в работу независимых журналистов.

Еще одна задача, которая кажется мне приоритетной, — консолидация вокруг ВООПИиК всех градозащитников, разделяющих наши взгляды. Сейчас в составе совета организации наряду с ветеранами (Ирэн Александровна Мартыненко, Владимир Григорьевич Лисовский, Михаил Исаевич Мильчик) работают члены группы спасения па-

мятников 1980-х годов (Алексей Ковалев, Татьяна Лиханова, Сергей Васильев, Павел Никонов), координаторы «Живого города» (Юлия Минутина, Дмитрий Литвинов, Анна Капитонова) и другие. Не всегда удается добиться взаимопонимания между разными поколениями градозащитников, но достижение единства необходимо для успешной борьбы с «современным вандализмом», борьбы, начатой нашими предшественниками еще в начале XX века.

ДЕМЕНТЬЕВА

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА —

Член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Министр культуры РФ (1998–1999 гг.)

Руководитель молодежной секции ЛГО ВООПИиК

— *Наталья Леонидовна, с Обществом охраны памятников Вы были связаны в разные периоды жизни в самых разных ипостасях. С чего начались ваши отношения с ВООПИиК?*

— Эта история началась с моего перехода с Дворцовой набережной, 18, где я занималась научной деятельностью в рамках Института археологии, в Ленинградское городское отделение Общества охраны памятников на улице Воинова, ныне Шпалерная, в прекрасное здание церкви во имя иконы «Всех скорбящих Радости». Надо сказать, что я была очень довольна своей научной работой в составе не просто замечательной, а самой лучшей археологической экспедиции под руководством А. Д. Грача. Мы тогда работали в Саяно-Шушенской экспедиции Академии наук в зоне будущего затопления.

Но случается так, что происходят резкие перемены в жизни и приходится делать определенный выбор. Выбор перейти на работу в ВООПИиК мне помогла сделать Людмила Николаевна Белова, которая в ту пору была директором Музея истории Ленинграда и заместителем председателя Ленинградского городского отделения Общества. Людмила Николаевна хорошо знала мои личные обстоятельства: только что, еще очень молодой, ушла из жизни моя мама, и я больше не могла продолжать практику ученого-археолога с ее обязательными полевыми исследованиями. Л. Н. Белова пригласила меня на постоянную работу в Общество, к которой я приступила 18 декабря 1972 года.

В небольшом штате городского отделения Общества охраны памятников уже действовали секции архитектуры, истории, пропаганды, а также специальная секция по работе с молодежью, созданная в июле 1969 года. Ее задачей было способствовать тому, чтобы представители нового поколения знали, любили и сохраняли памятники истории и культуры нашего города. Это и стало моей первой работой в ВООПИиК.

Позднее мне поручили, вместе с И. А. Вороновой (Мартыненко), ответственной за работу секции пропаганды, ор-

ганизацию лектория. В мои задачи входило приглашение известных специалистов, изготовление буклетов и афиш к лекциям. Процесс разворачивался непросто и медленно. Много изменилось с появлением хорошо оборудованного лекционного зала. Ведь что знали о ВООПИиК? Большинство платили по 30 копеек членских взносов, и этим их участие в Обществе ограничивалось. Теперь же горожане увидели, что мы ведем конкретную и значительную работу. У меня сохранились фотографии первых заседаний в рамках лектория: сидят мои родственники, друзья, в зале человек двадцать-тридцать. Постепенно лекторий завоевывал популярность. Все ответственные секретари в районах были заинтересованы в том, чтобы их активисты пришли и послушали эти лекции. Эти лекции были разные, их читали архитекторы-проектировщики, искусствоведы, историки. Аудитория росла, в зале собиралось по пятьдесят-шестьдесят, а потом сто и более человек. Я рада, что в моей жизни был такой период. Это позволило мне познакомиться со многими интересными людьми.

— *В наши дни работу ВООПИиК с молодежью называют одним из важнейших направлений деятельности. Как это было организовано тогда?*

— В основном эту работу налаживали ответственные районные секретари. Задача тех, кто отвечал за лекторий, заключалась в том, чтобы организовать такие лекции, которые будут интересны всем, в том числе и молодежи. Очень многое зависело от выбора тем, и они были разнообразными. Один лекторий был посвящен памятникам декабристам в Петербурге-Ленинграде, другой — монументам военной славы. Мы организовывали встречи с лауреатами премий в области архитектуры. Например, состоялась встреча с авторами замечательного мемориала «Партизанская слава» под Лугой. И сегодня он производит впечатление, а в те годы воспринимался как настоящее откровение. Мы устроили встречу с его авторами, архитектором В. Б. Бухаевым, скульпторами В. И. Неймарком, С. А. Кубасовым,

В. И. Бажиновым, В. Э. Горевым. Все они были учениками Михаила Константиновича Аникушина, который тоже выступал в лектории и умел увлечь зал своими рассказами. Всегда охотно участвовал в лектории председатель нашего городского отделения Борис Борисович Пиотровский, большой популярностью пользовалась его лекция об Урарту. И где еще молодежь могла с ними встретиться?

— *В наши дни у ВООПИиК для такой работы еще больше возможностей. Заметили, какой сейчас интерес у молодежи к археологии, к волонтерскому движению за сохранение памятников?*

Я горжусь, что мы были первыми, когда в Музее истории Петербурга в Петропавловской крепости организовали кружок «Музей и дети». Потом такой же кружок создал Музей политической истории. Идея в том, чтобы в выходные дни родители с детьми приходили в музей и вместе слушали рассказы об истории города, рассматривали макеты, а также что-то делали своими руками. Все это очень важно для того, чтобы из ребенка, даже если он не родился в Петербурге, а только приехал сюда с родителями, воспитать горожанина, петербуржца.

— *В 1979 году Вы были назначены на должность начальника Инспекции охраны памятников Леноблисполкома. С одной стороны, Вы продолжили дело охраны памятников, с другой стороны, из общественной организации перешли в государственную структуру. Вы сразу почувствовали разницу?*

— Получилось так, что я везде работала по семь-восемь лет, а потом меня куда-то приглашали, сама я при этом никакой инициативы не проявляла. Но хочу уточнить, что сменила место работы еще до того, как получила предложение от областной инспекции охраны памятников. Та же Людмила Николаевна Белова сказала мне, что возникла необходимость в главном хранителе крепости «Орешек» в Шлиссельбурге, филиале Музея истории Ленинграда, и я решила туда перейти. Памятник это городской, но находится уже на областной территории. Это был тоже интересный, хотя не особенно длительный опыт работы.

Когда меня пригласили в Инспекцию охраны памятников Леноблисполкома, мудрая Людмила Николаевна Белова предупреждала: «У тебя один очень достойный "Орешек" и особой головной боли нет, а там, куда ты идешь, у тебя будет много больных орешков и одна головная боль, подумай несколько раз». Но я приняла приглашение и разницу почувствовала сразу же, поскольку дело сохранения памятников истории и культуры здесь перешло из области пропаганды и просветительства в область охранной практики.

Это был 1979 год, и шла уже подготовка к Олимпиаде-80. От ивангородской крепости до Выборга следовало подготовить трассу для будущих олимпийских гостей, которые поедут к нам из Таллинна и Выборга. Предполагалось, что они будут следовать большими автобусными колоннами. Перед нами поставили задачу привести в порядок памятники, которые находились в зоне видимости из туристического автобуса. Это был приказ во благо, по-

тому что нам выделили средства, а мы, разумеется, не собирались строить «потемкинские деревни». Мы взялись за реставрацию почтовых станций и важных объектов, включая дом Набокова в селе Рождествено, башню Ратуши и Часовую башню в Выборге.

Параллельно велись и другие работы: в Подпорожье с его деревянным зодчеством, в крепости Корела в Приозерске, по памятникам Волховского района, в первую очередь, Старой Ладоги со Староладожской крепостью и собором Святого Георгия. В Никольском монастыре исторически достоверно были отреставрированы Святые ворота по проекту Марка Ивановича Коляды, молодого председателя архитектурной секции городского отделения ВООПИиК. Сегодня М. И. Коляда известен многим по реставрации Казанского собора.

В работе в областной инспекции мне помогал опыт, приобретенный в городском отделении Общества охраны памятников. Я знала азы законодательства, правила работы и имела за плечами хорошую городскую команду, а также представление о некоторых проблемах у общественной организации с КГИОП. Но, конечно, работа в областном масштабе была делом гораздо более сложным, чем в крепости «Орешек».

Библиотека Алвара Аалто в Выборге была одной из наших болевых точек. Помню, как вместе с главным архитектором Выборга Анатолием Цезаревичем Дычинским мы активно искали выход из положения. Неужели, при наших-то сверхмощных заводах, которые работают на космическую промышленность, мы не сможем сделать зенитные фонари в кровле библиотеки так, чтобы они соответствовали замыслу Аалто и, чтобы не было протечек на потолке? Но эту трудную задачу мы решили. Отреставрировали башню Ратуши, крытый рынок, дом купеческой гильдии. Постепенно реставрируем Анненские укрепления.

Но ведь проблема этим не исчерпывается, дальше возникает вопрос: «Для чего мы это реставрируем, кому все это будет принадлежать?». Мало привести памятники в порядок, их нужно еще наполнить аутентичным содержанием. В связи с этим просто нельзя не вспомнить директора Дома станционного смотрителя Валентину Тимофеевну Якушеву. Ничуть не отрицаю заслуг архитектора Александра Александровича Семочкина, который занимался его реставрацией. Но вся дальнейшая судьба памятника — это целиком личный подвиг В. Т. Якушевой. Именно она смогла наполнить его подлинно пушкинским содержанием.

— *После перехода на новую работу Вы не потеряли связи с городским отделением Общества охраны памятников?*

— Конечно. Во-первых, научные сотрудники Музея истории Ленинграда-Петербурга в основном были членами Общества охраны памятников. Это Александр Давидович Марголис, Борис Михайлович Кириков, Лев Яковлевич Лурье, Мария Леонидовна Макогонова, Алла Васильевна Повелихина. Людмила Николаевна Белова, которая 33 года была директором музея, и одновременно правой рукой председателя в городском отделении Общества.

Признаюсь, что со времени работы в ВООПИиК у меня сохранилось больше теплых человеческих взаимо-

отношений, чем даже со студенческих времен. Мы и сейчас поддерживаем связь, у нас по-прежнему много общих волнующих тем.

Но самое ценное в работе по охране памятников для меня, и это я хочу подчеркнуть особо, — что я застала то поколение реставраторов, которые после блокады возродили город. Это были совершенно уникальные люди. Мне очень повезло, что удалось близко познакомиться с этими прекрасными архитекторами, живописцами, — они тогда были уже очень известными специалистами. Это Софья Васильевна Попова-Гунич, Евгения Владимировна Казанская, Анатолий Владимирович Трескин, Яков Александрович Казаков, Леонид Александрович Любимов, Иван Петрович Саутов.

Особо хочется сказать об одной из основательниц ленинградской школы реставраторов Ирине Николаевне

Бенуа. Она много сделала для восстановления Кикиных палат, Строгановского дворца, Царскосельского лицея, Нарвских ворот. Ирина Николаевна работала ведущим архитектором-реставратором Петропавловской крепости. Сохранился уникальный чертеж крепостной стены с бастиянами, выполненный ею в 1957 году. Именно на эту работу обратил внимание принц Уэльский Чарльз во время своего визита в Петербург в 1994 году: «Какая тонкая работа! Кто ее автор?». Я ответила, что это работа нашего реставратора, назвала ее имя. Ирине Николаевне в то время было 82 года. «Передайте леди мое восхищение!».

С ее согласия, при помощи коллег была изготовлена копия этой работы, и мы успели передать ее принцу Чарльзу.

Повторю, я очень благодарна судьбе за то, что мне повезло на встречи с такими замечательными людьми.

**НЕКРАСОВ
СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ** —
*Директор Всероссийского музея
А. С. Пушкина,
член президиума ЛГО ВООПИиК*

— В январе 1988 года я пришел на Мойку, 12. Новая экспозиция квартиры Пушкина уже примерно год как существовала, и вся работа музея с ВООПИиК проходила еще до меня. Но так как за год до того, как меня назначили директором музея, я знал, что буду здесь работать, то часто приходил сюда. С Мариной Николаевной Петай, моей предшественницей, мы неоднократно обсуждали возможности развития музея и проблемы, связанные с завершением работ по реконструкции. В это же время я познакомился со Львом Павловичем Тихоновым, заместителем председателя городского Общества охраны памятников, который был активным членом нашего ученого совета.

Как правило, ученый совет проходил у нас не очень мирно. Особенно острая дискуссия возникла по поводу реконструкции Музея-квартиры Пушкина 1983–1987 годов. Ранее в музее было семь комнат, а после переустройства их стало одиннадцать, и новое экспозиционное решение вызывало разногласия. Например, до реконструкции передняя имела три окна, выходящих на Мойку, а следующая за ней комната — всего два. При Пушкине все было наоборот, и в результате изучения документов в ходе реставрации удалось вернуться к прежнему состоянию.

Часть сотрудников считала, что сделано очень важное дело: квартире возвращен весь ее исторический объем, удалось уточнить архитектуру первого этажа и вернуться к тому, что было при Пушкине. Однако у другой ча-

сти сотрудников это, как мне представляется, адекватно найденное решение организации пространства музея-квартиры вызвало отторжение. Научной дискуссии был посвящен не один ученый совет, кроме этого было специально организовано большое заседание в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) с привлечением средств массовой информации. Но единой точки зрения по вопросу оценки реконструкции никак не удавалось достичь.

Позиция Льва Павловича в этом вопросе всегда была очень четкой, основанной на научно-прикладных данных, на материалах археологии. Кроме Льва Павловича, достаточно определенно высказывали свою точку зрения другие члены ученого совета — Дмитрий Сергеевич Лихачев, Михаил Константинович Аникушин, и, казалось бы, к ним можно было прислушаться.

Но дискуссия не утихла. Через год руководство Музея-заповедника «Царское Село» в лице Ивана Петровича Саутова вполне обоснованно уведомило нас о том, что истекает договор аренды нашим музеем церковного флигеля Екатерининского дворца и что нам следует искать другое помещение. Для нас это было серьезной проблемой: в церковном флигеле размещалась основная литературно-монографическая экспозиция «А. С. Пушкин. Личность. Жизнь и творчество».

И снова возникла бурная дискуссия с привлечением средств массовой информации, которая касалась этой экспозиции. Некоторые считали, что надо довольствоваться

и гордиться тем, что есть. Экспозиция, действительно, была замечательная. Ее в свое время создали под руководством Семена Семеновича Ланды, художником была Татьяна Николаевна Воронихина. Выставка была хороша на то время, когда создавалась и ничуть не устарела по содержанию, но экспозиционное решение и музейное оборудование требовали обновления.

Помню, как Лев Павлович продуманно и точно аргументировал необходимость поиска другого помещения для этой экспозиции. Он говорил, что ВООПИиК оказал активную помощь в подготовке открытия Музея-квартиры Пушкина. И не только в воссоздании квартиры Пушкина, но и всего дома на Мойке, 12. При этом Тихонов тонко заметил, что не стоит забывать про город, который находится за окнами здания, благодаря этому виду Петербург станет неотъемлемой частью новой экспозиции.

Лев Павлович обратил внимание на то, что Пушкин, если не считать самого раннего детства, жил в две эпохи, связанные с царствованием двух императоров, Александра I и Николая I. И что будет очень удачно, если на одном этаже посетителям будет представлена Александровская эпоха, а на другом этаже мы попадем в Николаевскую.

В декабре 2015 мы отмечали 90-летие Музея-квартиры Пушкина и совместно с Институтом русской литературы подготовили выставку, рассказывающую о создании музея. Мы назвали выставку «От Пушкинского дома к дому Пушкина».

Никогда не забуду, как активно Лев Павлович поддержал мою идею создания Музея Державина и русской словесности. В 1988 году на одном из ученых советов я отметил, что в музейном пространстве города представлен литературный Петербург от Пушкина до Ахматовой, — то есть XIX и XX век, но нет века XVIII. Где нам вести рассказ о Фонвизине, Карамзине, Державине, Львовско-державинском кружке, о тех, кто в XVIII веке создавал русскую литературу и русскую культуру, кто подготовил ту литературную среду, в которой вырос Пушкин? Такого музея городу явно не хватает. Я предложил создать такой музей в усадьбе Г. Р. Державина на Фонтанке и назвать его «Музей Державина и русской словесности его времени». Державин — лучший поэт той эпохи, и его дом в течение четверти века, с 1791 по 1816 год, пока он жил здесь, был центром русской литературно-художественной жизни.

Кроме того, особняк Державина — уникальный памятник истории и архитектуры конца XVIII–XIX века, находился тогда в плачевном состоянии, и его нужно было в буквальном смысле спасать. Капитального ремонта не было около ста лет, все разваливалось, дом к тому времени на 90 процентов был расселен. Я выступил с инициативой передать нам этот дом под музей, и далеко не все члены совета меня поддержали. Но Лев Павлович настаивал на том, что надо соблюдать преемственность, и если мы забыли какие-то страницы нашей истории, то это вовсе не означает, что их не было. Наша задача состоит в том, чтобы вернуть одну из таких забытых страниц.

В дальнейшем, когда в нашем музее происходили какие-то события: открытие выставок, различного рода научные конференции и заседания, мы всегда приглашали Льва Павловича, и он с удовольствием принимал в них участие.

Сегодня мы продолжаем взаимодействие с ВООПИиК, так как есть много проблем, в решении которых роль Общества охраны памятников очень важна.

В июне этого года президент подписал указ о праздновании 200-летия великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова. С 1946 года в Петербурге существует Музей-квартира Некрасова, он находится на Литейном проспекте, 36. У Пушкина есть известная фраза, пусть сказанная и по другому поводу: «Бывают странные сближения». Так вот, они действительно бывают! Одним из первых жильцов этого дома был Гаврила Романович Державин. В доме на Литейном он написал прославившую его знаменитую оду «Фелица». Позже там поселился Николай Алексеевич Некрасов и стал издавать пушкинский «Современник», который явился центром литературно-журналистской, литературно-издательской жизни города. Таким образом, дом этот имеет уникальное культурно-историческое значение.

Наш музей Некрасова уникален. Были восстановлены и комнаты Ивана Ивановича Панаева, который жил по соседству с Некрасовым и вместе с ним возродил журнал «Современник». На мой взгляд, это — лучший музей-квартира середины XIX века.

Однако любому музею нужна инфраструктура. В 1946 году об этом не подумали, прошло семьдесят лет, и сегодня нам остро не хватает дополнительных площадей. За это время к уже имеющимся экспонатам добавились новые. Далеко не все они выставляются в мемориальных комнатах, да это и не нужно, поскольку нарушило бы их характер. Следовательно, необходимо специально оборудованное помещение, где эти бы экспонаты достойно хранились. Кроме того, у нас нет возможности организовать экспозицию, посвященную «Современнику» и представить Некрасова как его издателя и редактора. Сейчас мы лишь вскользь упоминаем на экскурсиях, что в одной из комнат была редакция журнала. А ведь в городе до сих пор нет музея, посвященного истории русской журналистики.

После указа президента было предложено составить программу подготовки к проведению празднования 200-летия Некрасова, которое состоится в 2021 году. Мы внесли свое предложение полностью музеефицировать здание на Литейном проспекте, 36 как ценный культурный объект. Очень надеемся, что власти города с пониманием отнесутся к этому. К нам могут прислушаться и пойти на встречу, а могут положить нашу инициативу «под сукно». И вот здесь очень важна позиция общественных организаций и, прежде всего, Общества охраны памятников, где работают прекрасные специалисты, понимающие всю важность проблем, связанных с некрасовским домом. Мы рассчитываем на их поддержку в этом вопросе.

ТИХОНОВ

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ —

*Профессор Института истории СПбГУ.**Директор музея истории СПбГУ.**Член президиума СПбГО ВООПИиК,**сын Л. П. Тихонова*

— Сразу замечу, что сам я непосредственное отношение к делам Общества охраны памятников стал иметь лишь в последнее время. Такое положение дел, честно говоря, меня самого потом удивило, ведь, в общем-то, мы с отцом занимались соприкасающимися предметами, так как область моих научных занятий — история археологии. До того, как я стал членом президиума совета городского отделения ВООПИиК, я был мало связан с деятельностью Общества, хотя состоял его членом еще со студенческих времен, как это было принято в советское время. У меня даже сохранилась дома книжечка с уплатой членских взносов. Получается, что я член ВООПИиК с 1979 года. О практической работе ВООПИиК я знал мало, хотя время от времени появлялся у отца на работе на Шпалерной, а также участвовал в некоторых поездках.

— В 1973 году, когда Лев Павлович перешел на работу в Ленинградское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Вам было одиннадцать лет. Сохранились ли у Вас какие-то воспоминания детства, связанные с новой работой Вашего отца?

— У отца за жизнь было всего три места работы. Сразу после университета короткое время он работал лаборантом в Институте истории материальной культуры, это можно и не считать. Потом Военно-морской музей, затем Бюро путешествий и экскурсий, где он был заместителем директора по экскурсионно-методической работе, и, собственно, третье его место работы — Ленинградское отделение ВООПИиК, где он был заместителем председателя.

Осталось в памяти, как в те годы, семидесятые — начало восьмидесятых, особенно в летние месяцы, под руководством отца устраивались ознакомительные поездки по историко-культурным местам Ленинградской области, в Карелию. Когда я уже был студентом университета, мне запомнились поездки в Осташков, на Селигер и в Таллин. Эти поездки устраивались с познавательными целями: они были насыщены экскурсиями, знакомством с памятниками, с работой реставраторов на местах, встречами с местными коллегами. В них участвовали сотрудники Общества со своими семьями, с родными, собирался дружный коллектив.

— Практически все, кто вспоминают о Льве Павловиче, отмечают, что он умел создать вокруг себя удивительную атмосферу: одновременно и конструктивную, и доброжелательную, и легкую.

— Отец был очень общительный человек, доброжелательно настроенный к людям. Люди тянулись к нему, он часто бывал в центре компаний.

Помню, что отец много работал в связи с подготовкой IV съезда ВООПИиК в Великом Новгороде. Конечно, большой вклад внес центральный аппарат Общества, но и отцу многое надо было сделать. Это время для него было очень напряженным. Есть замечательная фотография того времени: на ней и Борис Борисович Пиотровский с супругой, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Валентин Лаврентьевич Янин, и, конечно, Лев Павлович Тихонов.

— А в чем заключалась работа Ленинградского отделения ВООПИиК в преддверии этого съезда?

— Прежде всего, в подготовке ленинградской делегации. Она на съезде была, наверное, одной из самых представительных. Мне трудно судить, но я слышал от многих коллег из других регионов, что Ленинградское отделение ВООПИиК в те годы, в семидесятые — восьмидесятые, было одним из лучших в стране и являлось образцом для других регионов.

У отца был талант выстраивать отношения с людьми. У него были хорошие контакты и с коллегами из регионов, и с центральным аппаратом Общества. Хорошие отношения складывались с председателем Центрального совета ВООПИиК Г. И. Маланичевой, — все-таки ему по делам часто приходилось ездить в Москву. Забавная деталь: в Москве отец постоянно контактировал с сотрудником центрального аппарата В. А. Петербуржцевым, возможно, именно в связи с его говорящей фамилией.

— Председателем городского отделения ВООПИиК в то время был Борис Борисович Пиотровский, а Лев Павлович — его заместителем. Как Вам вспоминается их тандем?

— Как и в любой общественной организации, должность председателя почетная и неоплачиваемая, поэтому вся организационная работа ложится на плечи заместителя. В данной ситуации делу сильно помогало то, что отец знал Пиотровского еще со студенческих лет как своего преподавателя. У них складывались хорошие деловые отношения, и авторитет Бориса Борисовича очень помогал отцу в работе. Гораздо проще и эффективней было решать вопросы, когда Борисом Борисовичем уже были подписаны документы, предприняты необходимые шаги, сделаны нужные звонки. Это значительно облегчало дело, хотя вся повседневная работа ложилась на плечи Льва Павловича. Так что тандем Пиотровский-Тихонов был более чем удачным. К этому надо добавить, что отец его безгранично уважал, можно сказать преклонялся перед ним. Насколько мне известно, Пиотровский поддерживал все организационные инициативы своего заместителя.

— Вы упомянули тогдашнюю резиденцию Ленинградского отделения Общества охраны памятников в здании церкви Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Сейчас на углу Шпалерной и проспекта Чернышевского у ВООПИиК остался лишь небольшой флигель.

— Об этом мне кое-что известно. Дело в том, что отец умел предвидеть ситуацию, и с самого начала 1990-х годов понимал, что рано или поздно здание церкви, пусть и отреставрированное на членские взносы ВООПИиК, придется освободить. И поэтому он много усилий приложил к тому, чтобы получить нынешнее помещение, — это была жилая квартира, насколько мне известно. Когда она пошла под расселение, отец смог получить это помещение в дополнение к тем, которые общество занимало в церкви. Это было, как нельзя кстати, потому что, когда основное здание было передано РПЦ, городское отделение Общества охраны памятников не осталось на улице.

Большой зал церкви практически всегда был полон, лекции, которые организовывал ВООПИиК, пользовались популярностью. Они были либо бесплатными, либо за какую-то символическую плату. И люди охотно на них ходили. И горожане, и гости города — те, кто интересовался историей Петербурга. Потом, конечно, возможности резко сократились, потому что такого зала у ВООПИиК больше не было.

— Для городского отделения ВООПИиК девяностые годы были не просто периодом кризиса, а борьбой за выживание и одновременно проверкой на жизнестойкость. Практически все, кто вспоминают об этом времени, отмечают как заслугу Льва Павловича то, что Петербургский ВООПИиК выжил.

— Я полностью согласен с тем, что заслуга отца в сохранении ВООПИиК есть немалая, для этого он приложил массу усилий. Причем, являясь истинно российским интеллигентом, он не имел какой-то особой коммерческой жилки, но, тем не менее, пытался не спастись в новой ситуации. Я помню, в эти годы в помещении ВООПИиК проходили коммерческие концерты. Отцу каким-то чудом удалось привлечь к деятельности Общества хор, он как бы под эгидой ВООПИиК существовал. И за счет этого можно было содержать организацию и сохранить помещение. Вы же понимаете, в девяностые у ВООПИиК никакого финансирования не было. Примерно в то же время при ВООПИиК была организована коммерческая турфирма. Именно за счет подобных проектов Общество удалось сохранить.

— К задаче сохранения Общества относится и подготовка Львом Павловичем своего преемника, которым стал Антон Евгеньевич Иванов. Что Вы об этом знаете?

— Лев Павлович искал надежного человека, которому можно передать свое дело. В то время, насколько мне известно, Антон Евгеньевич проявил себя как инициатор спасения и реставрации Константиновского дворца в Стрельне. Я знаю, что Лев Павлович был очень доволен, что удалось найти такого достойного человека. Он говорил, что теперь может спокойно уйти на пенсию, зная, что дело в надежных руках.

В 2005 году Льву Павловичу было уже 76 лет, он перестал работать в Обществе в качестве заместителя председателя, но принимал активное участие в деятельности ВООПИиК, состоял в президиуме совета. И хотя был на пенсии, по-прежнему интересовался всеми делами Общества, переживал, если что-то складывалось не так. Последние десять лет он боролся с тяжелой болезнью, и ему, конечно, трудно было работать.

— Вернемся к Вашей личной истории, Игорь Львович. Будучи студентом истфака, в конце семидесятых Вы формально вступили в ВООПИиК. А когда вы действительно стали активным членом ВООПИиК?

— После смерти отца Борис Михайлович Кириков высказал идею организации Тихоновских чтений. Вот тут я сразу же включился в их подготовку. Чтения готовились, в том числе, и Музеем истории СПбГУ, директором которого я являюсь. Мы тогда сделали выставку, посвященную Льву Павловичу. И именно с этого времени началось мое непосредственное сотрудничество с Обществом, после чего мне предложили войти в президиум его совета.

— С Вашей точки зрения, какие особенности имеет нынешний этап деятельности ВООПИиК? В чем Вы видите его основные задачи?

— Я думаю, проблем очень много. Но мне кажется, что, все же, одна из основных — это привлечение молодежи к деятельности ВООПИиК. В принципе, такая работа уже ведется. Городское отделение Общества тесно контактирует с группой «Живой город», с некоторыми другими неформальными молодежными объединениями.

Другое направление, которое мне близко, — это работающий уже многие годы Институт Петербурга. Я несколько раз выступал там с лекциями об истории СПбГУ и об истории университетского образования XVIII века. Как известно, в свое время Институт Петербурга начинался при ВООПИиК. Сейчас это самостоятельная организация, но сохраняющая с ним тесные связи. И, не секрет, что среди активистов Общества преобладают люди уже старшего возраста. Если думать о перспективе, о преемственности, то нужно как можно больше привлекать молодых.

На мой взгляд, Обществу нужно вести более агрессивную, в хорошем смысле, репрезентативную политику, больше рекламировать себя. Ведь большинство горожан практически ничего о делах ВООПИиК не знают. Если бы я сам сейчас не был непосредственно связан с работой Общества, то вряд ли бы что-то о нем знал. Общество ведет большую и полезную работу, но все его начинания остаются, к сожалению, малоизвестными для широкой публики. Здесь, конечно, надо шире использовать возможности интернета, социальных сетей, поскольку современная молодежь, нравится нам это или нет, черпает всю информацию в сети. Необходимо, сделать сайт Общества был более мобильным, более современным, и представить его в социальных сетях. Это, на мой взгляд, одна из очень важных и первоочередных задач.

КОВАЛЕВ

АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ —

*Депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга.**Член президиума СПбГО ВООПИиК*

— Алексей Анатольевич, считается, что первой легальной независимой общественной организацией в СССР была ваша Группа спасения, созданная в 1986 году.

— Хочу сразу уточнить, что полное название — Группа спасения историко-культурных памятников Ленинграда. В сентябре 1986 года мы были зарегистрированы в рамках Центра творческих инициатив Ленинградского горкома комсомола.

— Тогда давайте сразу вспомним, как начиналось взаимодействие Группы спасения историко-культурных памятников Ленинграда со Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры?

— Принято считать, что мы всегда стояли на позициях конфронтации со всеми государственными структурами, включая ВООПИиК. На самом деле, мы изначально были за конструктивное сотрудничество со всеми, кто был готов участвовать в общественном движении за спасение культурного достояния города. У нас почти с самого начала наладились хорошие связи с рядом активистов ВООПИиК, в том числе с Московским городским отделением ВООПИиК под руководством А. Королева. Уточню, что не было контакта с ВООПИиК, как с организацией. С людьми, которые болеют душой за памятники и которые входили в ВООПИиК, у нас были хорошие, уважительные отношения. Другое дело, что основная деятельность таких прекрасных специалистов, как В. Г. Лисовский, А. Д. Марголис, и прочих активистов ВООПИиК, была сконцентрирована на просветительстве, на работе лектория. Мы лекционной деятельностью никогда не занимались. Для нас каждый вопрос по сохранению объекта наследия или объекта исторической застройки должен был быть проработан как общественная компания в защиту памятника. Мы рассчитывали, что будут выступления средств массовой информации, где мы сможем подготовить свои проекты (допустим, проект сохранения здания), у кого из городских властей мы сможем найти поддержку или по каким вопросам можно найти поддержку в Министерстве культуры.

Важным направлением деятельности Группы спасения была борьба за возвращение исторических названий. Мы проводили эти акции при поддержке Ленинградского радио. Всё было крайне просто: мы бросали в почтовые ящики конверты с открытками, на которых было написано, например, несколько вариантов названий улицы, на которой эти люди проживали (вариантов названий было несколько, потому что название многих улиц менялось не один раз). Затем горожане должны были этот конверт с маркой нам отослать. И мы получали отзыв примерно от 70% горожан, проживавших на данной территории. И так фактически по

всем объектам. Причем люди грамотно выбирали одно из предложенных названий, мы никому ничего не навязывали. Самым главным при организации этих акций, было не просто предложение вариантов названия, но представление людям информации о том, как и почему в разные периоды называлась их улица. И мы серьезно продвинулись в этом деле, существенно повлияв на работу Комиссии по наименованиям при Ленгорисполкоме (тогда секретарем комиссии и одновременно помощником В. И. Матвиенко, занимавшей должность зампреда Исполкома Ленсовета, была Л. И. Загоровская, затем перешедшая в Музей городской скульптуры). В итоге, первый десяток городских названий, в том числе название Галерной улицы, восстановили еще до свержения прежнего Исполкома и до прихода к власти нового Ленсовета.

В то же время Ленинградское областное отделение ВООПИиК, активно сотрудничающее с областной Инспекцией охраны памятников, которым тогда руководила Наталья Дементьева, будущий министр культуры, активно работало вместе с археологами над вопросами сохранения археологического наследия области. В областном отделении ВООПИиК большую роль тогда играли его Председатель Анатолий Николаевич Кирпичников, выдающийся археолог Глеб Сергеевич Лебедев, молодые выпускники истфака, ученики Глеба Сергеевича, такие как Сергей Кузьмин, Елена Михайлова и другие замечательные люди, которые до сих пор работают в Университете в Лаборатории археологического наследия имени Лебедева.

Я знал, что областное общество охраны памятников достаточно активно работает, организует экспедиции, пишет письма во властные инстанции по поводу регистрации того или иного археологического памятника, ведет паспортизацию. Тогда же шла общероссийская паспортизация памятников истории и культуры, и, в первую очередь, археологии, поскольку этих памятников было больше всего. Были выделены государственные средства на паспортизацию. ВООПИиК выступал подрядчиком, а заказчиком выступало правительство Ленобласти. Так же дело было поставлено и в других регионах.

В 80-е годы роль интегрирующего органа и площадки для выражения общественного мнения в нашем городе играл Совет по экологии культуры при Фонде культуры. Туда входили все инициативные группы. Туда же со своими бедами, вопросами обращались и профессиональные сообщества архитекторов, художников. На базе Фонда культуры можно было сформулировать мнения, которые затем от авторитетного руководства Фонда, прежде всего от академика Лихачева и других членов правления Фонда транслировались в Кремль или Смольный. Таким об-

разом, неформальную работу можно было перевести на язык формального документа, который не останется без внимания. Фонд культуры, имея финансирование, поддерживал различные издания как официальные, так и самиздат. К сожалению, вся эта работа была разрушена после смены руководства Фонда и прихода к власти Никиты Михалкова, который вообще общественными инициативами не занимался. Зато можно сказать, что в 2000-е годы эта интегрирующая функция перешла к ВООПИиК.

В 1987 году впервые в истории ВООПИиКа Центральный совет провел большую конференцию, на которую были приглашены все градозащитные организации страны. Тогда впервые ВООПИиК начал обращать внимание на то, что в стране действуют организации, которые занимаются и добиваются результатов в то время, как Общество охраны памятников занимается исключительно проектами, связанными с реставрацией зданий, то есть фактически, выполняя функцию заказчика по реставрации и совершенно не занимаясь общественной борьбой. Конечно, ВООПИиК вел полезные просветительские проекты, организовывал и проводил лекции, но только не общественные акции. Общественного давления на руководство страны, на руководство Ленинграда Общество охраны памятников совершенно не оказывало.

Ситуация меняется с началом 90-х годов, когда Президентом городского отделения ВООПИиК стал Владимир Григорьевич Лисовский. Вот тут-то начался период активной работы Общества охраны памятников на уровне общественной защиты объектов культурного наследия.

— В 90-е годы Вы становитесь сначала депутатом Ленсовета, затем депутатом Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

— Да, и тогда же я вошел в Президиум Совета городского отделения ВООПИиК. И мы с В. Г. Лисовским активно работали по подготовке нового общероссийского закона об охране памятников, который сейчас называется ФЗ-73, закон об объектах культурного наследия. Тогда многое требовалось менять. Помню, как в 1996 году мы вместе с В. Г. Лисовским вывозили аппарат Государственной Думы в Швецию, чтобы показать, как должно строиться нормальное законодательство в области охраны памятников. Через ВООПИиК мы заказывали работу по определению состава объекта Всемирного культурного наследия Санкт-Петербурга. Такая работа была предпринята для того, чтобы обосновать необходимость отнести весь центр Санкт-Петербурга к Всемирному культурному наследию. Особо хочу отметить Павла Николаевича Никонова, много работавшего в этом направлении. Всем вместе нам удалось решить такие проблемы, как предотвращение сноса Московского вокзала. Затем решалась проблема, грозящая грандиозным сносом домов в районе станции метро «Адмиралтейская» по улице Большая Морская. Согласно вердикту одного из экспертов практически все дома от Невского проспекта до Исаакиевской площади должны были быть снесены. Вот с этим мы теперь боролись вместе с ВООПИиКом.

После того как Владимир Григорьевич Лисовский решил отойти от активной организационной деятельности в ВООПИиК, сопредседателями Общества охраны памятников

стали Маргарита Сергеевна Штиглиц и Александр Давидович Марголис. И дальше, можно сказать, наступила современная эра работы ВООПИиКа.

— Что об этой современной эре Вы можете сказать?

— Можно сказать, наступил третий этап взаимодействия с ВООПИиК. Первый этап — это 80-е годы XX века, когда взаимодействия практически не было. Второй этап — это 90-е — начало 2000-х годов, когда всегда можно было прибегнуть к помощи Общества охраны как к экспертной организации, состоящей из специалистов в области охраны памятников истории и культуры, они всегда могли авторитетно выступить в поддержку общественных инициатив. И современный третий период начинается с 2004 года с постановки задачи интегрировать в Общество охраны памятников все существующие движения в этой области с целью координации деятельности как уважаемых специалистов, так и общественников, и представителей государственных органов власти, которые хотели бы бороться за памятники на площадке ВООПИиК. Был создан Общественный Совет по наследию, который стал непосредственным продолжателем того Совета, организованного Александром Давидовичем Марголисом, который существовал при Фонде спасения Петербурга. На базе ВООПИиК получили поддержку инициативные группы «Живой город» и связанные с ними организации. Они теперь могли использовать материальные возможности общества: помещение, телефоны и даже небольшие средства. В ВООПИиК началась традиция регулярных пресс-конференций, на которых Общество представляло самые актуальные проблемы, связанные с охраной памятников. И, в конце концов, началось то, о чем я много раз говорил: Общество должно вести активную экспертную деятельность в рамках Законодательства об историко-культурной экспертизе. И, наконец-то, это всё пошло! Но очень жаль, что формально эта деятельность не имеет отношения к ВООПИиК. Экспертизами занимается организация, которая существует юридически независимо и связана с ВООПИиК только составом своего актива, а правильной было бы сам ВООПИиК обременить этой функцией. Аккредитацию наше отделение может получить само, если на штатных должностях будут состоять три аккредитованных специалиста.

С прискорбием должен отметить, что на сегодняшний момент в силу ряда причин, в том числе разных личностных конфликтов, нестыковок, интегрирующая роль Общества охраны памятников отошла на второй план. На первый план вновь вышла роль экспертная, что само по себе очень важно. Но интегрирующая роль ВООПИиК в градозащитном движении должна быть обязательно, просто потому, что площадки лучше, чем ВООПИиК, для этого дела в городе нет. Лучшего ареопага и не придумаешь. На мой взгляд, сейчас главной целью общества должно быть восстановление этой самой интегрирующей роли хотя бы на уровне, как это было во второй половине нулевых годов.

Доказательством того, что ВООПИиКу такая задача по плечу, служит пример борьбы с небоскребом «Охта-центр», когда очень ярко проявились все интегрирующие функции Общества охраны памятников. Помимо прочего эти события показали, насколько важно, чтобы была налажена

хорошая связь с Центральным советом ВООПИиК, в результате чего наши инициативы отзывались обсуждениями на высочайшем уровне, который, что называется, имеет вход в Кремль. Поэтому просто необходимо упомянуть роль Галины Ивановны Маланичевой в этом процессе. Именно через Центральное отделение ВООПИиКу вместе с другими организациями удалось провести самые радикальные решения.

И сегодня Центральный совет ВООПИиК поддержал нашу работу по официальному конституированию всех археологических памятников на Охтинском мысу. Центральный совет несколько раз выступал с экспертизами, которые были организованы нашими специалистами и которые показывают, что археологические памятники там существуют, вопреки официальной позиции КГИОП, что там ярких археологических памятников нет, ничего не сохранилось. Другой вопрос: «Что с этим делать?». Пока же мы можем и должны констатировать, что есть объекты археологического наследия, на сегодняшний момент не исследованные, вопрос о музеефикации которых может ставиться, и это — обязанность государственной власти.

Одно из моих предложений, которое на сегодняшний день осталось без реализации, это создание Фонда. Не нужно собирать деньги на счет ВООПИиКа, необходимо

пользоваться всеми теми налоговыми льготами, которые имеют эндаументы и общественные фонды. То есть нужно создать независимый общественный фонд, который бы имел функцию эндаумента по отношению к Обществу охраны памятников, в том числе, и имел право собирать средства на общественные нужды у российских спонсоров, у крупных компаний. Причем, средства должны быть, в первую очередь, направлены не на конкретные проекты реставрации, а именно на общественные компании: заказы экспертиз, оплату адвокатов в судах, проведение самостоятельных исследований тех или иных вопросов.

Фонд сможет получать и гранты Президента на общественную деятельность так же, как сейчас получают гранты, например, организации волонтеров. Еще раз подчеркну, что задачей Фонда должна быть поддержка общественных акций. На это не нужно так много денег, как на проекты по реставрации. Достаточно собрать несколько десятков миллионов рублей, чтобы ситуация на ниве охраны памятников в стране кардинальным образом изменилась. На финансирование митингов, демонстраций, пикетов и независимых экспертиз не нужно столько денег, как на реставрацию даже одного памятника. Зато мы заставим власти относиться к этому вопросу, хотя бы с уважением.

**ТАЛАЛАЙ
МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ** —
*Представитель Института всеобщей истории РАН
в Италии.
Активист Группы спасения*

— Михаил Григорьевич, в советское время Вы были членом Общества охраны памятников? Расскажите о Вашем сотрудничестве с ВООПИиК...

— Нет, в ВООПИиК я не состоял, но прекрасно знал о его существовании, а в позднесоветские, доперестроечные времена я ценил ВООПИиК, как лекторскую площадку. Тогда я занимался краеведением, скажем, альтернативного плана. Меня, как и многих, интересовали «белые пятна», связанные, в первую очередь, с храмостроением. Меня даже больше интересовало «храморазрушение», сожалея об утратах петербургской культуры, я искал некий компромат...

— На советскую власть?

— Да, на советскую эпоху, на ленинградские власти. Меня интересовали причины и обстоятельства разрушения храмов. Был еще один большой пласт, который мне был интересен, — это топонимика, но не как этимология. Я пытался выяснить, почему переименовывали, как и зачем советская власть устроила такую чехарду, сделав топонимику орудием политики, часто репрессивной в от-

ношении исторического наследия. Понятно, что меня интересовала история города как таковая, ее малоизвестные страницы. И вот сейчас, спустя много лет, должен сказать большое «спасибо» ВООПИиК за прекрасную площадку для лекций.

Лекторий Общества охраны памятников был популярным, особенно лекции Бориса Михайловича Кирикова, которые привлекали многих слушателей. Тогда я еще работал инженером, но и экскурсоводом подрабатывал. Любовь к Петербургу и краеведение искали какого-то приложения, и, помимо прочего, я усердно посещал эти лекции в здании Скорбященской церкви на углу проспекта Чернышевского, слушал Бориса Михайловича. Я тогда много ездил на велосипеде по старому городу, фотографировал интересовавшие меня здания, в первую очередь заброшенные церкви, используемые тогда под складские или другие подобные нужды. Много снимал и модерн.

Однако, несмотря на мои посещения лектория, членом ВООПИиК я не был, так как скептически относился к нему как к чисто советской структуре, которая послушно действует по указке сверху.

В 1986–1987 годах произошел массовый подъем молодежного общественного движения за спасение памятников, в котором я активно участвовал. Мы, собственно, и назывались «неформалы», не принадлежа ни к каким формальным структурам, в том числе и к ВООПИиК. В нашем противостоянии с мэрией Ленинграда и с силами, стоящими за ней, ВООПИиК, на наш взгляд, находился по другую сторону баррикад.

После уличных протестов мы сами стали организовывать некие ячейки спасения памятников, самым названием дистанцируясь от ВООПИиК. У них — охрана памятников, а у нас — спасение. Должен подчеркнуть, что я не входил официально в состав Группы спасения памятников, хотя деятельно принимал участие в сходках «спасенцев», в их акциях и мероприятиях; я же организовал координационный центр неформального движения, названный Советом по экологии культуры, к которому примкнули разные группы неформалов.

Кроме того, мне кажется, здесь существовал некий поколенческий разрыв. В руководстве ВООПИиК тогда стояли заслуженные люди, но они были на поколения старше «спасенцев» и других неформалов. Я хорошо помню достойного, глубоко интеллигентного и эрудированного Льва Павловича Тихонова, с которым мне довелось тогда встречаться. Он производил впечатление человека осторожного и сдержанного, который никоим образом не хотел подставлять ВООПИиК под удар. А в нашем неформальном движении все бывало: там появлялись странные люди, среди них и те, кто имел цели явно политические (потом они уже откровенно политикой занимались). Понятно, что все это пугало и настораживало старшее поколение. Самый острый момент такого, я бы не сказал противостояния, но непонимания, — это весна 1987 года, когда мы были возмущены незаконным разрушением «Англетера». Официальные власти заявляли, что все было сделано правильно, и что старую гостиницу снесли во всеобщее благо. Нас такая реакция сильно возмущала, и это вылилось в серию уличных митингов. Как раз тогда был организован Советский фонд культуры во главе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. И в нашем принципиальном расхождении с ВООПИиК, я думаю, сыграло свою роль также несовпадение лихачевской линии и линии Общества. Мне лично, позиция Дмитрия Сергеевича, его размышления об экологии культуры и сохранении всего «культурного жилища», а не только отдельных памятников, по списку, были очень близки. В итоге мы получили серьезную поддержку именно у Лихачева.

Отношения с Обществом постепенно стали развиваться. Я стал штатным сотрудником Ленинградского отделения Фонда культуры. Мы хотели организовать некий «культурный фронт» для спасения памятников, и я даже ходил знакомиться с районными отделениями ВООПИиК.

Я отдавал себе отчет в том, что для успешной борьбы за спасение памятников без ВООПИиК не обойтись. Тогда для подавления общественного движения властями была предпринята попытка разделить неформалов на тех, кто «с плакатами» (плохие крикуны), и тех, кто «с лопатами» (хорошие

подвижники — трудяги). Я пытался этому противопоставить реальные дела. В те годы возникло несколько неформальных групп, которые занимались конкретными памятниками. Их поддерживал ВООПИиК, но эти люди обычно с симпатией относились и к протестной части движения, — к тем, что «с плакатами». Выделялось общество «Мир», проводившее субботники на исторических кладбищах, в заброшенных церковных постройках. В частности, оно взяло под опеку Екатерининскую церковь в Мурино работы Н. А. Львова. Вместе с обществом «Мир» мы тоже делали все, что могли, нашими методами: проводили экскурсии, поставили спектакль, я написал статью в газету «Смена». Другая группа сплотилась у заброшенной Александро-Невской церкви на поле Невской битвы в Усть-Ижоре, — эта группа так и называлась «Невская битва», руководил ею Георгий Трубников. Другой отряд энтузиастов разбирали завалы в усадьбе Разумовских в Гостилицах, — я к ним ездил и опубликовал в их поддержку статью в «Ленинградской правде». Через этих людей «с лопатами» восстанавливались и развивались отношения и с Обществом охраны памятников.

В Фонде культуры у меня были собственные программы по охране памятников, и для их успешного выполнения было необходимо непосредственное сотрудничество с ВООПИиК. Вскоре эти контакты стали налаживаться. Как это обычно бывает в общественных организациях, многое зависит от человеческих симпатий (и антипатий). У меня установились дружеские отношения с Ириной Владимировной Рудневой, которая стала моим конфидентом в недрах ВООПИиК. Я ей подробно рассказывал о наших инициативах и выслушивал ее советы, основанные на знании города и его проблем.

Пиком наивысшего моего сближения с ВООПИиК было время, когда я организовывал несколько слетов неформальных групп по спасению и охране памятников. От лица Фонда культуры я испросил у ВООПИиК его площадку. Одно, а может и несколько наших собраний состоялись в прекрасном зале на проспекте Чернышевского, в стенах бывшей Скорбященской церкви. Конечно, этот факт меня смущал, — ведь мы боролись за возвращение церковных зданий верующим. Смущало и присутствие в зале бюста Ленина. Бывало, наши неформалы мне пеняли: ты, Талай, двурушник, то ведешь нас на баррикады, а то проводишь заседания под сенью Ленина. Но именно там происходили разные интересные события.

Фонд культуры использовал это помещение и для других своих мероприятий: здесь проходили благотворительные аукционы, организовывались акции в пользу каких-то культурных программ.

Вплоть до 1990 года я как сотрудник Фонда культуры с увлечением работал в сфере охраны памятников, уже координируя дела с Обществом охраны памятников. Но потом и наш Фонд стал бюрократизироваться, а неформальное движение — формализовываться. Изменилась обстановка не только в городе, но и во всей стране, и на этом новом историческом этапе, собственно, и закончилась моя общественная деятельность.

ЯВЕЙН

НИКИТА ИГОРЕВИЧ —

*Профессор Санкт-Петербургского Государственного Академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академии Художеств),
руководитель Архитектурного бюро «Студия 44».
Председатель КГИОП (1994–2003 гг.).
Член совета СПб ГО ВООПИиК*

— *Никита Игоревич, поскольку речь идет о 50-летию городского отделения Общества охраны памятников, вспомним период с 1994 по 2004 год, когда Вы возглавляли Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. В отличие от ВООПИиК, общественной организации, КГИОП — государственная структура. Как у вас складывались отношения?*

— Со второй половины 1980-х годов ВООПИиК переживал определенный кризис. Из системы советской, в которой он служил неким балансом между властью и интересами общества, был системой сдерживания противовесом, в новые условия ВООПИиК встраивался сложно, переживая, если можно так выразиться, «ломку». Тогда вырвалась вперед радикальная оппозиция, и она очень жестко перехватила у ВООПИиК инициативу. Охрана памятников стала политикой, использовалась, как механизм решения различных политических проблем. А ВООПИиК в этот период ушел в тень. Это было как раз перед моим приходом в КГИОП.

Начиная с 1994 и по 2000 год ВООПИиК вернул свои позиции, сумев объединить радикальную часть общественности и сравнительно конструктивную, и в этой новой роли стал значимым действующим лицом в жизни города. И, как мне кажется, эта тенденция, когда ВООПИиК объединяет разные силы, в том числе неконструктивные, позволяет им в итоге не выходить за пределы здравого смысла. И в этом был колоссальный успех ВООПИиК, который сейчас в городе является чуть ли не единственной площадкой, где могут встретиться, казалось бы, совсем непримиримые позиции. К концу 1990-х это снова была мощная, вернувшая себе былую славу организация. Происходила вся эта трансформация на моих глазах.

— *В 1996 году на должность своего заместителя Вы пригласили Бориса Михайловича Кирикова, который был активным деятелем ВООПИиК, и у вас получился хороший тандем.*

— Да. До этого я его не очень знал, но затем мы не просто сработались, а стали друзьями.

— *Какие задачи тогда Вы в КГИОП решали, и какие из них удалось решить, в том числе силами вашего тандема?*

Были задачи чисто практические, решая которые я использовал Общество охраны памятников. Часто, когда надо было доказать свою позицию, я говорил: «Вы что, хотите возмущения, вам это надо?». Пугал. Это такой стандартный метод. Все мы чиновники, я и сам был чиновником. Пугал тех, кто придерживался другой точки зрения, оппонентов, скажем так. Это могли быть и инвесторы. И когда они гово-

рили, что моя точка зрения радикальная, отвечал, что я-то еще ничего, есть гораздо более радикальные, давайте их послушаем. ВООПИиК как раз и служил тем самым противовесом, и я этим очень активно пользовался, иногда даже, можно сказать, спекулировал этим, формулируя порой позицию, которой на деле, может, и не было.

У нас был очень сильный состав Совета по сохранению культурного наследия, в который вошли практически все наиболее яркие деятели ВООПИиК: Б. М. Кириков, М. И. Мильчик, А. Д. Марголис. И именно благодаря участию членов ВООПИиК и каких-то других градозащитных организаций совет стал такой мощной площадкой, «ВООПИиК №2», на которой разные участники диалога, хотели они того или нет, но выслушивали друг друга, хотя порой и ругались. И такая площадка функционировала, она была полезна. Не случайно я ее называю «ВООПИиК №2». Длительное время это работало, но в начале 2000-х стала работать хуже.

— *Почему?*

— Это была уже другая ситуация, другие деньги, другие схемы. Начиная с 2002 года — это уже совсем новое время, когда требовались другие подходы. Но я уже вне этого времени.

— *Поговорим о десятилетии с 1994 по 2004 год. Тогда была проведена масштабная работа по подготовке полного свода охраняемых памятников Санкт-Петербурга, а затем по составлению списка вновь выявленных памятников — кандидатов на то, чтобы войти в городской перечень объектов культурного наследия регионального или федерального значения.*

— Да, именно тогда совместно с ВООПИиК была проделана большая работа, но она осталась незавершенной. Мы провели обследование всех исторических зданий, сформировали так называемый список вновь выявленных объектов, их было более трех тысяч. И с тех пор это заброшено. Теперь подобные рассмотрения вырваны из контекста, носят сиюминутный характер. А тогда глобальное рассмотрение позволило создать некую иерархию объектов, разработать определенные методологические подходы. К этому процессу были подключены практически все специалисты города.

— *Как с этой работой дело обстоит сегодня?*

— Сегодня все рассматривается под законодательным углом зрения. Все ударились в нормотворчество, тенденция — все подвести под норму, зарегулировать. При этом экспертному мнению не доверяют, заявляя, что эксперта

можно подкупить. Это напоминает эпоху Николая I, который думал, что если он все инструкции напишет, то побеждать начнет. Но Крымская война показала, что в реальной жизни не все зависит от количества инструкций. Так и у нас в деле охраны памятников не будет побед, пока мы не вернем то экспертное сообщество, которому более-менее доверяют. Законы должны регулировать только общие положения, все остальное следует решать с помощью экспертной оценки. А попытки все зарегулировать — тупиковый путь, они отбивают охоту действовать, поскольку легче ничего не делать, чем выполнять бесконечные инструкции. Законы не могут описать все разнообразие ситуаций, хотя эти попытки у нас сегодня существуют.

— *То есть Вы за профессионализм?*

— За экспертное сообщество, которое не просто принимает решения, но за каждое принятое решение несет личную ответственность. А что происходит сейчас? Количество памятников резко уменьшается. Потому что перегнули палку со всех сторон, в результате партнер, он же инвестор, ушел. Уже нет людей, готовых инвестировать не то что в памятники, а просто в городской центр. При слове «памятник» любой из них вскакивает и убегает. Я говорю: подождите! Но в ответ: «Мы все поняли, спасибо».

— *В чем причина такой реакции?*

— В нормотворчестве, пройти сквозь дебри которого практически невозможно. Законы писанные, неписанные, мнения всяких градозащитников. Чем меньше объектов обсуждения, тем больше активности. Последние инвесторы, которые еще не убежали, но на них нападает столько народа, что и они скоро скажут «до свиданья». А, в итоге каждый год мы теряем полсотни домов.

Сейчас по пальцам можно пересчитать те объекты, которые реконструируются на частные средства. Очень многие перестали понимать, что «приспособленный» дом должен жить. Новая функция должна быть естественной. Если просто покрасить, побелить, провести электричество, дом все равно не выживет, потому что он не адаптирован к новому виду использования. И с этим мы зашли в глухой тупик и все дальше в него углубляемся.

— *Какие Вы видите варианты выхода из тупика?*

— Тут может быть несколько вариантов. Самый плохой из них, что все разрешат, начнут сносить и «лепить новое». И виноваты в этом будут градозащитники, в первую очередь. Не смогли остановиться и найти разумную точку в диалоге.

— *Но Вы сказали, что возможны разные выходы из тупика.*

— Одну реальную перспективу я только что обрисовал. Вторая, менее реальная, что все друг друга выслушают, оглянутся на наш город и пойдут на взаимные уступки и компромиссы. Но пока что нынешняя ситуация всем выгодна. Только городу плохо. У нас недавно была одна встреча, которая проходила на последнем этаже гостиницы «Советская», откуда открывается панорамный вид на

город. В радиусе километра я насчитал домов двадцать, если не больше, практически без крыш. А есть ведь еще дома, которые внешне выглядят прилично, а все проблемы находятся внутри, и сколько таких домов! Вот, к примеру, Литейный, 26, угол Невского и Литейного, его никто не покупает. И я не вижу смысла в его реконструкции. Мне предложили с ним поработать, а я говорю: не факт, что есть смысл этим заниматься.

— *Потому что очень дорого?*

— И это тоже. Но помимо того надо будет еще пройти тяжелый процесс согласований, и в это время все будут возмущаться, говорить, что, мол, во дворе необходимо сохранить лестницу или еще что-то в этом роде... Сейчас всем это выгодно — и КГИОП, и остальным. Пишут: все сохраняем. А на деле?

— *И какая выгода для КГИОП?*

— Ни скандалов, ни претензий. А, что дом падает — об этом вопрос не поднимают! Если бы проект был согласован, все бы подняли крик, что согласовано неправильно.

— *Нежелание брать на себя ответственность?*

— Конечно. Зачем им это? Почему они должны на баррикады первыми бросаться, в конце концов? Я их понимаю.

— *Ну а Вы, когда стояли во главе КГИОП, бросались на баррикады?*

— Очень сложно сравнивать эти времена. Тогда ситуация была еще хуже, еще больше брошенных зданий. Тогда надо было как-то так завести этот мотор преобразований, чтобы он по дороге все не снес. И я считаю, что это в какой-то мере удалось. А потом, в 2002–2003 годах, он разогнал, но это уже без меня.

— *Вернемся к ВООПИиК. В советский период Вы были членом Общества охраны памятников?*

— Я тогда работал архитектором, и это было такое добровольно-принудительное членство. Другое дело, что активистов было не так уж много. При ВООПИиК проходили обязательные советы по согласованию. Я в молодости их тоже проходил, с небольшими работами. Что такое согласование, мы смутно представляли, четких критериев не было. Советы были плохо регламентированные, скажем честно, несколько безалаберные. Вопросы разные решали. Помню, был совет в ВООПИиК по Соловкам. Было обязательное правило: когда принималось решение по подобному объекту, сначала должно было пройти общественное обсуждение в ВООПИиК, а потом уже им занимался какой-нибудь совет при Минкульте. Хотя треть состава советов была одинаковая, но было такое правило. При обсуждении вопросов прямого голосования не было, просто все довольно бурно высказывали свое мнение, и это все записывалось в протоколе.

— *Какие это были годы?*

— Середина восьмидесятых, еще до развала Советского Союза. Но и потом система ВООПИиК еще по инерции дер-

жалась достаточно долго. В восьмидесятые к градозащитной теме очень серьезно относились. Ошибка полагать, что в советское время не считались с общественным мнением. Еще как считались! В девяностые меньше считались, чем тогда.

— Но в советские годы Общество охраны памятников было скорей государственно-общественной организацией.

— Знаете, всё всегда находится под каким-то влиянием, если не под контролем, то под патронажем. Это мы сейчас упрощаем мир, а он был гораздо более сложным. ВООПИиК в советские годы был, на мой взгляд, достаточно независимой организацией. В каких-то ситуациях она просто молчала, это бывало. Но было и много вопросов, в которых она приняла деятельное участие. Например, повороты сибирских рек. Были прямые указания протащить этот грандиозный проект, уже огромные деньги вложены, все раскручено, а сделать никто ничего не смог. И отказались от этого проекта только под воздействием общественного мнения. Я помню это все хорошо, и много других таких примеров. ВООПИиК советского времени был мощной общественной организацией, как бы первичным фильтром, который государственные структуры специально создали, чтобы исключить совсем неудачные решения. Я это так понимаю. Полный провал для ВООПИиК был в девяностые, когда инициативу перехватила неструктурная оппозиция.

— Одновременно ВООПИиК тогда лишился и государственной поддержки. В результате во многих городах его отделения закрылись.

— Все вместе это и привело к провалу. Когда же движение за охрану памятников перестало нести явно политическую окраску, снова во главе его встал ВООПИиК. К концу девяностых движение за сохранение памятников у нас возобновилось в относительно цивилизованной форме, потому что большому числу людей захотелось более-менее скоординированной политики. Нужна была площадка для выработки позиции и принятия решений, назрела необходимость в некоем общественном профессиональном сообществе, которое бы могло выступать от лица города. И такой площадкой стал тогда ВООПИиК.

— А что можно сказать о ВООПИиК настоящего времени?

— Сейчас ВООПИиК объединяет разных людей. К одним я отношусь с большим уважением, такие профессионалы как А. Д. Марголис, М. С. Штиглиц не вызывают сомнений, а к некоторым есть вопросы. Кроме того, сохраняется налет политической ангажированности. Остался оттенок конъюнктуры, очень явный.

— В чем Вы видите позитивные стороны?

— ВООПИиК живет — это площадка, на которой возможен диалог, позволяющий предотвратить откровенное варварство. Другой позитивный момент: власть в последние годы продемонстрировала, что она, скорей, на стороне движения за охрану памятников. Подтверждением тому история с Конюшенным ведомством, которое губернатор отобрал у инвесторов и вернул в городскую казну.

КИРИКОВ

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ —

Кандидат искусствоведения.

Заместитель председателя КГИОП (1996–2008 гг.)

Почетный член РААСН.

Член совета СПб ГО ВООПИиК

— Обычно 1990-е годы все вспоминают как годы кризиса. Вы же, говоря о деле охраны памятников, выделяете период девяностых — начала нулевых как самый созидательный.

С точки зрения возрождения, реставрации памятников, конечно, более творческий период приходится на первые послевоенные годы, когда формировалась замечательная ленинградская школа реставрации. Я же говорю о системе учета памятников, их изучении и составлении аннотированных списков и других учетных документов. В этом смысле девяностые годы были феноменальным периодом, изменившим в корне всю ситуацию. Мне повезло, и я даже могу гордиться тем, что имел к этому процессу непосредственное отношение.

Во второй половине девяностых и в начале 2000-ных я работал в Государственном комитете по охране памят-

ников. Меня туда пригласил Никита Игоревич Явейн в качестве своего заместителя по науке. И я считаю, что именно нам удалось реализовать системный подход к выявлению и постановке под охрану объектов разных времен и стилей.

Собственно, первый прорыв произошел в 1993 году, и связан он с именами Александра Владимировича Позднухова, Ксении Сергеевны Колодезниковой и других специалистов КГИОП, когда впервые под охрану в массовом порядке были поставлены выдающиеся объекты периодов историзма и модерна с неоклассицизмом, храмы, доходные дома. Что говорить, если менее четверти века назад под охраной не стояли Дом компании «Зингер», Витебский вокзал, Мариинский театр, Певческая капелла, Петришуле и так далее. Думаю, следующие поколения не отдадут себе отчета в том, что переоценка модерна, исто-

ризма намечалась с конца 1960-х — начала 1970-х годов, но только в 1993 году эти памятники обрели официальный охранный статус.

Теперь я должен сказать о выявленных объектах. Все интересное, что не попадало в списки памятников, имело статус так называемых учетных зданий, и, в принципе, эти здания имели какие-то охранные гарантии. Учетный список с конца шестидесятых годов составлялся под руководством Бориса Александровича Разодеева. Этот список составлялся по районам разными специалистами, у которых были разные подходы; они изучали архивные дела, но не все умели прочитать подпись архитектора. Была проделана огромная подготовительная работа, и в 1991 году Юрий Владимирович Новиков провел через горсовет решение № 445 с предварительным списком учетных зданий.

Следует признать, что список, подготовленный в спешке, был не атрибутирован, указаны были только адреса домов. А дальше мы работали с этим списком уже под моим руководством в специальном отделе, которому присвоили название отдела исторической городской среды. Там работали Ксения Сергеевна Колодезникова, Ирина Александровна Путилова, Екатерина Евгеньевна Глухова. Нами велась системная работа по уточнению списка, отбору объектов, исключению и пополнению, устанавливались авторы и даты и так далее.

Позитивный момент: многое из этого списка 1991 года получило статус памятников не только регионального, но и федерального значения. Кроме уже упомянутой команды, работало много наших коллег из других отделов, которые специализировались по районам, в частности,

по пригородам. Петергофское направление вел Сергей Борисович Горбатенко, Пушкин и Павловск — Галина Викторовна Семенова. Промышленная архитектура была вотчиной Маргариты Сергеевны Штиглиц и ее коллег. На основе такого системного подхода мы учетный список откорректировали, но в целом он стал больше, а главное, представительнее. Наконец, все объекты были атрибутированы, в чем большая заслуга группы Разодеева, а также моего старшего товарища Абрама Марковича Гинзбурга, с которым мы систематизировали все материалы по петербургской застройке. По итогам этой работы нам удалось издать в 1996 году справочник «Архитекторы-строители Петербурга середины XIX — начала XX века», который сейчас используется абсолютно всеми, со всеми нашими неточностями и, замечу, кстати, без ссылок на первоисточник.

Таким образом, девяностые годы занимают особое место в моей жизни. Я считаю, что это был действительно творческий период в изучении, учете, постановке под охрану и систематизации списков памятников, и я имел к нему самое прямое отношение.

— *Расскажите, когда и как началось Ваше сотрудничество с Обществом охраны памятников?*

— Не помню, когда я стал членом ВООПИиК, во всяком случае, уже в студенческие годы им был. Сначала я активно работал в Василеостровском отделении, потому что учился на Васильевском острове в университете. А в городском отделении Общества охраны памятников я появился в 1970-е, и в 1974 году произошла одна из первых важных для меня акций.

**ДЕМЕНТЬЕВА
ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА —
Председатель КГИОП (2004–2012 гг.)
Директор ГМЗ «Павловск» с 2012 г.**

«Мне довелось стать свидетельницей нескольких волн общественных движений за сохранение культурного наследия: одни из них медленно спадали, другие — привели к преобразованию государственной политики».

Важную роль в истории сохранения культурного наследия сыграли «шестидесятники». В то время творческая энергия писателей, музыкантов, художников, представителей самых разных гуманитарных и научных профессий объединилась в желании восстанавливать, сберечь, спасти наследие Родины. Экспедиции на Русский Север, спасение икон и памятников деревянного зодчества, археологические практики по всей стране, реставрационные отряды в Псковской, Новгородской, Ярославской областях,

лекции, выставки, диспуты в творческих союзах — все эти мероприятия вызвали незамедлительную реакцию органов власти.

При Советах народных депутатов в 1960 году повсеместно создаются межведомственные комиссии содействия охране памятников. Образовано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), которому я обязана своей профориентацией.

Благодаря таким фигурам, как Борис Борисович Пиотровский, Дмитрий Сергеевич Лихачев по настоянию Академии наук СССР и ВООПИиК, Министерством культуры принимается решение создать Свод памятников истории и культуры СССР — многотомное энциклопедическое

издание, где содержались бы сведения обо всех недвижимых памятниках страны.

Мой учитель Игорь Александрович Бартнев, профессор, декан факультета теории и истории искусства Академии художеств, блестящий специалист по истории и практике архитектурного дела, возглавил научное руководство подготовкой свода по Ленинграду. В 1974 году я была направлена для этой работы в Производственное бюро по охране памятников истории и культуры при Главном управлении культуры Исполкома Ленсовета.

Перед нашей группой в пять человек была поставлена задача: провести сплошную инвентаризацию объектов недвижимости, обладающих признаками памятников истории и культуры. Выявление, фотофиксация, адресная и графическая привязка к месту, исторические справки. Лев Павлович Тихонов и Лев Львович Азанчевский мобилизуют членов ВООПИиК, сотрудников Государственного музея истории Ленинграда. Итогом работы стал большой массив первичной учетной документации и три выпуска словариков к Своду памятников.

В тот период Общество было большим, авторитетным, почти всесильным в вопросах охраны памятников. Закон РСФСР 1978 года наделил ВООПИиК рядом существенных полномочий: учет, выявление, участие в разработке зон охраны и согласование в них мероприятий хозяйственной деятельности. За счет собранных средств осуществлялись реставрационные проекты.

Профиль моей работы со временем изменился. Я была назначена уполномоченным Министерства культуры СССР по контролю вывоза культурных ценностей, в том числе и предметов изобразительного искусства.

В марте 1987 года, перейдя в Исполком Ленсовета, я занялась другим направлением — «музеи городского подчинения», их ремонт, реставрация, приспособление помещений под нужды учреждений культуры. Таким образом, на моих глазах разворачивались события вокруг дома Дельвига, «Англетера» и деятельность общественной группы спасения памятников. Помню отголоски обсуждений в кабинетах «высокого начальства». Руководство искренне не понимало сути протеста, его смысла. Приоритетные для города задачи планировалось решать за счет исторических зданий. Альтернативные мнения на этот счет называли демагогией, а уличные протесты — «перестроечной бузой».

Следует отметить, что к тому времени ВООПИиК растерял часть полномочий. В 1985 Указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был лишен некоторых функций, в том числе согласования хозяйственной деятельности (а именно, нового строительства) в зонах охраны.

В Ленинграде, в силу традиций и авторитета ВООПИиК, контакты власти с Обществом не прерывались. В обязательном порядке руководители Ленинградского отделения ВООПИиК приглашались на все заседания, касающиеся вопросов охраны памятников. Так был горячо поддержан замысел В. И. Матвиенко о принудительном изъятии дворцов из ведения Министерства обороны СССР для нужд культуры.

Дворцы передавались Министерству обороны в трудное послевоенное время. Это было верное решение. Военные структуры, как могли, обеспечили жизнедеятельность зданий. Но в дальнейшем перестраивали их под нужды своих организаций, нанося серьезный урон. Возможность изъятий предусматривалась законодательством, но механизма реализации этой возможности не было.

Многое забылось либо воспринимается сегодня как должное, но в те времена мощная поддержка такой организации, как ВООПИиК, и умение В. И. Матвиенко убеждать и побуждать совершили настоящий «дворцовый переворот».

Всесильные учреждения министерства обороны выдворялись из занимаемых дворцов. Михайловский замок и кордегардии, Строгановский дворец передаются Русскому музею, освобождаются Гатчинский дворец, Меншиковский дворец в Ораниенбауме, Александровский в Царском Селе, Константиновский в Стрельне. Усилиями В. И. Матвиенко приняты принципиальные решения о передаче Эрмитажу левого крыла здания Главного штаба. Кроме того, Институт Арктики и Антарктики выселяется из Шереметевского дворца, здесь теперь Театральный музей. Расселяется особняк Державина, теперь в нем филиал Всероссийского музея А. С. Пушкина. Получает фондохранилище Музей Суворова. Реставрируется корпус Бенуа. Создается первый Музей частных коллекций в Петергофе. Открывается Мемориальный музей Ахматовой. Выкупается наследие Зошенко, и в его квартире также размещается музей. Спас-на-Крови, Янтарная комната — эти реставрационные проекты тоже начались в те годы.

Тогда мне казалось, что все самые жаркие межведомственные споры перенеслись в кабинет зампреда Исполкома Ленсовета, и участие общественности в них было постоянным.

В конце 2003 года я была назначена на должность председателя КГИОП.

Еще в девяностые годы активность ВООПИиК по объективным причинам пошла на убыль. Однако традиционные связи остались. Они осуществлялись через членство в составе Совета по культурному наследию, участие в различных рабочих инициативных группах по выработке проектов законодательных и нормативных актов, в совместных конференциях и семинарах, в работе выставок, выпуске различных изданий. На память приходит детище фонда Д. С. Лихачева — портал «Энциклопедия Санкт-Петербурга» и, конечно же, принятая Правительством города в 2005 году «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия» — первый в стране документ подобного рода.

К слову, «Стратегия» сразу же была расхвачена на цитаты. Потребность в таком документе была очевидна. Если здания-памятники получили правовую защиту на уровне Федерального закона 2002 года, то здания средней исторической застройки ее не имели. В правовом акте Исполкома Ленсовета 1988 года, призванном защитить и исторические здания — не памятники, заложена

была мина замедленного действия, а именно: лакуны. Это земельные участки — исключения, где допускалась возможность нового строительства в историческом центре. Первоначально они формировались объективно: лакунами, в основном, обозначались места строевых, утраченных еще вследствие военных разрушений, а также незастроенные территории. Но в 1990-х годах этот принцип был извращен, «лакунизация» пошла по живой городской ткани. Аварийные здания и даже выявленные объекты культурного наследия попадали на эти участки и приговаривались к сносу. Путевку в жизнь чуть не получил проект нового строительства в Михайловском саду, и в реальности появились «Монблан», «Серебряные зеркала», жилой дом на территории ансамбля Михайловского замка, жилой комплекс на Шпалерной, отель «Ренессанс» на Почтамтской. Удивительно, но почти все эти проекты получили одобрение Совета по культурному наследию. Позднее на заседании в Смольном, инициированном КГИОП, тот же Совет признал эти сооружения «градостроительными ошибками». Кстати, этот термин — «градостроительные ошибки» применительно к перечисленным объектам впервые публично употребила губернатор В. И. Матвиенко.

Сейчас в это трудно поверить, но существовал проект освоения строительством водных пространств Большой Невы и каналов. Стеклопанельные офисы и жилые дома на воде, а на пешеходных мостах — торговые павильоны.

КГИОП спас от сноса десятки исторических зданий, отклонил проекты варварских реконструкций, остановил мансардное безумство. Я убеждена, без вмешательства КГИОП, город стал бы неузнаваем. В 2004 году был принят Временный высотный регламент, а в 2008 году — закон «О зонах охраны...».

Впервые законодательным актом была введена так называемая «автоматическая охрана» по дате постройки, — то есть в пределах исторического центра был установлен запрет на снос зданий постройки до 1917 года, а в остальных районах — до 1957 года.

Без КГИОП разоренная отрасль реставрации никогда бы не доросла до высоких стандартов ЮНЕСКО и не завоевала бы международное признание. Навсегда останутся великими реставрации Каменноостровского театра и дворец Великого князя Алексея Александровича. Четырежды КГИОП и петербургская реставрация завоевывали золото Denkmal.

В 2004 году под охраной государства находилось 7783 объекта культурного наследия; в фазе разрушения — 1317. Уже в 2010 году охранялся 8051 объект, число аварийных сократилось до 342. За шесть лет было отреставрировано около 3500 памятников. Из федерального бюджета за эти шесть лет на реставрацию выделено 22,9 миллиарда рублей, из бюджета Петербурга — 23 миллиарда.

КГИОП разработал программу привлечения спонсорских и меценатских вложений. 1,4 миллиарда рублей поступили на реставрацию из Фонда развития Санкт-Петербурга, Фонда возрождения и развития Ораниенбаума и благотворительной акции «Магазин подарков городу».

Сносы исторических зданий и, конечно же, проект «Охта-центр» вызвали колоссальный общественный резонанс. Активные горожане объединяются в протестные группы. Создаются общественные движения в защиту наследия. В одних СМИ зашкаливает градус негодования, в других протестующих обвиняют в спекулятивных настроениях, подозревают в развязывании заказной кампании по дискредитации застройщиков и городской власти. Но это вопросы второго плана. Важно, что речь шла о сохранении образа Петербурга. О том, что же останется от него грядущим поколениям. Аргументы в пользу нового строительства в историческом центре, ссылки на другие столицы мира, пережившие жесткие реконструкции, уже не работали. Как неоспоримое преимущество городским сообществом была осознана универсальная уникальность самого масштабного исторического центра нашего города: его формируют не только шедевры архитектуры, но и целостность архитектурно-пространственной среды. Исторический ландшафт, силуэт города, «небесная линия», композиции планировочных решений, доминанты и открытые пространства улиц, площадей, парков, панорамы восприятия, — все эти понятийные термины КГИОПовской документации перешли не только на страницы СМИ, но и укрепились в общественном сознании.

Преодолена высотная проблема башни «Охта-центра». В прямой диалог с общественностью вступили власти города. Лидеры общественных движений вошли в состав Совета по сохранению культурного наследия, дополнили ряды членов ВООПИиК. А совсем недавно была одержана еще одна победа: остановлен проект приспособления Конюшенного ведомства под апарт-отель, хотя сам факт недавнего появления такого проекта, полностью не соответствующего целям сохранения наследия, вызывает удивление и настороженность. Ну, что ж, хочется верить, уроки «Охта-центра» послужат надежным фундаментом в сохранении Петербурга. А изменения в ВООПИиК в связи с его новым пополнением позволяют надеяться, что организация переживает не временный подъем. На каких принципиальных позициях строить ее деятельность, четко формулирует «Петербургская стратегия сохранения культурного наследия»: «Новая стратегия строится на основе сбалансированных и гармоничных отношений между требованиями общественности, экономической деятельности и охраны исторической среды. Она должна привести к признанию общей ответственности за сохранение наследия».

ШТИГЛИЦ

МАРГАРИТА СЕРГЕЕВНА —

*Доктор архитектуры,**профессор кафедры искусствоведения и культурологии**СПбГХПА им. А. Л. Штиглица .**Член президиума СПб ГО ВООПИиК,**сопредседатель общества (2007–2012 гг.)*

— *Маргарита Сергеевна, когда началось Ваше сотрудничество с тогда еще Ленинградским отделением ВООПИиК?*

— Началось оно в середине семидесятых, когда я работала на кафедре истории и теории архитектуры ЛИСИ. Я была молодым преподавателем, и для кафедральной работы в качестве темы исследования выбрала историю петербургской промышленной архитектуры. Тогда эта тема была настолько новая, что была не понята даже опытной профессурой, в частности Владимиром Ивановичем Пилиавским, считавшим такое направление малоперспективным. Все-таки я начала свои изыскания, сидела в архивах, ходила по промышленным предприятиям, которые тогда были доступны. Когда у меня уже был накоплен определенный, пусть и небольшой еще свод объектов, я пришла в ВООПИиК, показала список предприятий, добавила фотографии, и в результате была приглашена на заседание президиума Общества охраны памятников. В те годы там работал мой дядя, Валериан Дмитриевич Кирхоглани, он меня и привел в Общество. Мою работу одобрили, отметили, что она идет в русле проводившихся тогда исследований исторической застройки. Вот с таким благословением и при содействии Общества охраны памятников я продолжила эту тему, даже прочитала в лектории ВООПИиК одну или две лекции. Потом я подготовила и защитила кандидатскую диссертацию, и этим во многом обязана поддержке со стороны Общества охраны памятников.

— *Как строилась работа районных отделений ВООПИиК в советское время?*

— Велась определенная просветительская работа, проводили встречи со студентами, организовывали районные тематические конференции. Часть деятельности относилась непосредственно к охране памятников. Например, много говорили об Измайловском соборе, о том, что нужно его спасать, освободив от находящихся там складов. Много внимания уделялось казармам лейб-гвардии Измайловского полка, — тогда шла ожесточенная борьба за их сохранение, потому что Военмех хотел здание снести, был уже разработан проект.

— *А когда началось Ваше сотрудничество с КГИОП?*

— В конце семидесятых ВООПИиК направил мои первые списки объектов в Государственную инспекцию охраны памятников Б. А. Разодеву, который занимался исторической застройкой. Позднее в архивах Разодева я видела записку, подтверждающую, что он находит эту тему интересной, хотя некоторые сомнения у него тоже были. Сама я перешла работать в КГИОП гораздо позже, в 1993 году. Обязанности председателя тогда исполнял Александр

Владимирович Позднухов, который много сделал для изучения городской застройки и, в частности, промышленной, он создал в составе Инспекции специальную структуру, куда позвал меня. Сначала я совмещала эту работу и преподавание в институте, но было трудно, и через три года я окончательно перешла в КГИОП. Отдел состоял всего из трех человек: В. И. Лелина, М. А. Гордеева и я.

— *Отношения к проблемам, которые волновали ВООПИиК, менялось в зависимости от того, кто возглавлял КГИОП?*

— Конечно. Вот, например, Александр Владимирович Позднухов много сделал для выявления объектов, которые должны получить статус памятника. При нем именно охранная составляющая деятельности КГИОП была очень сильной, но самая активная работа началась после прихода в 1994 году Никиты Игоревича Явейна, когда начали составлять и готовить к публикации списки выявленных объектов. Никита Игоревич — архитектор, он принял эстафету и уже на другом уровне стал проводить эту политику. Позднухов сделал важный первый шаг, а Явейн развил эту деятельность и, что не менее важно, ее легитимировал. Именно этот период я считаю наиболее важным и знаковым.

Что касается нашего отдела, то мы хотели из него сделать не просто контролирующую организацию, но и просветительскую. Мы планировали, что будем заниматься не только выявлением, но и популяризацией объектов промышленной архитектуры, потому что многие не понимали ее ценности. Этого, к сожалению, нам не удалось. Отдел сократили, сделав его сектором, а нашу деятельность постепенно сужали именно до инспекторской. Н. И. Явейн еще удерживал это направление, понимая что его нужно сохранить. Вера Анатольевна Дементьева, пришедшая в 2003 на его место, поначалу тоже восприняла нашу деятельность позитивно, но потом, я думаю, в результате давления сверху ей пришлось подчиниться. Вышло второе издание «Памятников промышленной архитектуры Санкт-Петербурга», и мы раздали эту книгу в Смольном. Впоследствии нас расформировали, что было, скорее всего, связано с политикой и наплывом инвесторов.

— *Коммерческие интересы потеснили приоритеты сохранения культурного наследия?*

— Да, наша деятельность мешала коммерческим целям развития нового строительства, которое тогда очень активизировалось. Можно сказать, что закрытие нашего отдела произошло в период апофеоза деятельности строительного лобби.

Как я уже сказала, когда Вера Анатольевна только начала работать в КГИОП, она была вдохновлена этой темой и даже говорила в одном из интервью, что промышленная архитектура — это очень интересно, и что ее нужно принимать как полноценную область наследия.

Случай с особняком бывшей фабрики Мессонье был очень показательным и закончился сносом его деревянной части.

В апреле 2004, в Международный день охраны памятников, Вера Анатольевна впервые организовала День открытых дверей, и мы провели его сразу на многих объектах, включая промышленные зоны. В том числе и на территории трамвайного парка на Среднем проспекте, который мы старались сохранить. Вместе с Центром современного искусства мы организовали акцию «Трамвай желаний»: катались на старых трамваях, воссоздавая атмосферу прошлого, проводили экскурсии и перфомансы. Участников было много. Это было замечательно и тогда казалось, что так будет и дальше. Но потом, видимо, строительная политика стала особенно агрессивной, и все наши замыслы, в конце концов, рухнули.

Сейчас отдела промышленной архитектуры в КГИОП нет, и это очень плохо. Хотя иногда в СМИ появляется информация, что этот отдел будет вновь организован, но на деле это не так. Последний специалист, оставшийся от нашего отдела, Валентина Ивановна Лелина, еще работает в КГИОП. Но нет преемственности. Интересующейся и развитой молодежи в КГИОП нет, и нет людей, которым бы она могла передать свой опыт, свои знания. Тут должны работать люди, профессионально подготовленные и имеющие живой интерес. Думаю, что подобрать молодых талантливых людей, желающих работать в такой структуре, было бы реально. Сужу по своему преподавательскому опыту. Например, в СПбГАСУ, где я преподавала, было много студентов, которые писали дипломы на темы перепрофилирования промышленных объектов, и эти темы им были интересны. И наверняка можно было бы этих заинтересованных ребят после окончания института взять в КГИОП и воспитать как своих специалистов. Но этого не случилось. Когда Валентина Ивановна уйдет из Комитета, останутся формальные исполнители, которые будут писать ответы, отказы и прочее.

— *Примерно в те же годы, когда заканчивается Ваша служба в КГИОП, Вы переносите свою активность на площадку Общества охраны памятников. С 2004 года вместе с Александром Давидовичем Марголисом Вы становитесь сопредседателем Петербургского отделения ВООПИиК. Что было самым сложным в этот период для Общества?*

— В девяностые годы перед ВООПИиК стояла задача выстоять и сохраниться. В то время городское Общество возглавлял Владимир Григорьевич Лисовский, замечательный, опытный человек, и они продержались до начала двухтысячных. Когда Владимир Григорьевич принял решение, что устал и, что настало время «передать эстафету» другим, так получилось, что нас с Александром Давидовичем Марголисом выбрали сопредседателями. Сложностей и тогда хватало, в том числе с арендой здания, которое занимало Общество, да и с другими организационными делами. Конечно, тут главной фигурой был Александр Давидович, и я по мере сил ему помогала. Необходимо было поднять авторитет организа-

ции, сделать ее более узнаваемой, по-новому сформировать структуру, возобновить систему проведения собраний. По сути, речь шла о возрождении деятельности городской организации ВООПИиК, придании ей нового импульса.

— *В новых условиях Вам приходилось заниматься какими-то новыми делами, проектами?*

— Нужно было возрождать районные организации, выстраивать всю структуру, собирать членов Общества и их регистрировать, принимать новых членов. Было много рутинной работы. Большую роль придавали популяризации деятельности Общества, созданию сайта. Организовывали различные пресс-конференции на актуальные темы. Сначала с нами работал «Росбалт», потом «Зеленая лампа». Мы много выступали и продолжаем выступать в СМИ. Возрождали лекторий, Клуб знатоков (эту работу продолжала Ирэн Александровна Мартыненко). Продолжили работу с кинолюбителями, проводили ежегодный кинофестиваль. Появлялись и совсем новые виды деятельности: организовали молодежную группу по инженерному искусству, по архитектуре, в этом много помогал Сергей Георгиевич Васильев. Мы осваивали новые направления работы, выступали на различных форумах. Работали и работаем совместно с разными градозащитными организациями.

— *Как Вы сейчас оцениваете возможности градозащитников в деле сохранения архитектурного наследия Санкт-Петербурга?*

— Чтобы добиться в этом деле реального успеха, необходима продуманная городская политика, которой сейчас нет. Поэтому борьба за сохранение наследия обречена на стихийность, на зависимость от всяких частных. И борьба за каждый памятник — это отдельная история. Здесь мы приобрели определенный опыт, кое-что удалось отстоять, и эти объекты получили шанс на новую жизнь.

Но все у нас происходит стихийно, судьба каждого здания, каждого памятника зависит от случая, от тех людей, которые готовы им заниматься. Ведь многие смотрят на них как на какую-то помеху. Даже если мы поставим здание под охрану, то границу охранной территории отрезают прямо по периметру фундамента. А ведь эти здания требуют совершенно других пространств. В результате, когда инвестор начинает рядом строить, он совершенно не учитывает интересы этого здания, оно ему мешает.

Это следствие того, что нет общей стратегии, общей политики, где приоритетными должны быть не сиюминутные интересы, а сохранение архитектурного памятника, хотя бы его первичная консервация. Для этого и нужна специальная стратегия, в которой бы были выявлены ключевые объекты, которые надо сохранять, чтобы, если нет таких возможностей сейчас, с ними можно было работать в перспективе. Тогда бы работа шла по-другому, в плановом порядке. Эти здания находятся в центре города и могли бы послужить его развитию. Их надо освобождать и перепрофилировать, и тогда в центре могли бы появиться новые зеленые зоны и общественные пространства. Только жилье здесь не нужно строить, потому что фабрика с жильем плохо сочетается, разве что лофты...

— *Рассуждая о том, что лофт-пространства плохо приживаются в нашем городе, Вы отмечаете, что у нас нет должной культуры восприятия промышленных памятников. Поэтому, несмотря на все возможности, у нас нет таких замечательных объектов, как Музей д'Орсе в Париже, например.*

— И у нас были подобные идеи. Еще при губернаторе Яковлеве долго проговаривали идею сделать из Варшавского вокзала пространство, аналогичное Музею д'Орсе. Варшавский вокзал удалось сохранить, я много сил в этот проект вложила. Но коммерческая составляющая перевесила, и там настроили массу бутиков, в результате чего единое пространство потерялось.

Сейчас возникнет проблема с «Красным треугольником». Огромный комплекс на обширной территории, где могли бы быть и те же лофты, здесь можно устроить Greenwich Village, — сюда бы пришли и художники, и артисты, и музыканты. Могла бы возникнуть площадка для различных творческих молодежных инициатив, они бы освоили это пространство.

Когда шла работа группы по корректировке и уточнению состава объекта всемирного наследия города Санкт-Петербурга, я пыталась включить в этот список особо ценные промышленные шедевры. Но что из этого вышло, не знаю. Мы с Борисом Михайловичем Кириковым участвовали только в первой стадии этой работы, о результатах нас даже не поставили в известность. Якобы списки от КГИОП были переданы в ЮНЕСКО, якобы их там утвердили. Но до сих пор нигде, в том числе и на Совете по культурному наследию, не было четкой информации, что в итоге в эти списки вошло.

— *А чем вызвана такая непрозрачность?*

— Не знаю. Если бы в эти списки включили такие шедевры авангарда, как фабрику «Красное знамя» или мясокомбинат имени Кирова, с ними сейчас бы не творилось такого безобразия. Мясокомбинат скоро уже превратится в руину. Пока мы экспертизу сделаем, пока ее будут согласовывать, там все рухнет! К тому же уже сегодня там собираются обрезать всю территорию, и в результате памятник обступят какие-нибудь высокие жилые дома. Все-таки в центре города памятники легче отстаивать, взять хотя бы историю с Придворными конюшнями. Эти конюшни,

если можно так выразиться, представляют внутреннюю ценность для России, но они не имеют такого значения в мире. А вот Эриха Мендельсона, автора проекта фабрики и мясокомбината, знают, его работы изучают все студенты-архитекторы. К нам специально приезжали архитекторы и художники из Германии, из Голландии, из Англии посмотреть на спроектированные Мендельсоном объекты.

— *Получается, что даже общепризнанная художественная значимость никак не влияет на принятие решения?*

— Власти постоянно сменяются. Пока одни чиновники хоть немного разберутся, на смену им приходят другие, для которых эти памятники ничего не значат. Но все-таки город и инвестор должны сделать «Красное знамя» — как пилотный проект, как образец перепрофилирования одного из ценных индустриальных объектов. Такой проект обязательно будет иметь международный резонанс, он добавит чести нашему городу.

— *Международный резонанс пойдет на пользу и инвестору.*

— Конечно. Как это произошло, например, с «Водоканалом». Сколько мы отстаивали Главную водонапорную башню на Шпалерной. В результате, когда силами предприятия башню приспособили под музей «Мир воды», начальник «Водоканала» Ф. В. Кармазинов стал почетным гражданином города.

— *Вы говорили о том, что при Петербургском отделении ВООПИиК создана индустриальная секция, которая предприняла ряд акций, имеющих отношение к сохранению промышленного наследия. Как сейчас обстоят дела с этой секцией?*

— Действительно, в 2008 году вместе с фондом Шемякина, Художественно-промышленной академией имени Штигица и Архитектурно-строительным университетом, при поддержке Всемирного клуба петербуржцев, мы провели выставку дипломных работ молодых архитекторов по теме сохранения наследия, а также провели круглый стол на Международном культурном форуме. Сейчас вновь пытаемся возродить секцию для молодежи, которой это интересно.

ИВАНОВ

АНТОН ЕВГЕНЬЕВИЧ —

Заместитель председателя Центрального Совета ВООПИиК с 2012 г.

Заместитель председателя СПб ГО ВООПИиК с 2004 г.

— *Антон Евгеньевич, когда в Вашей жизни возникла эта аббревиатура — ВООПИиК, и, если вы помните, в связи с чем?*

— Хорошо помню. Это был 1999 год, я еще тогда учился на историческом факультете. В тот год мы создали группу молодых людей (вернее сказать, она стихийно возникла),

которых интересовала история и судьба Константиновского дворца в Стрельне. В результате наших действий во дворце даже появилась музейная комната, некое подобие музея, и организовывались экскурсии. Мы даже умудрились провести выставку с привлечением ряда экспонатов из государственных музеев, что сейчас, наверное, было бы совершенно немисливо. А в 1999 году Петергоф, Гатчина, Военно-Морской музей откликнулись на наш призыв и предоставили некоторые свои экспонаты для этой выставки. Она была посвящена памяти хозяина дворца, Великого князя Константина Николаевича. Затем начались судебные процессы с арендаторами дворца, которым он был передан с начала девяностых годов для будущей реставрации, и которые ничего не сделали для его сохранения. По инициативе нашей группы Комитет по охране памятников наконец-то принял решение о расторжении договора и выделении этих организаций из дворца.

Это была целая судебная эпопея, которая длилась несколько лет. И именно тогда у меня возникла мысль обратиться за поддержкой в ВООПИиК. Ведь сначала мы были просто инициативной группой, и нам в нашей работе нужна была какая-нибудь, как это принято говорить, крыша над головой, какая-то организационная структура. Мы все вместе приехали сюда, в то место, где сейчас с Вами находимся. Нас встретили Лев Павлович Тихонов, тогдашний заместитель председателя Общества, и Валентина Иванова Васильева, ответственный секретарь. Мы изложили нашу проблему, рассказали, что хотим заниматься судьбой Константиновского дворца и парком, что у нас есть предложения, как его отреставрировать и что там нужно сделать. Лев Павлович сразу же поддержал нас. Мы назвали тогда Стрельнинским отделением Всероссийского общества охраны памятников, и мне доверили быть председателем этого отделения. Таким образом, мы стали работать уже в структуре ВООПИиК.

— *То есть тема исторического наследия Вам была близка?*

— Да, это была одна из моих научных тем. Надо сказать, что в нашей группе были не только историки, а юноши и девушки из разных вузов. А объединяло то, что нам всем была интересна судьба дворца. Состав группы не был постоянным. Основной костяк — пять-шесть человек, в основном студенты.

После того, как мы организовали Стрельнинское отделение ВООПИиК, началась борьба за дворец.

Потом меня пригласили в компанию «Интарсия» — одну из основных реставрационных организаций, участвующих в восстановлении дворца, на должность заместителя главного архитектора. В круг моих обязанностей входили вопросы воссоздания интерьеров, и тут некоторыми моментами можно гордиться. Существуют разные оценки качества реставрации дворца. Но я должен сказать, что главное — это то, что его реально спасли от полного разрушения.

А что до нашей группы, то мы общаемся и по сей день. Все, так или иначе, остались связаны с судьбой Константиновского дворца до момента его торжественного открытия в 2014 году.

— *За эту работу Вы были награждены премией Президента РФ для молодых деятелей культуры за вклад в сохранение и восстановление памятников истории и культуры. А как получилось, что Вы стали заместителем председателя городского отделения Общества охраны памятников?*

— В 2003 году фирма «Интарсия» закончила работы в Константиновском дворце. Примерно в это же время меня пригласил к себе Лев Павлович Тихонов. Во время работы в Стрельнинском отделении я старался по возможности советоваться со Львом Павловичем по разным вопросам, и городское отделение ВООПИиК оказывало нам помощь. В какой-то момент Лев Павлович мне предложил, как это сейчас модно говорить, стать его «преемником». Отказаться от такого предложения я не считал возможным, поскольку ситуация сложилась такая, что с уходом старой команды, не появившись ей замены, ВООПИиК бы просто перестал существовать. Я согласился и начал работать.

Так само собой получилось, что я попал в эту колею, в которой и по сей день нахожусь. Сейчас смотрю как бы со стороны, и получается, что и возможности из нее выйти у меня не было, да и желания. Мне и тогда было интересно работать в ВООПИиК, и сейчас интересно.

— *Вы пришли туда один или со своей командой?*

— Некоторые люди пришли со мной. Сейчас рост численности отделения такой, что наша команда обновилась на 99 процентов. При этом мы, безусловно, сохранили и сохраняем ветеранов, профессионалов, людей, которые нас в свое время поддерживали, очень их ценим и теперь уже мы стараемся их поддерживать.

— *Какова сейчас численность городского отделения?*

— Порядка тысячи человек. Когда в 2004 году я был избран заместителем председателя, мы даже не знали, сколько членов в ВООПИиК. Поэтому начали проводить перерегистрацию. Сейчас уже готовим новую, чтобы актуализировать данные.

В 2004 году, когда я пришел в ВООПИиК, то поставил перед собой задачу не потерять того, что к этому времени было создано, и продолжить эти традиции. Но нужно было искать и новые направления работы.

Например, мы продолжаем тематические кинофестивали по нашей проблематике. Работает постоянно действующий лекторий.

— *В восьмидесятые годы в лектории ВООПИиК, что называется, яблоку негде было упасть. Насколько он сейчас популярен?*

— Лекторий работает достаточно регулярно, раз в неделю. Зал у нас небольшой, он вмещает человек сорок-пятьдесят, и это не позволяет нам широко рекламировать наши лекции. Состав слушателей более-менее постоянный, но в основном это пожилые люди.

Не случайно я говорю о новых направлениях, рассчитанных, прежде всего на молодежь. В прошлом году стали проводить в библиотеке Маяковского «Градозащитные вечера», они собирают более молодую аудиторию. Идея

состояла в том, чтобы посмотреть на каждую проблемную тему с разных точек зрения: с одной стороны, градозащитника, с другой — пользователя объекта или его собственника. Не всегда это получается, но начало положено. В этом году начинаем проект «Открытый город», об этом я еще расскажу подробнее.

В двухтысячные годы постепенно стало формироваться так называемое градозащитное движение, возникли разного рода объединения, которые в Общество охраны памятников не входили. Мы постарались консолидировать их работу. Не всех, конечно, мы критически подходим к отбору. В частности, мы активно сотрудничаем с группой «Живой город», проводим совместные акции. Новый аспект нашей деятельности — судебная практика. Раньше мы ничем подобным не занимались, да и необходимости в этом не было. Сейчас это очень серьезное и перспективное направление.

— *Каковы задачи судебной практики?*

— Это отстаивание в судах вопросов, связанных с охраной памятников истории и культуры. Подаются иски от организации, да и просто от граждан по тем или иным решениям органов власти, оспаривание разрешений на строительство и согласований проектов застройки, различных действий или, наоборот, бездействия чиновников. Такая работа полностью лежит в правовом поле, создает дополнительные механизмы по налаживанию эффективного общественного контроля соблюдения законодательства.

Еще один новый аспект нашей деятельности — участие в публичных градозащитных акциях. Хотя, наверное, ВООПИИК в большей степени должен быть объединением именно профессионального сообщества.

Абсолютно новое направление нашей работы — экспертное. Такого вида деятельности, как государственная историко-культурная экспертиза, раньше просто не было. Сейчас это важнейший инструмент в деле охраны культурного наследия. Более того, ВООПИИК создал ассоциацию экспертов, мы стараемся их объединить, наладить между ними взаимодействие, создать элементы корпоративной ответственности экспертов за их действия. Потому что сейчас от мнения одного-единственного эксперта порой может зависеть судьба памятника. ВООПИИК и сам проводит подобные экспертизы, и является заказчиком. В частности, по археологическим памятникам на Охтинском мысе мы проводили экспертизу сами. В каких-то сложных ситуациях, когда государство, например, не может заказать экспертизу, мы идем на встречу и сами ее заказываем, возможно, даже изыскиваем средства на ее проведение.

Абсолютно новое направление, которое началось еще с Константиновского дворца, — это непосредственная охрана бесхозных памятников. По нашей инициативе, ВООПИИК был передано здание Конюшенного корпуса в Знаменке. Тоже памятник федерального значения, очень интересное здание, но брошеное. А все, что не имеет хозяйина, быстро разрушается. Потому мы взяли его под охрану, лет десять, наверное, охраняли. Выбили в КГИОП средства на противоаварийные работы, закрыли уникальные

кирпичные своды временной кровлей. В общем, спасли от разрушения. Сейчас здание передано Управлению делами Президента. Мы надеемся, что в самом скором времени будут выделены средства и начнется реставрация этого объекта. Сейчас мы охраняем, тоже уже лет десять, если не больше, здание Собственной дачи в Петергофе.

— *Вы перечислили очень разные направления деятельности Общества, от экспертизы до физической охраны объектов. Расскажите о привлечении к работе в Обществе молодежи.*

— В прошлом имелась очень хорошая практика, которую надо возрождать, — студенческие или волонтерские реставрационные отряды. Несколько лет назад мы вместе с СПбГАСУ провели один такой отряд. Идея вызвала и у студентов, и у преподавателей большой интерес, но для этого нужно финансирование.

Думаю, что в настоящее время ВООПИИК мог бы инициировать целый ряд общегородских проектов и поучаствовать в них, в том числе в мониторинге состояния объектов культурного наследия. Это очень актуально, так как сейчас этим в городе никто не занимается.

— *Что Вы понимаете под мониторингом?*

— У КГИОП должна быть актуальная информация о состоянии объектов культурного наследия. Дело в том, что имеется много зданий, которые находятся в зоне охраны, но не являются памятниками, таких зданий порядка 17 тысяч. Однако мы не знаем состояния и тех восьми тысяч, которые признаны памятниками. Нужен постоянный мониторинг. Но на деле все совсем не просто. На федеральном уровне выделяются средства, какие-то фирмы выигрывают тендеры. Но кто в результате проводил мониторинг? где эти материалы? — неясно. А ведь от этого зависит финансирование реставрационных работ, их очередность: на какие объекты выделять в первую очередь и на что именно выделять. Необходимо использовать критерии целесообразности и очередности. Отсюда задача организации профессионального мониторинга. Если бы он регулярно проводился, и его результаты использовали бы при составлении программ, то, конечно, эти программы стали бы более эффективными.

Возвращаюсь к реставрационным отрядам как потенциальному общегородскому проекту. Это хорошее направление, и надо будет возрождать эту практику. Я думаю, что и на мониторинг, и на реставрационные отряды мы будем в следующем году просить финансирование. Эта важно для ВООПИИК и как возможность пополнения своих рядов.

— *Вы обещали рассказать о проекте «Открытый город», что он собой представляет?*

— Это мега-проект, на который мы возлагаем большие надежды. Суть его — обеспечить доступ горожан на объекты культурного наследия, не доступные в обычное время.

— *Что значит «не доступные в обычное время»?*

— Согласно Конституции РФ и федеральному закону № 73, каждый гражданин РФ имеет право на доступ к объ-

ектам культурного наследия. Иначе говоря, мы с вами при желании имеем право войти, скажем, в здание Сената, Главного штаба, в Адмиралтейство. Проект «Открытый город» направлен как раз на то, чтобы дать горожанам возможность войти на недоступные в обычное время объекты и прослушать экскурсию. Проект осуществляется на бюджетные средства, нам выделена городская субсидия. Мы выступаем как организаторы и исполнители этого проекта. В нашу задачу входит договориться с объектами, организовать высококлассное экскурсионное обслуживание, сформировать интересную программу.

На самом деле, это проект с неограниченными возможностями для дальнейшего расширения деятельности. Экскурсии могут быть разными по формату: пешеходные, автобусные, теплоходные, велосипедные, самокатные, с норвежской ходьбой. Разными могут быть и возрастные, и социальные группы. Но речь идет именно о групповых экскурсиях, поскольку это городская субсидия. Это могут быть и лекции, совмещенные с экскурсией, лекционно-экскурсионные циклы, а также квесты на объектах культурного наследия.

Как видите, спектр мероприятий будет достаточно широкий. Объекты также разные. Мы их объединяем в определенные тематические маршруты или рассматриваем в отдельности. Кроме того, пытаемся открыть и в уже известных музеях новые направления. Так, одним из партнеров проекта согласился стать Музей-заповедник «Царское Село», и в результате нам будут показывать то, что никогда не показывали раньше обычным посетителям, — те объекты, которые еще не открыты: например, они находятся в процессе реставрации или ее ждут, либо они просто закрыты для посещения. У нас в планах объединение ряда объектов с так называемыми «малыми музеями» с недостаточной посещаемостью. Также мы разрабатываем несколько маршрутов на историческом трамвае, когда поездка на трамвае заканчивается, скажем, Адмиралтейскими верфями или каким-то заводом — памятником промышленной архитектуры. Это очень перспективное направление, над которым мы работаем совместно с экскурсоводами из Института Петербурга и сотрудниками КГИОП.

— Как возникла такая идея?

— Мы тут не первооткрыватели. Аналог такого проекта был в Москве. Уже пять или шесть лет там действует проект «Выход в город». Конечно, мы надеемся, что «Открытый город» полюбится горожанам и будет продолжен. В Петербурге с 2004 года в апреле, в Международный день охраны памятников и исторических мест, КГИОП устраивает экскурсии на закрытые объекты. Но это бывает только один раз в год. В 2016 году мы этот день проводили вместе с Комитетом и занимались записью на экскурсии. Интерес был колоссальный! Запись была очная и по телефону. За один день мы записали на экскурсию две с лишним тысячи человек, а фактически прошли по объектам четыре с лишним тысячи. Среди посетителей были люди разных возрастных групп. Добавлю, что это бесплатные экскурсии. И то, что мы сейчас планируем до конца года

пять тысяч экскурсантов, это более чем реально, можно и больше. Но мы не хотим, чтобы эти экскурсии потеряли эксклюзивность.

Идея очень перспективная, она может развиваться в самых разных направлениях и стать очень серьезным городским просветительским проектом. Конечно, вся информация по проекту будет размещена на наших сайтах, но не более того. Мы не должны становиться в ряд с организациями, которые действуют как коммерческие.

— *Обо всех этих проектах и планах Вы рассказывали в качестве заместителя председателя Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиК. Но, кроме того, Вы еще являетесь заместителем председателя Центрального совета ВООПИиК. Каковы Ваши обязанности в каждой из этих структур?*

— В качестве зампреда Центрального совета провожу некоторые встречи, совещания. Но все-таки главная моя функция — это повышение представительства именно Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской организации в общероссийском масштабе. Такого ведь раньше не было, чтобы представитель Петербурга являлся заместителем председателя Центрального совета ВООПИиК. Это произошло впервые, и, наверное, это реакция на работу, которую мы ведем. Сегодня без преувеличения могу сказать, что Петербургское отделение Общества — одно из самых крепких, активных. На мой взгляд, именно за счет того, что мы смогли удержать некую середину и не скатились ни в одну из крайностей. С одной стороны, мы дали возможность всем, кто пришел в ВООПИиК со своими проектами и идеями в нем работать. С другой стороны, мы сохранили и костяк коллектива, и свои традиции. Огромная заслуга в этом сопредседателя нашего отделения Александра Давидовича Марголиса — высокопрофессионального специалиста, человека, способного увлечь, объединить, организовать общую работу.

— *Вы являетесь генеральным директором Научно-производственного и проектного объединения «Союзстройреставрация». Как это сочетается с Вашей деятельностью в ВООПИиК?*

— В 2004 году я был избран и сейчас являюсь штатным заместителем председателя городского отделения. Предполагается, что руководители организации действуют на общественных началах, а штатный заместитель должен получать какую-то зарплату и непосредственно руководить хозяйственной и организационно-финансовой деятельностью Общества. Но, на самом деле, с 1991 года никто зарплату не получал, поэтому штатная должность превратилась в одно название. Так происходит и по сей день, потому что все доходы от ВООПИиК, получается, равны расходам. Надо было как-то и себя содержать, и Общество поддерживать, поэтому мы и создали упомянутую реставрационную организацию.

— *Получается, что отчасти Вы являетесь и спонсором Общества?*

— Выходит, что так, на протяжении многих лет. Я не абсолютизирую такое положение дел, не считаю его нормой, поскольку хочу, чтобы ВООПИиК стал в этом смысле самостоятельной организацией. Моя задача, чтобы за счет проектов, о которых мы с вами говорили, ВООПИиК

мог существовать самостоятельно. Это экспертная деятельность, это «Открытый город», мониторинг и так далее. ВООПИиК может и должен поддерживать себя сам. Верю, что у нашей организации есть для этого все основания.

**МИНУТИНА
ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА —**

*Координатор независимого общественного движения
«Живой город»*

— Общественное движение «Живой город» появилось в ноябре 2006 года и было связано с ВООПИиК и Группой спасения памятников. Так получилось потому, что одним из организаторов нашего движения, человеком, который создал в интернете сообщество, с которого все и началось, была Елизавета Никонова, дочь Павла Никонова, члена ВООПИиК и члена Группы спасения памятников. С самого начала мы чувствовали поддержку своих предшественников, людей, которые давно уже занимаются вопросами охраны памятников и не утратили интереса к этому делу и в наши дни. Почти сразу, буквально через месяц или два после того, как было создано движение, мы оказались в ВООПИиК, где познакомились и с Александром Давидовичем Марголисом, и с Маргаритой Сергеевной Штиглиц.

— *А кто Вас привел в ВООПИиК?*

— Насколько помню, эта инициатива исходила от Сергея Васильева, активного члена Общества. Кроме того, Сергей — помощник депутата Алексея Ковалева и член Группы спасения памятников. Он как-то сразу поверил в нас, тогда еще совсем юных. Он увидел в нас свежую силу, возможность какого-то нового движения. И мы ему очень благодарны за это.

Мы пришли в ВООПИиК, познакомились с людьми, которые уже давно занимаются охраной памятников. И сразу поняли, что мы друг друга никак не заменим, потому что до того академизма, которым обладают члены Общества, нам еще расти и расти. И если нужно будет сделать экспертное заключение для какой-то солидной организации, то это прерогатива ВООПИиК, и мы, конечно, будем с ними сотрудничать и в качестве экспертов рекомендовать всем. Но как любая организация такого рода, ВООПИиК имеет свои ограничения, а мы умеем более оперативно реагировать на вызовы времени. Наверное, мы выскажемся менее профессионально, зато сможем себе позволить больше эмоций, больше свободы, ведь участники «Живого города», во всяком случае на момент создания движения, не были связаны ни обязательствами, ни участием во властных структурах.

Сейчас я являюсь членом Совета по сохранению культурного наследия и даже если не одобряю какое-то его решение, все равно это происходит как бы при моем участии. Но в то время никто и подумать не мог о таком повороте. Отсюда и легкость: ты никому не обязан, можешь говорить все, что считаешь правильным, приводить любые аргументы. Конечно, в этом было наше определенное преимущество. Понятно, что ВООПИиК — это люди в основном старшего поколения. Поэтому нам с самого начала было чему друг у друга поучиться, и наше взаимодействие могло развиваться как взаимообогащение новыми знаниями, опытом, какими-то технологиями. Мы могли задействовать те ресурсы, которые нам более доступны, прежде всего — интернет.

— *Могли или задействовали?*

— И могли, и задействовали, потому что мы собрались как интернет-сообщество. Конечно, мы могли так и остаться в сети, и тогда бы не имели такого влияния. Но довольно быстро мы вышли в реальную жизнь, в результате чего «Живой город» смог сказать свое слово в борьбе за сохранение наследия Санкт-Петербурга. Наше сотрудничество продолжается до сих пор. Некоторые участники нашего движения вошли в состав Петербургского отделения ВООПИиК, в том числе в состав его президиума. Мы и дальше можем совершать совместные действия, проводить совместные мероприятия, обсуждать вопросы, которые важны для всего градозащитного сообщества. Мне кажется, что это вполне конструктивный диалог.

— *В качестве отправной точки Вы назвали образование интернет-сообщества. Какие реальные дела сплотили вас сначала в виртуальную группу, а затем в общественное движение «Живой город»?*

— Было два таких импульса, которые практически совпали по времени. Осенью 2006 года в информационном поле стала активно обсуждаться перспектива строительства на Охте небоскреба «Газпром-сити», что вызвало широкий негативный резонанс как среди специалистов, так и среди жителей. Все понимали, что Охта — это практи-

чески центр города, и вид небоскреба будет просто ужасающим. А когда мы уже глубже вошли в тему, стал открываться целый ряд проблем, которые раньше для нас были неочевидны: например то, что в результате такого масштабного строительства практически все археологические памятники будут уничтожены. Вторым импульсом стал снос здания на углу Невского проспекта и улицы Восстания. Исторический квартал был разрушен для строительства торгового центра «Стокманн». Лично для меня именно это стало отправной точкой, я поняла, что надо что-то делать. Во-первых, тогда не было никакой информации; во-вторых, действительно тяжело смотреть, как разрушают старые дома. Для меня в этот момент количество перешло в качество. Я тогда даже не представляла, какие организации должны заниматься градозащитными вопросами. А когда выяснила, что есть такие общественные организации, которые занимаются охраной памятников, появилось ощущение, что их нужно усиливать. Мне в то время было 22 года, и я после бакалавриата работала в школе и училась в магистратуре в Университете имени Герцена на филфаке. Моя специальность — школьный учитель русского языка и литературы.

— *А сейчас Вы по-прежнему работаете в школе?*

— Да, я по-прежнему школьный учитель. Только с тех пор защитила кандидатскую диссертацию и родила ребенка. Я по-прежнему вхожу в «Живой город» и продолжаю заниматься вопросами, связанными с градозащитой, с охраной культурно-исторического наследия.

— *Кто еще из движения «Живой город» стал активным членом ВООПИиК и даже, как Вы сказали, вошел в президиум городского отделения Общества?*

— В ВООПИиК входит уже упомянутая мной Лиза Никонова, теперь она Истомина. Она по профессии дизайнер и занимается разработкой сайта ВООПИиК. Долгое время в ВООПИиК активно работает Елена Минченко, она организует разные мероприятия, конференции, а также осуществляет международные контакты. Сейчас довольно активно в собраниях ВООПИиК участвует Дмитрий Литвинов, это один из координаторов и один из наиболее подкованных в юридическом плане участников нашего движения.

— *О каких совместных с ВООПИиК делах Вы бы еще могли рассказать?*

— Если можно так выразиться, нашим общим детищем является «Блокадная подстанция», за которую борется группа общественных организаций. И ВООПИиК, и «Живой город», и «Петербургцы за общественный транспорт». Нам кажется, что на данном этапе это здание удалось отстоять, оно признано памятником истории и культуры. Конечно, во многом это заслуга и ВООПИиК, который сделал экспертизу по этому памятнику, и всех

остальных организаций. Порой казалось, что все уже предreshено, но в итоге нам удалось добиться успеха.

Совместным проектом был и дом Рогова, борьба за который завершилась нашим общим поражением. В августе 2012 года здание было снесено буквально в считанные часы.

В 2011 (или 2010) году состоялась наша совместная поездка в Вашингтон, в которой я участвовала как представитель одновременно и «Живого города», и ВООПИиК. Сейчас я вхожу в Совет по сохранению культурного наследия наряду с уважаемыми членами ВООПИиК. Так что мы постоянно находимся на одном поле и стараемся не терять связь. У нас нет разделения, где, чей проект, кто каким зданием занимается, в основном это совместная деятельность.

Самый активный период градозащитной деятельности, думаю, пришелся на 2008 и 2009 годы, когда горожане интересовались этой темой, были готовы выходить на митинги, а журналисты много об этом писали. Сейчас в градозащитном движении наблюдается некоторое затишье. С одной стороны, для журналистов эта тема потеряла новизну, с другой — происходит некий отток участников движения. Экономическая ситуация заставляет людей переосмыслить свои приоритеты. Некоторые просто устают от этой деятельности, особенно если после того, как было вложено много труда, наступает поражение.

— *Вы пессимистично оцениваете перспективы градозащитного движения Петербурга?*

— Нет, конечно. Прежде всего, накоплен определенный опыт. Многие из нас уже давно занимаются градозащитной деятельностью и могут рассматривать эти проблемы на довольно серьезном уровне. Еще при губернаторе Матвиенко начался диалог с властью, сейчас он продолжается при Полтавченко. Конечно, с точки зрения активности, ярких акций стало меньше. Но сейчас градозащитная деятельность перешла в несколько иное русло: многие вопросы решаются не столько посредством уличных акций, сколько переговорами, убеждением, перепиской.

Появляются новые организации, новые люди, у них свое видение ситуации, они сами активно действуют и не хотят быть ни с ВООПИиК, ни с «Живым городом». А вот противоположный пример: мы тесно сотрудничаем с независимым градозащитником Дарьей Васильевой. У нас хорошие партнерские отношения: стараемся друг другу помогать, приглашаем на свои акции, вместе готовим документы, например, для разговора в Смольном.

Чем больше организаций и разных людей со своим подходом, со своим взглядом будут заниматься сохранением наследия города, созданием в нем комфортной среды обитания, тем лучше. Но, опять же, повторяю, есть ВООПИиК, который представляет собой высокопрофессиональное экспертное сообщество, и хорошо, когда молодые и менее опытные организации имеют возможность обращаться за советом, за поддержкой.

ВАСИЛЬЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

Ответственный секретарь Общества 1970–2004, член совета Общества, член президиума

Сейчас мы обладаем правом совещательного голоса. Но необходимо, чтобы такая сила, какой является ВООПИиК, могла всё же влиять на ситуацию. Хорошо, что государственная власть берёт на себя ответственность за все сферы жизни и за всё происходящее в государстве. И нам действительно не нужны люди, выкрикивающие лозунги. Им бы только вмешаться, а во что они вмешиваются, им порой самим непонятно. Но если существует организация, в которой работают люди знающие, образованные, профессиональные, то у них должно быть не только право голоса, но и то же самое право вето, и право предлагать свои решения. Вот этот вопрос стоит остро.

В. И. Васильева

И. В. Руднева

РУДНЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Руководитель секции-памятники архитектуры с 1976 г.
Организатор и руководитель секции коллекционеров.
Эксперт предметов ДПИ, живописи

— У нас была конференция, посвящённая сохранению старых зданий. Серьёзно рассматривалась, например, проблема изменения функций того или иного здания. Чтобы сохранить его внутреннее убранство, иногда приходилось именно менять функцию этого здания — из жилого дома — в учреждение. Ведь «начинка» жилых домов была (и, к счастью, во многих случаях осталась) почти столь же бесценной, как и убранство иных дворцов. А существовали эти хоромы уже как огромные коммуналки, и жильцы там зачастую не понимали значения тех ценностей, среди которых им довелось жить.

К примеру — дом архитектора Макарова на углу Невского проспекта и улицы Маяковского. Там с первого по последний этаж были в квартирах роскошные каминные. И всё бы выбросили, если бы не вмешательство Общества охраны памятников. Работали мы тогда над этим на чистом энтузиазме — ни за работу с населением по разъяснению проблемы, ни за работу с властями по поводу взятия ценных интерьеров под охрану или «репрофилирования» зданий дополнительно никто никому не платил. Но ведь убранство жилых домов Петербурга — такое же достояние нашей истории и такое же культурно-художественное наследие, как дворцы, решётки, парки и набережные.

Облик истории — это не отдельные детали, это общая картина жизни, образа мыслей, даже быта тех, из чьих отдельных ма-

леньких судеб и биографий создавалась судьба и биография великого и прекрасного города.

КРАЙНОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

Ответственный секретарь Октябрьского района с 1978 г., член совета Общества

Нет такой работы, от которой не устаёшь. Если работать, а не просто присутствовать. Эта работа мне нравится. И приятно, что её ценят. Не зря же наградили медалями: «За сохранение культуры», «За вклад в развитие туризма». Мне кажется, наша работа нужна и полезна. И не только я так думаю. Значит, не зря устаю...

МАРТЫНЕНКО ИРЭНА АЛЕКСАНДРОВНА

Руководитель «Клуба знатоков», Кинолюбителей, «Любителей русских дворянских усадеб Ленинградской области (лекции и экскурсии)», руководитель секции молодежи, член совета, член президиума совета Общества

Продолжение пути Общества будет не менее трудным, чем его начало. Поэтому особенно отраднo, что в своё время нам действительно удалось зажечь нашими идеями молодёжь, объяснить, рассказать, увлечь. Будем надеяться — эти поколения в будущем тоже найдут себе продолжателей. По крайней мере, очень бы этого хотелось.

Г. В. Крайнова

И. А. Мартыненко

БОНДАРЕНКО АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Директор Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов

В первую очередь, Общество предоставило нам помещение, в котором мы смогли собираться, читать лекции, устраивать выставки. Удалось провести первую экспертизу рериховского собрания, что без участия Общества тоже было бы невозможно. И впоследствии его помощь была неоценима. Нынешнее помещение музея на Васильевском острове, в доме друга семьи Рерихов доктора Боткина, мы тоже не получили бы, если бы Общество нас не поддерживало. Кстати, сейчас, опять-таки с его помощью мы готовимся открыть филиал в помещении бывшего реального училища Карла Мая, где можно будет делать тематические экскурсии.

Государственные историко-культурные экспертизы в деятельности СПбО ВООПИиК как инструмент защиты памятников

КОНОНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ —

Заместитель председателя петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры

15 июля 2009 г. вышло постановление Правительства Российской Федерации № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе». В том же году Санкт-Петербургское городское отделение ВООПИиК получило лицензию Министерства культуры, в рамках которой началась работа по подготовке первых государственных историко-культурных экспертиз (ГИКЭ), выполненных специалистами нашей организации. С 2012 г., с созданием «Экспертного центра по вопросам охраны памятников истории и культуры», работа приобрела уже систематический характер. Сейчас, когда за последние пять лет подготовлено уже около 100 государственных экспертиз, можно подвести некоторые промежуточные итоги этого направления деятельности.

Первым опытом подобного рода стала многотомная экспертиза, подготовленная в тесном взаимодействии с общественной организацией «Митрофаньевский союз», с целью включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия «Митрофаньевского православного и лютеранского кладбища». Это крупнейшее уничтоженное в советское время историческое кладбище Петербурга (примерно 48 га) предполагалось пустить под жилую и деловую застройку в рамках проекта «Измайловская перспектива», в то время как на территории кладбища погребено более 400 тысяч петербуржцев, в том числе многие выдающиеся личности отечественной культуры, искусства, науки, деятели государства. Более пяти лет потребовалось на сбор и оформление архивных материалов и согласование экспертизы в КГИОП. В итоге большая часть территории Митрофаньевского кладбища стала памятником регионального значения.

Следующая масштабная экспертиза была выполнена в отношении обширной территории Комплекса Варшавского вокзала. Специалистами во главе с профессором М. С. Штигилиц было изучено и предложено к включению в Реестр памятников более 15 объектов, как выявленных ранее, так и впервые атрибутированных и рекомендованных под государственную охрану. Часть этих объектов (Электростанция, Сарай для императорских поездов, Товарная контора, Поворотный круг и др.) уже включена в Реестр, часть ещё находится в процессе согласования с КГИОП. Здесь СПбО ВООПИиК впервые пришлось отстаивать результаты своих экспертиз в суде, когда в резуль-

тате незаконных действий алчных собственников была уничтожена часть товарной станции вокзала — Северо-восточный товарный пакгауз.

Ещё раз результаты своей экспертизы СПбО ВООПИиК защитило в суде в истории с Лопухинским садом, когда по результатам нашего исследования (эксперт — М. И. Мильчик) была возвращена в границы памятника историческая территория Водной станции, отторгнутая с целью строительства гостиницы структурами холдинга RVI.

Наибольшее количество экспертиз было выполнено экспертами ВООПИиК с целью включения объектов в Реестр памятников. Многие из них, несмотря на свою известность, никогда не находились под государственной охраной. Яркой страницей стала борьба за спасение «Блокадной подстанции» № 11 (наб. р. Фонтанки, 3а). Эта конструктивистская постройка должна была уступить место очередному шестиэтажному апарт-отелю, несмотря на мемориальную доску на её фасаде, подтверждающую связь подстанции с выдающимся событием в истории блокадного Ленинграда: после страшной блокадной зимы 1941–1942 гг. было восстановлено электроснабжение и возобновлено трамвайное движение, что спасло тысячи человеческих жизней и стало символом возрождения города. Благодаря архивным документам времен блокады, впервые введенным в научный оборот, получил документальное подтверждение факт выдающейся роли подстанции № 11 в событиях возобновления трамвайного движения 8 марта 1942 г. По экспертизе ВООПИиК здание стало памятником регионального значения.

Наибольшее количество экспертиз на включение в Реестр памятников было выполнено в отношении деревянных зданий — во многом исчезающего пласта историко-культурных объектов Петербурга. Был взят под государственную охрану Сестрорецкий вокзал, на месте которого предполагалось возвести новое здание. Стали памятниками многие объекты в пригородах (Озерках, Песочном, Сестрорецке, Левашово, Царском селе, Павловске, Петергофе), а также в Адмиралтейском, Василеостровском и Петроградском районах.

Наряду с единичными памятниками больших усилий требует работа с крупными комплексами и ансамблями. За последние три года эксперты и сотрудники ВООПИиК подготовили к включению в Реестр обширные и сложные комплексы Кронштадтского паровозного завода, бывшей

фабрики «Красный треугольник» (около 80 корпусов), фабрики Гота, Обуховской больницы, а также жилмассив «Серафимовский городок».

Среди экспертиз на проектную документацию наиболее интересной и/или сложной была работа над такими объектами как Этнографический музей, комплекс построек завода «Невское стеариновое товарищество» (пр. Обуховской обороны, 80), «Дом Дельвига» (Загородный пр., 1), от спасения которого ведёт отсчет современная история градозащитного движения Петербурга, и, что символично, это первая экспертиза на проектную документацию по приспособлению к современному использованию, выполненная СПбО ВООПИиК.

Отдельное направление работы — подготовка предметов охраны и планов границ для объектов давно на-

ходящихся под государственной охраной, но детальные предметы охраны которых отсутствовали. Экспертами ВООПИиК с привлечением сторонних специалистов были подготовлены Акты экспертиз со всей необходимой документацией и описаниями внешнего и внутреннего убранства таких выдающихся памятников как Исаакиевский собор, храм «Спас на крови», уже утвержденные распоряжениями КГИОП.

В настоящее время в работе специалистов ВООПИиК более 20 экспертиз. Мы надеемся, что эта деятельность будет только нарастать. За каждой из экспертиз стоит работа большого коллектива специалистов, самоотверженно работающих ради выявления, сохранения и изучения всех ценных в историко-культурном отношении зданий и сооружений, ансамблей и ландшафтов Петербурга.

Научитесь видеть и хранить подлинное

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА РУДНЕВА, МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ОБРАЗЦОВА

В наше время высоких технологий и тесного внедрения науки во все виды деятельности, в том числе и в риналистику, казалось бы, должны исчезнуть подделки произведений искусства.

Но, к сожалению, всё происходит наоборот. Совершаются в своём деле не только криминалисты, но и мошенники, поскольку шедевры живописи, скульптуры, прикладного искусства неуклонно растут в цене.

В связи с этим необычайно вырос спрос на услуги экспертов, причём уровень подготовки специалистов в этой области стал особенно важен. Традиционно высоко оценивается работа в этом направлении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Общества, которое с самого начала своего существования привлекало в свои ряды профессиональных экспертов.

Экспертный центр при Петербургском отделении ВООПИиК был создан в 2008 году, после подписания договора с Росохранкультуры. Все специалисты центра имеют аттестацию Министерства культуры Российской Федерации в различных областях культуры и искусства.

За восемь лет, прошедших со времени создания центра, были проведены самые различные экспертизы и консультации, значение которых трудно переоценить: установлена подлинность писем А. П. Чехова, проведена экспертиза на предмет ввоза Ковчега с поясом Пресвятой Богородицы;

оказаны консультации различным ведомствам по предметам «Нарышкинского вклада»; осуществлялись экспертизы для Управления Федеральной службы судебных приставов по Санкт-Петербургу, Главного следственного управления при ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

С самого начала своего существования центр оказал целый ряд услуг Северо-Западному таможенному управлению и Управлению Министерства культуры России по Северо-Западному федеральному округу на предмет ввоза и вывоза культурных ценностей.

Эксперты центра участвовали в судебных процессах различной юрисдикции Северо-Западного федерального округа, проводили искусствоведческие исследования для многих известных музеев.

Потребность в подобных экспертных услугах возрастает с каждым днем. Квалифицированных специалистов этого направления не хватает, поэтому актуальным становится обучение этой специальности.

В связи с этим на базе Санкт-Петербургского отделения ВООПИиК открыт цикл лекций и практических занятий по программе «Основы экспертизы предметов искусства и культуры».

Прослушавшие курс лекций получают сертификаты, дающие право производить экспертизы и составлять экспертные заключения.

«Mauduit invenit. 1816» (неизвестный проект центральных площадей Петербурга)

ЮРКОВА ЗОЯ ВЛАДИМИРОВНА —
кандидат архитектуры,
автор статей об архитектуре Петербурга,
книги «Сенная площадь»

AUTHOR: YURKOVA Z. V.
“MAUDUIT INVENIT. 1816”

The article reports on an unknown project of the central squares in St. Petersburg, designed by architect Mauduit during the reign of Alexander I and the use of the analogue — Royale project in Bordeaux architect Victor Louis in 1785.

Карл Росси — один из немногих архитекторов, кто был удостоен составления каталога работ [5]. Его издание было подготовлено к 200-летию со дня рождения архитектора К. И. Росси и издано в 1975 году. Вызывает удивление значительное количество внесённых в него анонимных работ. Причем, как правило, это планировочные чертежи. Почему они попали в каталог из вступительной статьи неясно. Обратимся к научным работам М. З. Тарановской. Исследовательница изучила ансамбль площади Островского, посвятив ему две диссертации, которые защитила в 1959 и в 1965 годах. [6, 7] При этом один из проектов, тот, что был утвержден императором, Тарановская атрибутировала французскому архитектору на русской службе, коллеге Росси по Комитету для строений и гидравлических работ Антуану Франсуа Модюи. Но чертеж, тем не менее, внесён составителями в каталог как проект Росси [5, С. 81. № 357]. М. З. Тарановская, утверждала, что опыт исследования одного ансамбля дает право «отказаться от традиционного анализа всего творчества зодчего и сосредоточить внимание на крупнейшем его произведении и крупнейшем ансамбле русского классицизма» [7, С. 6] и, таким образом, раскрыть законы построения остальных градостроительных композиций Росси [7, С. 7]. В 1980 году вышла из печати ее монография об архитекторе [8], в которой К. Росси представлен как автор всех петербургских градостроительных ансамблей первой трети XIX столетия.

Ранние планы как предварительного, так и осуществлённого варианта «правильной площади у Зимнего дворца» не имеют ни подписи, ни дат. Их временная «привязка» определяется исследователями по датам изготовления чертежной бумаги — 1816, 1818 годами [5, С. 60, № 181, № 188]. Единственный известный подписной планировочный чертёж Росси периода проектирования и строительства на Дворцовой площади — это «Генплан с показанием частей, выстроенных в 1820–1824 гг., строящихся в 1825–1826 гг. и проектировавшихся на будущее» [5, С. 61, № 195]. Чертёж датирован самим Росси 1825 годом и является одновременно фиксационным и проектным — то есть к этому времени

здания Министерств иностранных дел и финансов и соединяющая их с Главным штабом арка уже были построены. Более того, в это время была сделана литография для серии видов Петербурга, выпущенных в издательстве Плюшара (1820–1830). На ней в привычном для нас виде изображены два симметричных здания, соединённые аркой. Но над аркой нет известной колесницы. В другом варианте того же издателя над аркой установлен щит, который поддерживают две женские фигуры в окружении знамен. То есть к тому времени была возведена конструктивная коробка из несущих и ограждающих стен, оштукатурены и отделаны фасады, но не решено завершение арки.

В Описи дел Комитета для строений и гидравлических работ регистрационной записью за 1816 год зафиксировано поступление на рассмотрение проектов архитектора Модюи на урегулирование Дворцовой, Сенатской и Исаакиевской площадей и проекта Исаакиевского собора [1. Л. 1].

Начальник канцелярии Комитета для строений и гидравлических работ Ф. Ф. Вигель в своих воспоминаниях записал, что осуществление проекта реконструкции Дворцовой площади «последовало немедленно после моего отъезда» — весной 1818 года мемуарист отправился в Париж. Далее он сообщал о «Ланском доме и <...> целом ряде жилых домов», которые предназначалось скупить и «слопать их, и на их месте в виде неправильного полукружия построить те бесконечные здания, в коих помещаются ныне главный штаб и два министерства — иностранных дел и финансов» [3, С. 1009–1010]. Таким образом, все формальности были соблюдены, и был утвержден проект «в виде неправильного полукружия».

В 1819 году была создана Комиссия для устройства «правильной площади против Зимнего дворца». Карл Росси не был включен в ее состав. Он вошел в Комиссию только 3 января 1820 года. В начале лета, 12 июня состоялась закладка здания — к этому времени обычно оттаивает грунт, глубина промерзания которого в Петербурге составляет 1,5–1,7 м, и можно начинать строить фундамент. К моменту

создания Комиссии по строительству должен быть утвержденный проект. Чтобы выпустить указ о начале строительства, надо было выделить из казны финансы не только на его осуществление, но в первую очередь на выкуп домов и их разборку, а для того, чтобы покупать и ломать, надо было получить согласие владельцев. Эти действия могли производиться только при наличии утвержденного проекта. Вывод следующий: на К. Росси была возложена задача возведения зданий, а чертежи с его подписью указывают на доработку и корректировку проекта в процессе строительства — работу «с листа» во время строительства.

По всей вероятности, Вигель считал началом реконструкции именно скупку домов и их слом. Оценка и выкуп домов заняли не один год — это уже были не петровские времена, когда только что отстроившегося хозяина можно было согнать с места, не заплатив ему ни копейки.

Все доказательства авторства А. Ф. Модюи были собраны и скрупулезно проанализированы, все доступные материалы были сопоставлены между собой, и они неопровержимо указывали на А. Модюи, как на автора [9]. Тем не менее, оставалось сознание уязвимости версии, которая так и оставалась версией. Неожиданно был обнаружен подписной проект А. Ф. Модюи (ил. 3, стр. 50–51). Он возник из поиска чертежа, на который ссылался П. Н. Никитин, автор первой монографии о Монферране (1939). Он говорил о том, что А. Ф. Модюи создал проект Исаакиевской площади, которым воспользовался Монферран [4, С. 254]. Проект находится в Научно-технической библиотеке Санкт-Петербургского Государственного университета путей сообщения (СПб ГУПС). Н. П. Никитин видел его в 1930-х годах, когда писал монографию. Упомянув фрагмент проекта, он ни словом не обмолвился о том, что еще на нем изображено, вероятно, считая это не относящимся к его теме. Чертеж представляет собой генплан всей анфилады центральных площадей [2]. В правом нижнем углу листа имеется надпись на французском языке «Mauduit invenit. 1816», дословно — «Модюи изобрел. 1816». Чертеж, вероятно, является авторской копией проекта, который был утвержден Александром в 1816 году и публикуется впервые.

Из текста записки в верхнем поле чертежа следует, что он содержит дополнения к проекту 1816 года, и вновь представлен на Высочайшее рассмотрение 17 июля 1817 года. Дополнения представляют только вариант исправления формы Исаакиевской площади, а точнее, её восточной границы. Существующая застройка показана серым цветом, черным Зимний дворец и дворцовые постройки, Адмиралтейство и достройки — розовым.

Абрис широко распахнутых крыльев площади в подробностях соответствует существующей сегодня параболической линии Дворцовой площади. В вершине гигантской параболы однопролетный проезд, направление которого с изломом изменяется в соответствии с изломом Большой Морской улицы. Исаакиевская площадь, представляет почти правильный прямоугольник вокруг Исаакиевского собора. К востоку от него размещено здание, которое спустя год будет проектировать Монферран для князей Лобановых-Ростовских. С южной стороны собора острый угол площади заполнен строением, пятно которого Монферран превратит потом в сквер.

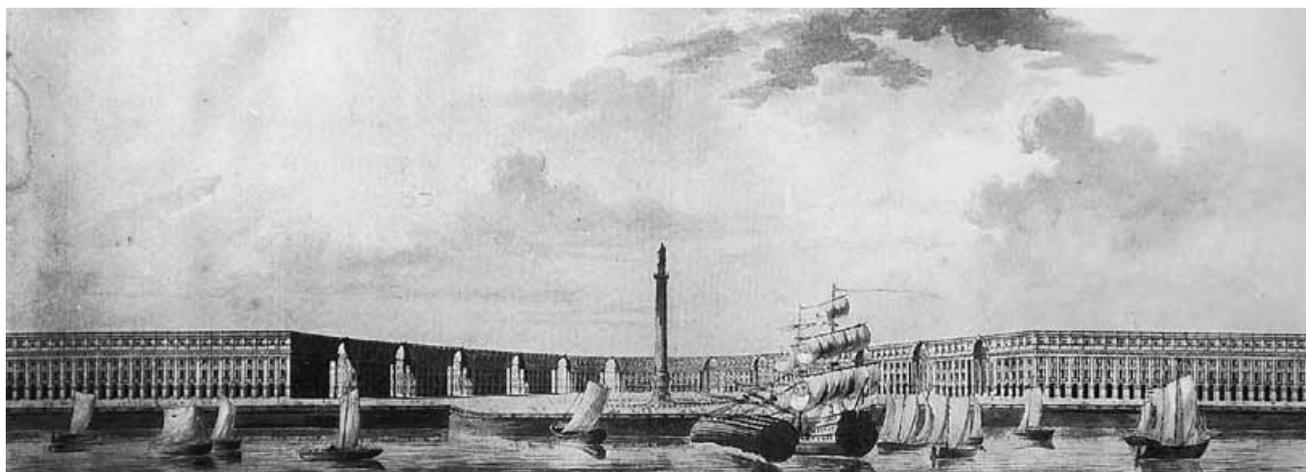
На этом же генплане вычерчен план нового Исаакиевского собора, проект которого также предлагал А. Модюи: черным изображены стены старого собора, красным новые.

Чертеж вместе с письмами, касающимися строительства Исаакиевского собора, был обнаружен среди бумаг в кабинете Александра I в Царскосельском дворце в 1826 году специальной Комиссией после его кончины. Член комиссии инженер-генерал К. И. Опперман¹ отправил бумаги в Институт Корпуса инженеров путей сообщения, где они хранятся сейчас в фондах Научно-технической библиотеки в деле Комиссии о построении Исаакиевского собора [2].

Как и подавляющее число творений человеческих, проект имеет аналог. Источник, послуживший толчком к созданию

¹ Опперман К. И. был назначен членом Комиссии по построению Исаакиевского собора в 1824 году.

Ил. 1. В. Луи. Проект Королевской площади (площади Людовика XVI) в Бордо. 1785

Ил. 2. Арка Главного штаба.
Из серии видов Петербурга. Изд. А. И. Плюшар. 1822–1826

проекта Дворцовой площади, обнаруживается у французского архитектора Виктора Луи (Victor Luis), с творчеством которого, очевидно, был хорошо знаком Модюи. Это проект Королевской площади в Бордо с дворцом Людовика XVI, (1785)². [10. Р. 230]

Сходство поразительное. Широко распахнутое к реке Гароне здание образует площадь, в центре которой стоит колонна, которая удивительно похожа на Александрийский столп.

При более пристальном рассмотрении проекта Королевской площади, безусловно, становятся заметными различия. Она имеет колоссальную глубину, но это не бросается в глаза при взгляде на проект В. Луи. Огромные остекленные арки, прорезающие фасад, отсутствие центрального проема, оформление фасада полуколоннами – все эти детали значительно отличаются от знакомого нам оформления петербургской Дворцовой площади. Но изображение во фронте, пропорциональные соотношения высоты колонны в центре проекции здания и его широко раскрытых крыльев вызывает однозначную ассоциацию с Дворцовой площадью в Петербурге.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

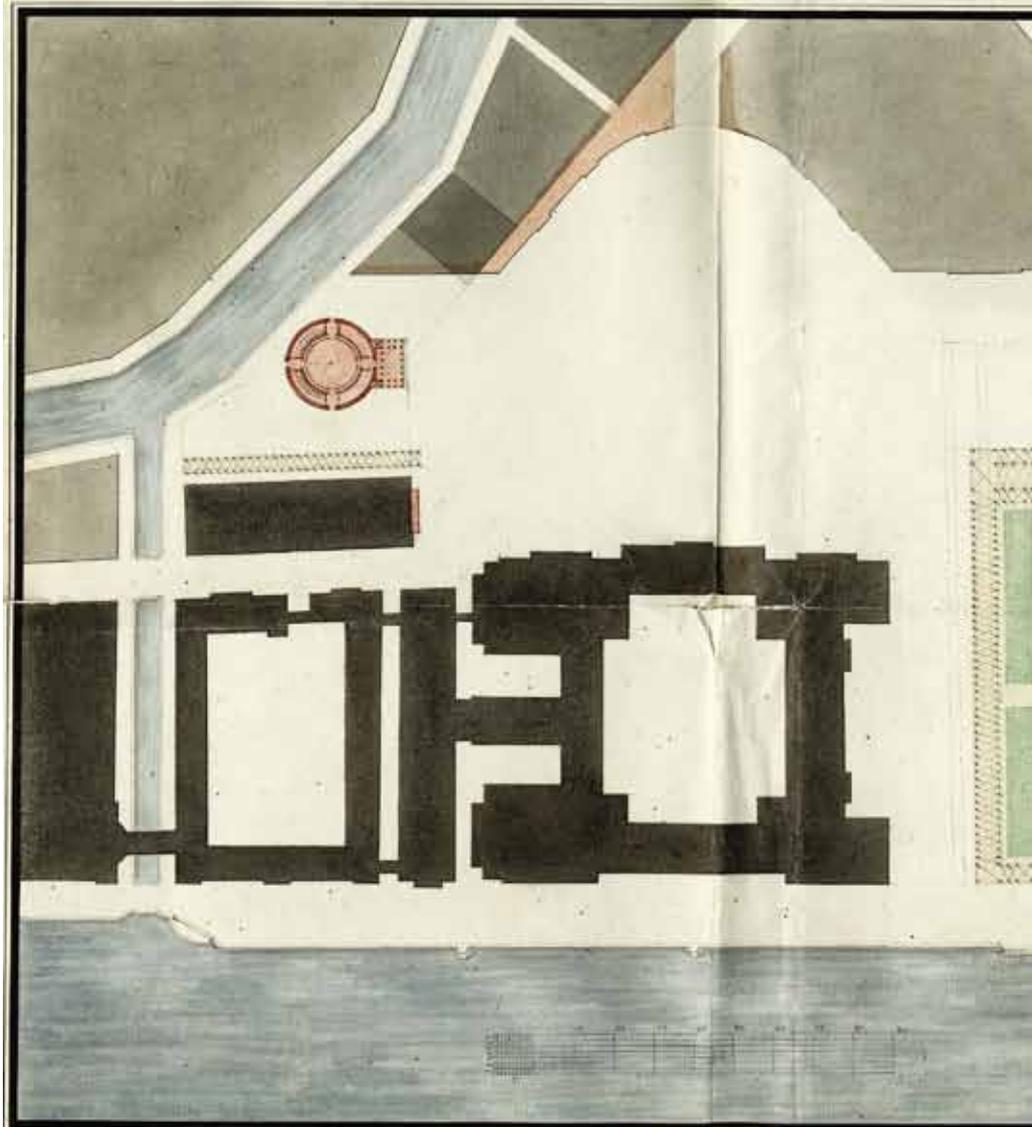
1. ЦГИА СПб. Ф. 1133. Д. 1844. Описание дел Комитета для строений и гидравлических работ 1818–1843.
2. НТБ СПб ГУПС. 15970. Дело Комиссии о построении Исаакиевского собора № 13. По отношениям члена комиссии инженер-генерала Оппермана, с препровождением бумаг о строении Исаакиевского собора, найденных в Кабинете Императора Александра I. 5 ч. СПб. Ч. 5. Копия с одного из планов урегулирования Исаакиевской площади, поданных в 1816 г. Е. И. В. Александру I через С.-Петербургский Комитет строений и гидравлических работ.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. в 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 2.
4. Никитин, Н. П. Монферран. Л.: ЛО Союза советских архитекторов, 1939.
5. Никулина, Н. И., Ефимова Н. Г. Карл Иванович Росси. 1775–1849. Каталог архитектурных чертежей и проектов предметов прикладного искусства под общ. ред. Н. И. Никулиной. — [Л.]: Искусство ЛО, 1975.
6. Тарановская, М. З. Ансамбль площади Островского: дисс. ... канд. арх. — Л., 1959; Ансамбль площади Островского, улицы Зодчего Росси и площади Ломоносова в Ленинграде: дисс. ... докт. арх. Л., 1965.
7. Тарановская, М. З. Ансамбль площади Островского, улицы Зодчего Росси и площади Ломоносова в Ленинграде: автореф. дисс. ... докт. арх. Л., 1965.
8. Тарановская, М. З. Карл Росси. Архитектор. Художник. Градостроитель. Л.: Стройиздат ЛО, 1980.
9. Юркова З. В. Процесс формирования архитектурно-планировочной структуры Санкт-Петербурга первой трети XIX века (на примере творчества А. А. Модюи): дисс. ... канд. арх. СПб. 2009.
10. Kalnein, Wend von, 1914 — Architecture in France in eighteenth century. Yale University Press Pelican History of art. Copyright. 1972, 1995.

² Проект выполнялся по заказу Филиппа Эгалите (герцог Шартрский), но не был реализован.

Copie d'un des Plans soumis en 1816 à S.M.L'E

Extrait de l'écrit joint au dit Plan. — Le Plan présente une suite d'avantages qu'on ne pourra presque en entier, l'Eglise d'Isaac, et cette Eglise feroit mieux servir à la place du Sénat la route, selon un coté, que le cinquiesme de ce qu'il pourra coûter si l'axe est changé et seroit susceptible d'être effectuée hors de l'axe plan. &c. &c. (Date du 17 Juillet 1816.)

Extrait d'un autre Ecrit composé à la demande de M. le Cte de Goussier, au nom de l'Empereur le 1817. — L'Eglise d'Isaac achevée en remplaçant les détails usqu'à le mauvais goût, beaux temples antiques, doit à mon avis, former le fond de la place du Sénat régularisée. Si on change l'axe ou 5 millions de plus que se ont travaillé, sur l'axe actuel, et qu'il faudra au moins huit ans pour achever les paves pour donner le centre de l'Eglise, il conviendrait donc de la démanteler, de reformer deux travées semblables à la travée a, opération immense, si l'on considère qu'on sera nécessairement obligé de faire tout en largeur et hauteur, et par conséquent avec les anciennes. Si au contraire on conserve l'axe, ce qui pour donner à l'Eglise des dimensions laquelle on devra la voir de l'autre côté de la rivière, on ajoute les masses indiquées par les lettres d, la place de nos en effet beaucoup plus facile, beaucoup moins coûteuse et plus heureuse d'arriver à une la des position des maisons voisines de l'Eglise, qu'en changeant l'axe de cette Eglise. Je dis plus heureux, car si l'on garde-muble de Paris, cette façade ayant un caractère monumental, demande à être répétée, or on peut trois maisons A, B, C, les terrains en avant de leur propriété, à la charge de s'entendre pour ajouter et former ensemble, vers la place, qu'une façade semblable située à l'Est de l'Eglise, et qu'on bien même e seroit bien dédommagé par les millions de moins que coûteroit l'Eglise, et par le vast espace de terre dans

Ил. 3. А. Ф. Модюи.
Проект перепланировки
центральных площадей Петербурга, 1816
(с дополнениями 1817 года).
Публикуется впервые

EMPEREUR ALEXANDRE I. par le Comité des Bâtimens de Pétersbourg.

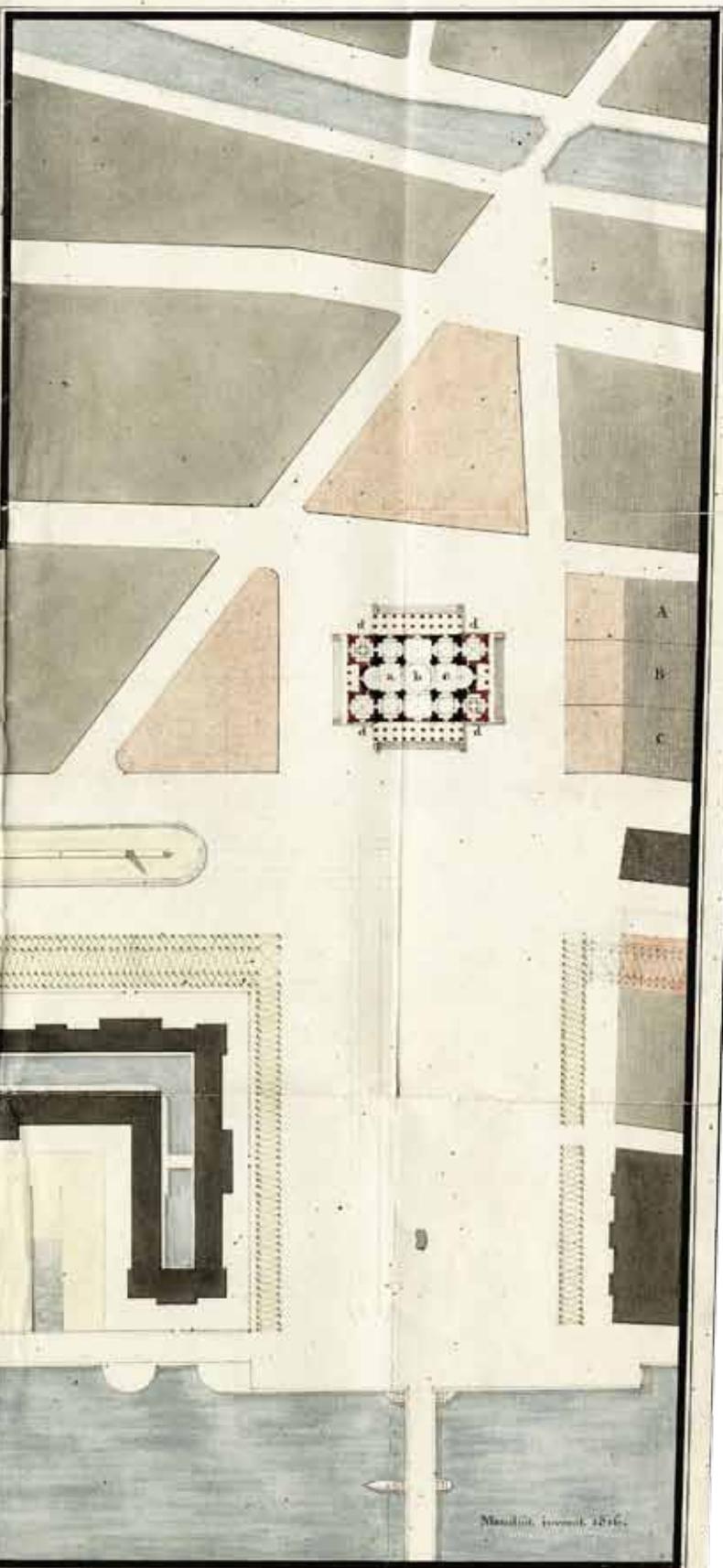
11

it tenues, dont le plan N° 2 bis, etc. disposition permet de conserver
 si, qu'il auroient de sous-sol. L'achèvement de cette Eglise ne
 dans l'insuffisance de l'édifice que l'excécution, & à coup moins

ereur, et qui dut être donné à Sa Majesté vers la fin de
 précédens ornés ses façades, par des détails colossaux imités de
 de l'Eglise, & d'is que son achèvement coûtera au moins
 et cette Eglise, voici mes raisons: la travée n'est pas haute assez
 blés à celles du centre actuel, & d'une autre travée pareille à
 que demandera des précautions infinies, par la difficulté de lever les
 plus heureux et plus proportionnés à l'énorme distance de
 que totalité de l'Eglise est conservée.

ularisation à peu près complète de ce quartier, en échangeant
 donné à la maison Sabanof une façade semblable à celle de
 obtenir cet avantage, en abandonnant aux propriétaires des
 chaques un nouveau corps de bâtiment à leur maison, sur
 M. donneroit jusqu'à deux mille roubles à chacun, Elle en
 le quel les travaux pourroient être terminés. &c. &c. &c.

Requis à S. Ex. M^{te} le Cte de Gourouff le 10 août 1817.

Musée, inv. n° 1216.

Въ семъ томѣ изображены планы
 и сѣченія зданія, въ которомъ
 находится реликвія.

Грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова. Опыт реставрации уникального рукописного документа 17 в.

(место хранения — Российская государственная библиотека,
ф. 928,3; реставратор Фролова Е. Е.)

ФРОЛОВА
ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА —
старший научный сотрудник,
реставратор отдела
средневековых рукописей,
и. о. зав. отделом рукописей
ГосНИИР

Утвержденная соборная грамота 1613 года об избрании на царство Михаила Федоровича Романова — это учредительный документ, подписанный представителями ряда сословий, который сопровождал избрание на престол династии, правившей в России более 300 лет. Известны два её экземпляра. Один хранится в фондах Государственного историко-культурного заповедника Московский Кремль, а второй в фондах отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Кремлевский экземпляр меньшей площади, сохранился гораздо хуже и был отреставрирован в 1990-е годы. Документ из фондов Российской государственной библиотеки до поступления в реставрацию сохранилась в виде свитка, с оригинальными шелковыми шнурами и печатями.

Процесс реставрации грамоты можно разделить на два основных этапа. На первом необходимо было определить её размер и диагностировать состояние сохранности. Для

AUTHOR: FROLOVA E. E
**“THE CERTIFICATE ON THE ELECTION OF MIKHAIL
ROMANOV”**

An article about restoration of the certificate “On election of Mikhail Romanov”. The Experience of restoration of a unique handwritten document from the 17th century ”.

The document from the Russian State Library before restoration was preserved in the form of a scroll, with original silk cords and seals. Its size and state of preservation have been identified. After the restoration a new method of reservation has been put in place and it was returned to the library.

определения границ реставрационного вмешательства было проведено визуальное обследование лицевой и оборотной сторон, после чего сделано заключение о состоянии бумажной основы, чернил, золота, пергаментной кустодии, шелковых шнуров, печатей, реставрационной ткани и выбрана методика их реставрации. Второй этап — процесс реставрации. В его завершение был выбран способ хранения грамоты после возвращения в фонды библиотеки.

В 1904 году, в связи с празднованием 300-летнего юбилея дома Романовых, вышло в свет факсимильное издание обоих вариантов с предисловием С. А. Белокурова, где каждый сегмент воспроизведен в полную величину. А в 1906 году текстовая часть была переиздана, но в меньшем формате¹. Факсимильное издание грамоты 1904 г. с подробным описанием бумажной основы, качества чернил, способа подклейки частей в свиток и состояния сохранности печатей, сделанное более ста лет назад (и приведенное в предисловии к изданию 1906г.), позволило проанализировать динамику изменения состояния сохранности бумаги, чернил, золота, кустодии, шнуров и печатей документа, пережившего потрясения прошлого столетия.

По окончании визуального исследования сохранности основы и текста памятника, а также сопоставления полученных результатов с описаниями начала 20-го века было составлено заключение. Смысл его состоял в том, что во избежание дальнейшего нарушения целостности документа и создания условий, позволяющих исследователям работать с оригинальным экземпляром «Утвержденной соборной грамоты...» 1613 г., находящимся в фондах Российской Государственной Библиотеки, можно рекомендовать проведение реставрации. Целью реставрационных работ должно быть укрепление бумажной основы, золота и печатей.

До реставрации ширина свитка в среднем была 51 сантиметр, длина около 408 сантиметров. Из-за обилия жестких складок точнее определить размеры было невозможно. В начале 20 века данная грамота хранилась в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Государственное Древлехранилище). На тот период Белокуров С. А. писал: «Архивский экземпляр имеет в длину 5 аршин 131/4 вершков», что соответствует приблизительно

414 сантиметрам. «Грамота, представляя из себя длинную (почти в 6 аршин) полосу бумаги, свернутую в трубку. ... При ширине 1114/16 и 1110/16 (последние три листа вершков»², то есть 52,8 см и 49,5 см.

Текст грамоты написан железо-галловыми чернилами на плотной, хорошо проклеенной вержированной бумаге, так называемой «александрийской», что подразумевает высокое качество бумажной основы, использовавшейся в канцелярии Российской Империи для особо значительных государственных бумаг. До настоящего времени грамота сохранила форму свитка только благодаря подклейке на тонкую ткань. Полностью её обратная сторона была покрыта тканью только на одну треть свитка. Но края были законвертированы в тканевые полоски полностью. Все жесткие и слегка надорванные горизонтальные перегибы были также зафиксированы полосками тонкой прозрачной ткани. При поступлении в реставрацию, горизонтальные разрывы бумаги, возникшие на месте старых перегибов, имели настолько жесткие края, что они прорвали дублировку, и части грамоты в этих местах соединяла только ткань, приклеенная по краям свитка с лицевой стороны.

В некоторых местах локальное укрепление грамоты бумагой, вероятно, было проведено уже после 1904 года, то есть после факсимильного воспроизведения документа к 300-летию юбилею дома Романовых. Время подклейки тканью можно идентифицировать достаточно точно. Так, в предисловии ко второму изданию Белокуров С. А. отметил: «Этот экземпляр грамоты, в общем, сохранился хорошо и несравненно гораздо лучше, чем второй, бумага ее крепкая и свежая, не полусгнившая, как во втором, только первый лист более поврежден, чем другие, и потому он весь наклеен на марлю для сохранности, у остальных же листов местами наклеены полоски марли в тех случаях, когда лист разорвался вдоль. Для большей сохранности во всю длину грамоты обе стороны ее оклеены узенькой тесьмой из марли»³. А в подстрочнике исследователь отметил, что данная реставрация была проведена в течение 12 дней в 1876 году, когда грамота находилась в Государственном Древлехранилище. Реставрацией данный ремонт назвать трудно хотя бы потому, что не были выдержаны минимальные сроки стабилизации использованного клея⁴.

При поступлении на реставрацию, грамота была развернута полностью (ил. 1–3). В таком положении бумага и технология написания текста последовательно изучались под лупой двукратного увеличения и под микроскопом. При направлении косых лучей холодного искусственного света на лицевую сторону грамоты стало очевидно, что в области золотой раскраски (на всех без исключения участках) есть какое-то покрытие, нанесенное кистью. Однако было трудно определить лежит ли оно на поверхности, то есть является укрепляющим составом или это полимент под золото. На титульном же листе (под микроскопом) были видны мелкие частицы охристого оттенка,

Ил. 1. Лицевая и оборотная стороны грамоты при поступлении в реставрацию

а в отдельных местах белила. В лаборатории физико-химических исследований ГосНИИР были проведены микроскопические исследования данных участков и взяты пробы. В результате были сделаны следующие выводы. «Белая краска на золотом орнаменте — свинцовые белила. Наличие полимента под золото. В качестве наполнителя желтого полимента была использована смесь желтой охры и каолина (полосы поглощения 3692, 3652, 3620, 1026 и 909 см⁻¹). Полосы поглощения 1645 и 1540 (в виде плеча) см⁻¹ относятся к связующему полимента — белку (то есть связующее клеевое)». (Приложение 1). Полученные выводы подтвердили предположение о том, что утраты золота произошли из-за механического воздействия. В целом же, появилась надежда, что связь золота с бумажной основой можно укрепить в процессе общего увлажнения, когда происходит частичная реанимация проклейки бумажной основы и составляющих полимента.

Перед началом реставрации, были взяты пробы клея, на котором держалась ткань. Исследования методом ИК-спектроскопии и методом микрохимического качественного анализа показали, что основу старого реставрационного клея составляет крахмал. (Приложение 2). Однако в некоторых местах клеевой слой имел интенсивно желтый цвет, что указывало на присутствие в клее составляющей глютинового происхождения. Большая вероятность, что брался крахмальный клей высокой концентрации. Именно это определило появление жесткости в области горизонтальных перегибов.

Предварительное исследование текста грамоты под микроскопом и при подсветке ультрафиолетом, а также сопоставление отдельных фрагментов текста с его факсимильным воспроизведением начала 20-го века, дали возможность предположить, что состояние железо-галловых чернил и бумажной основы относительно стабильны. Белокуров С. А. отметил, что написана «вся грамота чернилами, имеющими в настоящее время рыжеватый цвет; в начале... и в тексте некоторые слова и буквы писаны золотом.... Заставки сделаны исключительно одним золотом,

без каких либо красок.... Подписи все...сделаны...разными чернилами»⁵. Изучение состояния золота под лупой с параллельным сравнением отдельных участков рукописного экземпляра и факсимильного его воспроизведения 1904 года, показали, что основные утраты существовали уже к моменту фотофиксации, то есть до начала 20 века.

Следует отметить, что даже состояние сохранности крепления печатей и самих печатей изменилось незначительно. В начале 20-го века Белокуров С. А. отметил: «В конце грамоты для привешенных печатей имеются обычные зубчатые вырезки из пергамина, через которые продеты шнуры печатей, при чём шнуры расположены так, что они изображают или букву М, или А или Е, смотря по тому, какой печати шнур — митрополичьей, архиепископской или епископской. В зависимости также от последнего обстоятельства и шнур того или другого цвета. Всего к грамоте привешено более 10 печатей, из коих три митрополичьих — на красных, четыре архиепископских — на лазоревых и три епископских — темно коричневых шелковых шнурках из красного (митрополичьи) и темного воска с синеватым (архиепископские) и коричневатым (епископские) отливом. Из митрополичьих печатей вполне сохранилась — митр. Ионы; недостаёт куска у печати митр. Кирилла и одной половины у печати митр. Ефрема. Архиепископские печати сохранились хорошо; небольшие повреждения только у 1-й и 4-й. Первая епископская печать вполне сохранилась; у второй нет половины; от третьей ничего не осталось (нет даже её следа)»⁶. К моменту начала реставрации пергаментные кустодии деформировались сильно. Они потеряли безупречную ровность — некоторые концы немного загнуты, добавилось незначительное количество осыпей на печатях. Состояние золота было еще хуже. Из-за многочисленных повреждений бумаги, повлекших невозможность полного распрямления свитка, связь слоя золота с основой ослабла, что повлекло за собой появление большого количества новых осыпей.

Основная часть реставрации состояла из следующих процессов, которые велись, как параллельно, так и пооче-

Ил. 2. Нижняя часть грамоты на начало реставрации. Лицо

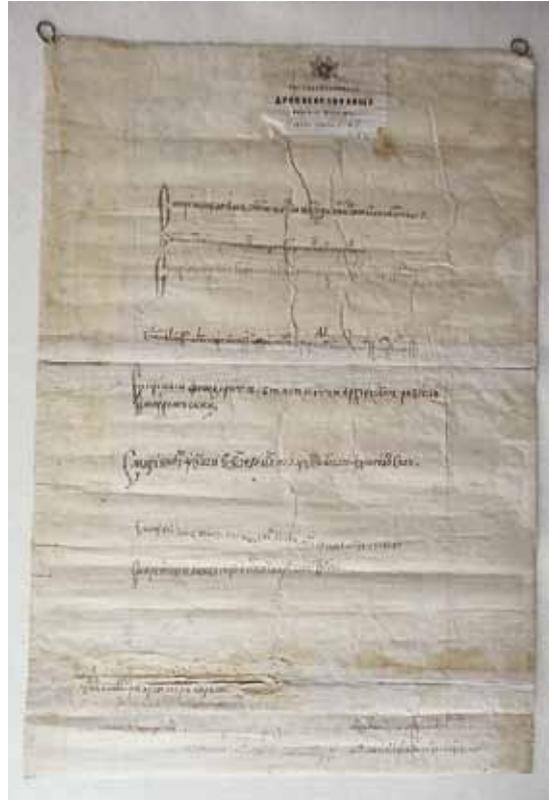

Ил. 3. Нижняя часть грамоты на начало реставрации. Оборот.

Ил. 4. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Лицо

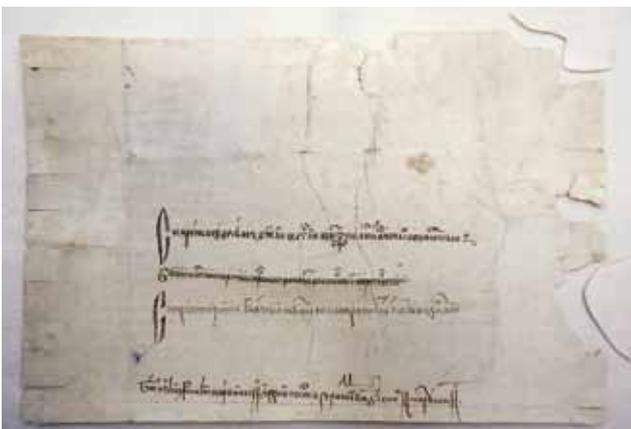
Ил. 5. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Оборот

Ил. 6. Фрагмент после промывки и распрямления

Ил. 7. Фрагмент после промывки и распрямления

Ил. 8. Фрагмент после промывки и распрямления

Ил. 9. Фрагмент после промывки и распрямления

Ил. 10. Печать до укрепления

Ил. 11. Печать после укрепления

редно: 1) предварительная очистка поверхностных загрязнений; 2) демонтаж свитка; снятие старой реставрационной ткани; 3) ослабление глубоких загрязнений в процессе промывки; 4) распрямление фрагментов в прессе; 5) восполнение утрат, подклейка разрывов и сломов; 6) соединение мелких фрагментов в основные сегменты грамоты; 7) очистка шелковых шнуров от поверхностных загрязнений и возможное восстановление их скрутки; 8) укрепление печатей; 9) конвертирование наиболее деформированных шнуров; 10) изготовление папок для архивного хранения.

Первоначальная очистка поверхностных загрязнений проводилась по всей поверхности свитка мягкими флейцами, марлевыми и ватными дисками, реставрационным пылесосом слабой мощности. Демонтаж свитка проводился в несколько этапов. Первоначально разъединялись только те фрагменты, которые были соединены тонкими, рвущимися нитями дублировочной ткани — нити разрезались скальпелем (ил. 4–5).

Снятие ткани проводилось с использованием метода локального увлажнения поверхности грамоты марлей, предварительно смоченной в горячей дистиллированной воде и хорошо отжатой. Во время раздублирования грамота находилась на сухом сукне, которое периодически заменялось по мере намокания. От применения метода отдаленного увлажнения пришлось отказаться из-за длительности намокания бумажной основы, а, следовательно, угрозы нарушения стабильности состояния железо-галловых чернил. После снятия ткани с оборотной стороны и с кромок большая часть свитка распалась на фрагменты. Завершился процесс демонтажа в ходе промывки. Случай с утвержденной грамотой осложнялся присутствием текста, как с лицевой, так и с оборотной стороны. Показания pH в области с текста колебались от 4,9 до 5,4. Пробы железо-галловых чернил и золота на устойчивость к влажной обработке дали положительный результат. Измерение pH бумаги в зонах свободных от текста показывало значения от 5,2 до 5,6. Пробы бумаги на сгиб показали частичную утрату ее эластичности. По итогам проведенных исследований было принято решение ослабить глубокие загрязнения бумажной основы, повысить ее эластичность, снять старые реставрационные заклейки и одновременно снять

излишки старого реставрационного клея при помощи промывки сегментов грамоты в композитном растворе, состоящем из горячей дистиллированной воды и этилового спирта (3 части воды и 1 спирт). Первая пробная промывка небольшого фрагмента грамоты дала положительный результат. После этого таким способом были обработаны остальные части (ил. 6–9). Исключение составляет сегмент грамоты с кустодиями и печатями. После промывки проводилось тщательное изучение фрагментов под микроскопом, которое подтвердило стабильное состояние текста и укрепление связи золота с бумажной основой после распрямления в прессе между сукнами. Измерение pH на завершающей стадии реставрации показало: 6–6,5 в области текста, 6,5–6,7 в области свободной от текста. В целом, бумажная основа памятника приобрела большую эластичность и устойчивость к механическим воздействиям на структуру ее поверхности. После промывки все фрагменты выдерживались в прессе в сукнах и в фильтровальной бумаге в течение двух месяцев. В этот период проводились наблюдения за динамикой цвета и pH бумажной основы. Стабильность показателей подтвердила правильность выбранной методики.

Восполнение утрат, подклейка разрывов, укрепление сломов проводились только при помощи кратковременного локального увлажнения бумажной основы. Выравнивание фактуры и мастиховка разрывов проводились с использованием только сухой бумажной пульпы, предварительно подготовленной из реставрационной бумаги и слегка отпрессованной. В течение всего реставрационного процесса применялся только клей, сваренный из пшеничного реставрационного крахмала.

Консервация и реставрация нижней части свитка грамоты требовала разработки методики, учитывающей специфику реставрации бумаги, пергамента (кустодия), шелковых шнуров и печатей из тонированного воска. Бумажная полоса была обеспылена всухую традиционным способом. Укрепление печатей проводилось 3–5% спиртовым раствором поливинилбутирала (ПВБ) традиционным способом. (ил. 10–11). Укрепление проводилось под микроскопом, многократно. Раствор подводился в трещины тонкой кистью, после чего на печать накладывались фторопластовая пленка, мешочек с песком и легкий груз. Стабильность со-

стояния укрепленных швов проверялась иглой и фторопластовым шпателем. Укрепление проводилось в течение трех месяцев.

Шелковые шнуры имели разную степень сохранности. Лучше всего сохранились синие шнуры с архиепископскими печатями. Немного хуже красные с митрополичьими. Очень плохо коричневые, отдельные нити которых практически рассыпались. Из всех трех типов шнуров были взяты микро пробы для определения красителей. Исследования проводились методом поляризационной микроскопии и микрохимического качественного анализа. К сожалению, только один краситель удалось идентифицировать данными способами — индиго. (Приложение). Для того чтобы предположить причины динамики разрушения коричневых шнуров, коричневые волокна были замочены в теплой дистиллированной воде, а затем индикаторная полоска прикладывалась к разбухшим волокнам и параллельно капля использованной воды помещалась еще на одну бумажную индикаторную полоску. В обоих случаях виден был положительный результат, указывающий на присутствие железа.

Известно, что железные протравы очень часто употребляли и употребляют по настоящее время для окраски шерсти и реже шёлка. А «протравные красители, органические красители, отличаются способностью образовывать на волокне нерастворимые комплексы при взаимодействии с вспомогательными веществами крашения — про-

Ил. 12. Сегмент с печатями после реставрации

Ил. 13. Снятие тканевой кромки и реставрационного клея под кустодией

травами, содержащими ионы тяжёлых металлов»⁷. Можно предположить, что подобный состав красителя коричневых епископских шнуров определил степень его разрушения во времени. После анализа полученных результатов было принято решение законвертировать наиболее разрушенные шнуры в газ традиционным методом закрепления ткани на реставрируемом объекте при помощи нитей, вытянутых из газовой ткани (ил. 12).

После укрепления печатей и шелковых шнуров проводилась поэтапная реставрация нижней полосы грамоты, состоящей из бумажной основы с двусторонним текстом и пергаментной кустодии, завитки которой были с одной стороны приклеены на бумагу клеем с глютиновой составляющей. При этом подклейка была проведена уже после укрепления края тканевой полосой, то есть не являлась оригинальной. Было принято решение расклеить этот слой, приподнять резцы кустодии, снять старый клей (ил. 13), очистить бумагу, затем распрямить насколько возможно складки, восполнить утраты и укрепить реставрационной бумагой бумажную основу данного фрагмента (ил. 14). Реставрация проводилась поэтапно, в течение месяца после расклейки пергамент и бумага слегка увлажнились и распрямлялись под местным грузом.

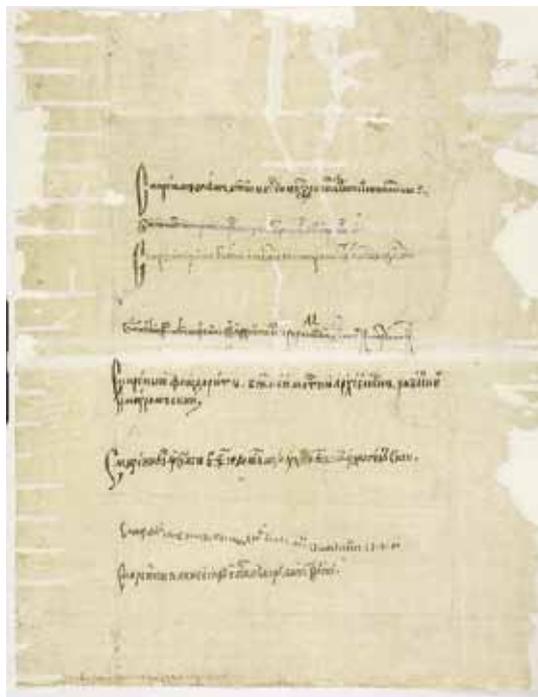
Трудно было принять решение о способе дальнейшего хранения грамоты, то есть монтаже отреставрированных сегментов в свиток или хранении отдельных фрагментов в общей папке. После многочисленных консультаций

Ил. 14. Сегмент с печатями после подклейки и распрямления

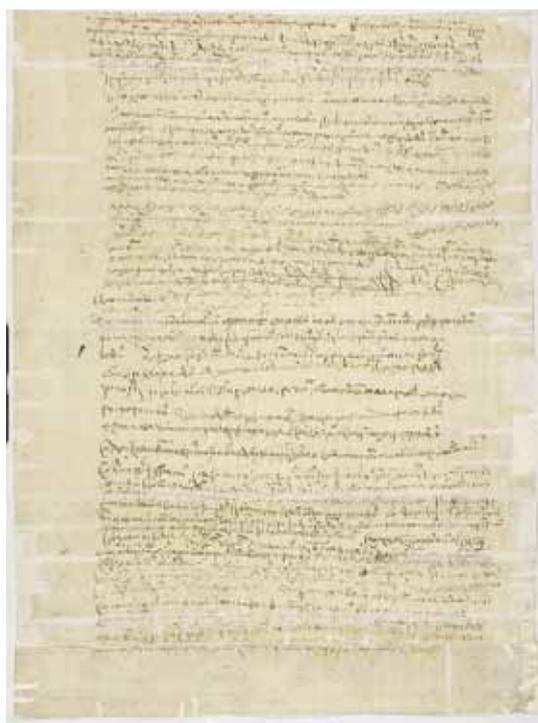
Ил. 15. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Лицо

Ил. 16. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Оборот

Ил. 17. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Лицо

Ил. 18. Верхний сегмент грамоты перед снятием ткани. Оборот

с хранителями, исследователями и реставраторами было принято решение об отказе склеивать грамоту в свиток. Количество и границы сегментов были определены на основании описания Утвержденной грамоты, сделанного Белокуровым С. А. в начале 20-го века, и границ склеек, которые дошли до нашего времени.

В издании 1904 года грамота воспроизведена полистно, с двух сторон. «Императорское Общество Истории

и Древностей Российских» решило издать к столетию своего существования 18 марта 1904 года точное воспроизведение этого важного государственного акта посредством фототипии с присоединением печатного варианта текста. А «в виду несравненно лучшей сохранности экземпляра грамоты, находящегося ныне в Московском Архиве Министерства Иностранных Дел, издать точную копию с него... Признано было наиболее целесообразным издать

Илл. 19. Сегмент с печатями, помещенный на сукно в папку для хранения

ее семью отдельными листами не произвольной величины, а той именно, какую каждый лист имеет в оригинале (от склейки до склейки), причем второй и третий листы помещены вместе на одном листе, потому что... третий лист есть не что иное, как новый конец 2-го листа... При фотографировании преследовалась цель — сделать снимки в точном размере с оригинала. При воспроизведении оборотной стороны... сделано отступление в том отношении, что некоторые снимки, имеющие подписи по склейкам, не разделены по последним, чтобы не портить подписей, а захватывают незначительную часть следующего листа»⁸.

После окончательного решения, утвержденного реставрационным советом, грамоту было решено оставить в виде семи отдельных сегментов. Шесть — текстовая часть и один — нижняя часть со шнурами и кустодией (ил. 15–19). Для хранения была разработана система папок с вкладышами (использовался только картон музейного качества). Для каждого сегмента была изготовлена папка из картона с бортиками, в которой лист с текстом размещается между двумя листами более тонкого картона, предполагающими возможность переворачивания, не травмирующего лист. Для сегмента с печатями была сделана

на папка с двумя разно уровневными вкладышами, выклеенными тонким сукном, амортизирующим сотрясение при переноске (ил. 20). Для всех семи папок (шесть больших с листами и одной с печатями) была изготовлена общая папка, предназначенная сохранять целостность всех частей документа (ил. 21).

Таким образом, методика реставрации данного уникального документа 17 века соединила анализ литературных источников, раскрывающих конструктивные особенности данного экземпляра Утвержденной грамоты и последовательное изучение всего спектра материалов, из которых состоит документ. При этом анализ известных методов реставрации рукописных памятников на бумажной и пергаментной основах, материалы и техника которых включают в себя железо-галловые чернила, золото, печати из тонированного воска и шёлковые шнуры позволил скорректировать методику ради достижения желаемого результата. Исчерпывающее определение специфики консервации и реставрации подобных памятников содержит монография С. А. Добрусинной и Е. С. Черниной. «Для проведения работ, — отмечают авторы, — необходимо владеть знаниями, касающимися материалов документа; а также уметь прогнозировать поведение документа после той или иной обработки, так как только в этом случае возможен правильный научно обоснованный выбор методов и материалов для консервации. Существует ряд пособий с указаниями по практической реставрации, но реставратор должен работать грамотно, с полным знанием возможного результата своих действий...»⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на московское государство Михаила Фёдоровича Романова с предисловием. М., 1906.
2. Указ. соч. С. 7.
3. Указ. соч. С. 7–8.
4. Указ. соч. С. 9.
5. Указ. соч. С. 7.
6. Указ. соч. С. 7–8.
7. Энциклопедический словарь. М., 1988. С. 1073
8. Белокуров С. А. Указ. соч. С. 19.
9. Добрусина С. А., Чернина Е. С. Консервация документов: наука и практика». СПб, 2013. С. 6–7.

Илл. 20. Вид папок с листами грамоты и с печатями

Илл. 21. Общая папка. Изготовление

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Утвержденная соборная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова (исследования проводились ст. науч. сотр. Кадиковой И. Ф. и зав. лабораторией Писаревой С. А.)

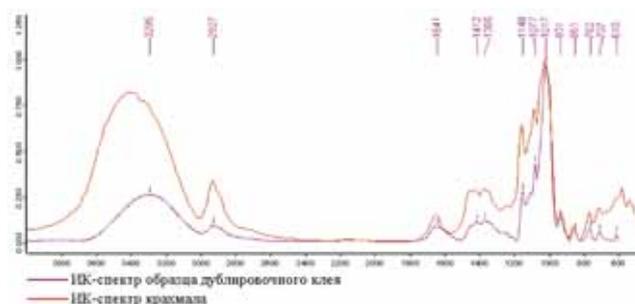

Белая краска на золотом орнаменте — свинцовые белила. Полимент под золочение

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Утвержденная соборная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова (исследования проводились ст. науч. сотр. Кадиковой И. Ф. и зав. лабораторией Писаревой С. А.) Исследование дублировочного клея методом ИК-спектроскопии

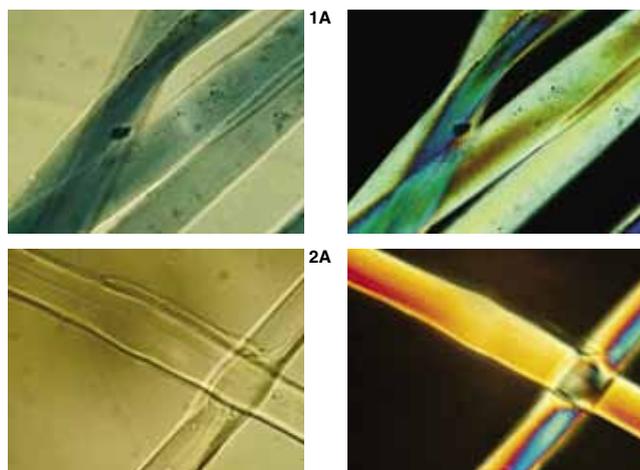

В ИК-спектре образца дублировочного клея присутствуют полосы поглощения 3295, 2927, 1641, 1148, 1077 и 1017 см⁻¹, наличие и структура которых характерны для **крахмала**.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

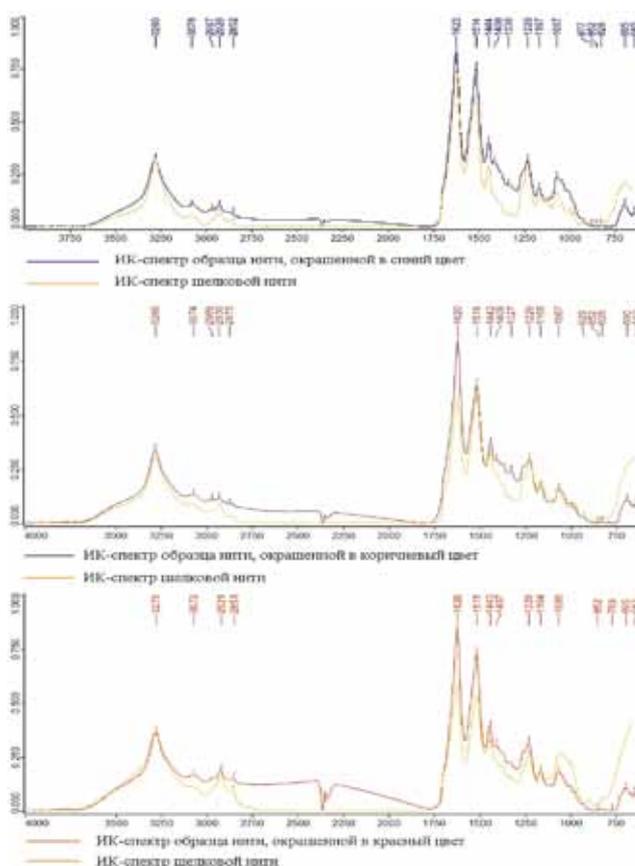
Утвержденная соборная грамота об избрании на царство Михаила Федоровича Романова (исследования проводились ст. науч. сотр. Кадиковой И. Ф. и зав. лабораторией Писаревой С. А.) Исследование проб нитей, взятых из шнуров, скрепленных восковыми тонированными печатями (красный — митрополитов; синий — архиепископов; коричневый — епископов)

а) методом поляризационной микроскопии

Исследуемые нити (1) и нити натурального шелка (2) в поляризованном свете (А) и режиме скрещенных николей (В):

б) методом ИК-спектроскопии (LUMOS, Bruker)

В ИК-спектре всех трех образцов нитей присутствуют полосы поглощения в области 3400–3200 см⁻¹ (ν^*_{N-H}), 1660–1610 см⁻¹ (δ^*_{N-H} ; Амид I) и 1550–1485 см⁻¹ (δ_{N-H} ; Амид II), наличие и структура которых характерны для шелка, полипептидные цепи которого находятся в β -конфигурации*.

* ν — валентные колебания, δ — деформационные колебания; β -конфигурация — вторичная структура белка, отличающаяся слоисто-складчатым способом укладки полипептидной цепи.

«Богоматерь Умиление» — уникальная новгородская икона XV века

**АЛЕКСАНДРОВ
ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ** —
*художник-реставратор
высшей категории,
искусствовед*

AUTHOR: ALEXANDROV Y. Y.
**“OUR LADY OF TENDERNESS” — A UNIQUE NOVGOROD
ICON OF THE XV CENTURY**

In December 2015, the Novgorod Museum completed the restoration of the icon “Our Lady of Tenderness”. The work on the most interesting iconography of the XV century lasted 13 years.

В декабре 2015 года в мастерских Новгородского музея-заповедника завершена реставрация иконы «Богоматерь Умиление». Работа над интереснейшим памятником иконописи XV века проведена художником-реставратором высшей категории Ю. Ю. Александровым и длилась 13 лет.

Икона поступила в коллекцию музея предположительно в тридцатые годы прошлого века. После оккупации Новгорода немецкими войсками в Великую Отечественную войну икона «Богоматерь Умиление» вместе с другими произведениями искусства была вывезена на территорию Германии и возвращена в музей в 1947 году. В документах не оказалось сведений о первоначальном происхождении образа.

Икона «Богоматерь Умиление» достаточно велика, её размеры 174×122,5 см. Она написана на липовой доске, состоящей из четырёх частей, которые скреплены двумя врезными односторонними шпонками. Обратная сторона иконы носит следы сильных ожогов. Паволока представляет собою льняной среднезернистый холст. Левкас меловой, плотный, средней толщины. Все значительные утраты авторского левкаса восполнены поновительскими и реставрационными вставками грунта. Технологические характеристики памятника указывают на то, что создан он был не позднее середины XVI столетия.

В отличие от значительного количества ранних, в том числе и новгородских икон, обнаружившихся в последние годы в частных российских коллекциях, история и происхождение образа «Богоматерь Умиление», прояснённые к настоящему времени, совершенно не загадочны. С момента создания иконы до поступления в музей она не покидала стен новгородского Николо-Дворищенского собора и даже не меняла своего места в неоднократно переделывавшемся главном иконостасе храма. Сохранилась дореволюционная фотография иконостаса собора, запечатлевшая в том числе и икону «Богоматерь Умиление».

Образ, имеющий такое значение — по существу главный образ Богоматери в Николо-Дворищенском соборе, — не мог появиться в иконостасе случайно. Причиной создания новых центральных икон храма могла стать лишь

какая-то капитальная переделка алтарной преграды, связанная с серьёзными изменениями в убранстве храма.

Событием, которое несомненно привело к подобным последствиям в Николо-Дворищенском соборе и произошло как раз во второй половине XV столетия можно считать пожар, случившийся в 1461 году. Сильный пожар возник в ночь после службы в честь престольного праздника. Это происшествие отражено в летописи.

Ущерб, нанесённый огнём, был настолько велик, что потребовались комплексные ремонтные работы, значительно изменившие интерьер храма. К 1463 году было устроено межэтажное перекрытие, в соборе появилось подцерковье, а уровень пола был заметно поднят посредством бревенчатого «наката».

Из-за пожара пострадали в первую очередь конструктивные элементы алтарной преграды и иконы. Вряд ли один из древнейших храмов города мог долго стоять без иконостаса. Создание иконостаса не затянулось, вероятно, более чем на год-два после 1463 года.

Вариант иконографического типа Умиление, получивший впоследствии название «Богоматерь Ярославская»,

Великий Новгород. Николо-Дворищенский собор. XII в.

по преданию, известен на Руси с XIII века. К этому времени якобы относилась не дошедшая до нас домовая икона князей Ярославских. Она была прославлена в 1501 году, с чем и связано возникновение названия извода. Точный список с утраченной ныне иконы был исполнен в конце XV — начале XVI веков и стал вкладом в Троице-Сергиев монастырь в 1549 году Аграфены, вдовы последнего князя Ярославского Ивана Фёдоровича Суцкого.

Как предание о древности «Богоматери Ярославской», так и относительно ранний пример подобной иконографии указывают на то, что эта иконография на Руси имеет, скорее всего, византийское происхождение.

Особое распространение этот извод получает в XV–XVI веках. Отличительным признаком его является изображение Младенца на руке Богоматери справа. Склонённая голова Марии касается щекой лика Христа. Непременная особенность — жест правой руки Младенца, притрагивающегося ладонью к подбородку Богоматери. Жест её левой руки как бы притягивает к себе и оберегает Младенца, что подчёркивается краем мафория, спускающегося с запястья длинной вертикальной складкой. Ножки Христа обычно изображаются чуть согнутыми в коленях и вытянутыми параллельно друг другу.

Иконостас Николо-Дворищенского собора.
Фотография нач. XX в.

Богоматерь Умиление. Ок. 1463 г. До реставрации

При внимательном рассмотрении подобных изображений оказывается, однако, что существует большое количество «разночтений» — это и зеркальный перевод, при котором фигура Христа располагается слева, и наличие или отсутствие свитка в руке младенца, и положение его ног. Разнообразие наблюдается и при изображении одежд Богоматери. В нашем случае мафорий спадает с головы Марии широкими зигзагообразными складками, подобно тому, как это наблюдается на иконах «Богоматерь Грузинская» и «Богоматерь Иерусалимская». Создаётся впечатление, что икона из собрания Новгородского музея представляет собою один из первых случаев использования этой детали в древнерусской иконописи.

Большинство сохранившихся памятников с описанной иконографией относятся к искусству среднерусских центров. Легендарная икона, прославленная как «Богоматерь Ярославская», была домовым образом и, следовательно, имела небольшие размеры. Быть может, это обстоятельство обусловило и скромные размеры ранних икон с таким названием.

Среди более или менее похожих икон хочется выделить одну из них, несомненно, восходящую к тому же источнику, что и рассматриваемый нами образ. Очень близкой с иконографической точки зрения, а также по времени и месту создания является икона «Богоматерь Умиление» с четырьмя клеймами на полях из собрания Н. П. Лихачёва, хранящаяся ныне в Русском музее.

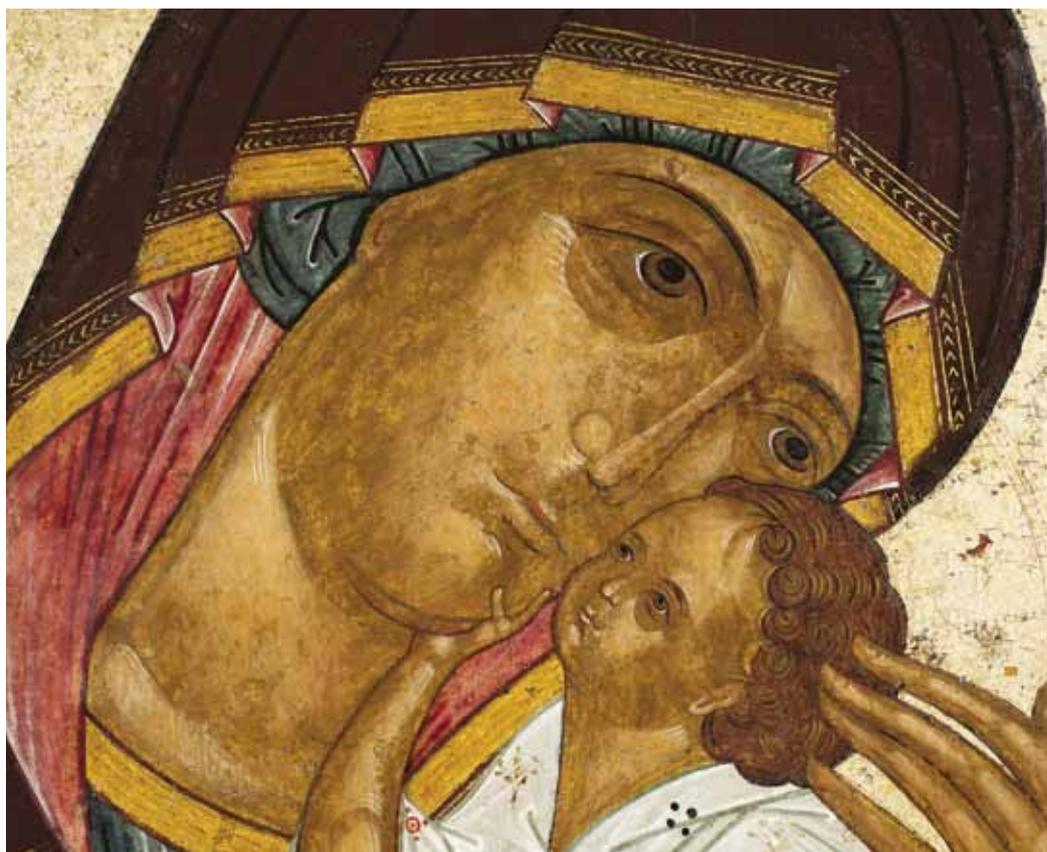
Богоматерь Умиление. Ок. 1463 г. После реставрации

При сопоставлении одинаково масштабированных ликов Богоматери обеих икон бросается в глаза почти полное совпадение контуров изображений голов и ликов. Общий характер живописи имеет определённое сходство. Но при дальнейшем рассмотрении изображений ликов и рук возникает ощущение не только вторичности петербургской иконы, но и её некоторой упрощённости по сравнению с иконой из Новгородского музея.

Живопись на иконе из лихачёвской коллекции жёстче, контрастней. Рисунок в целом более сух и резок. «Богоматерь Умиление» из Николо-Дворищенского собора гармоничней, мягче и в целом «живописней». Это подчеркнуто удлинёнными пропорциями фигур, тщательной, но не мелочной прорисовкой каскадов складок мафория и плаща Младенца, выглядящих изысканно и артистично по сравнению с лаконичными контурами и более «реалистичными» пропорциями персонажей на иконе из Русского музея. Возникает чувство, что иконописец, написавший образ из собрания Н. П. Лихачёва, видел икону «Богоматерь Умиление» в Никольском соборе, хотя и не ставил своей целью создание копии-реплики. Икона из Русского музея, так похожая на Никольскую икону — это следующий этап приспособления византийского прообраза к местным, новгородским вкусам.

Новгородское искусство на протяжении своей многовековой истории всегда находилось в тесной связи с искусством Византии. В некоторые периоды связь эта ослабевала, иногда усиливалась настолько, что именно Новгород давал возможность реализации масштабных творческих замыслов значительным греческим мастерам.

Богоматерь Умиление.
Ок. 1463 г. Фрагмент

Богоматерь Умиление с четырьмя клеймами на полях. Вт. пол. XV в. ГРМ

Специфика социального устройства средневековой вичевой республики не способствовала проникновению в новгородское искусство собственно константинопольских, столичных веяний. Интеллектуальная усложненность, аристократизм и утонченность оказывались чуждыми мотивами для деятельных, практичных и независимых новгородцев. Византийское искусство по большей части оказывалось востребованным новгородским обществом в его провинциальных, более экспрессивных и несколько упрощенных проявлениях. Все тонкости и оттенки зачастую сознательно опускались новгородскими иконописцами, тяготевшими к определенности и сводившими сложные художественные явления к понятным, адаптированным решениям.

Икона «Богоматерь Умиление» из Николо-Дворищенского собора несколько выделяется из общего ряда известных памятников новгородской иконописи XV столетия. Обращение к типу Умиление, казалось бы, позволяло использовать повышенно эмоциональные средства выражения. Однако икона ассоциативно направляет зрителя, скорее, к образам позднепалеологовского классицизма, нежели к хрестоматийно известным иконам Новгорода соответствующего периода.

Во время реставрации 2002–2015 годов поздние наслоения с поверхности первоначальной живописи XV века удалялись только под микроскопом специально изготовленными инструментами без применения растворителей. В процессе работ напечатано до полутора сотен черно-белых аналоговых и цветных цифровых фотографий, снятых

в том числе и в режиме значительного увеличения. Это позволило корректно раскрыть оригинальную живопись, тщательно изучить всю площадь лицевой стороны иконы.

Образ этот удивительно полно соответствует всем нашим представлениям об особенностях новгородской иконописи XV столетия. Икона «Богоматерь Умиление» может быть названа своего рода «эталонном» для памятников упомянутого периода.

Пристальное изучение лицевой стороны иконы позволяет различить следы инструмента, которым наносился левкас. Это не означает, что мастер отнёсся небрежно к выравниванию и шлифовке. Левкас и не должен быть гладким как стекло. На живой, как бы дышащей поверхности возникает больше живописных оптических эффектов, а золочение создавало ощущение мерцания и не бликовало время от времени, как это свойственно блестящим плоскостям, при изменении угла падения световых лучей в течение дня.

Контуры фигур прографлены. Окончательная «редакция» складок одежд местами значительно отличается от графы. По всему видно — икона была написана в сжатые сроки. Художник на каждом этапе четко определял цель, которая достигалась без малейших сомнений в своих силах. На такое способен только опытный мастер, осознающий меру своего таланта. Иконописец не допустил ни одного технического промаха, нигде не отступив при этом от удивительного стилизового единства всех элементов композиции.

Реставрация иконы позволила оценить, в том числе и качество личной живописи. Первый слой — это довольно тонкий и светлый санкирь, сквозь который отчасти прослеживается предварительный рисунок кистью по левкасу. Рисунок заметно нарушен автором в процессе нанесения последующих слоёв. Колер нижних слоёв содержит значительную долю тёплых земляных пигментов, в процессе наращивания толщины карнация становится несколько холоднее и розовее. Живописная поверхность в этих местах гладкая, блестящая, почти эмалевидная. Границы охрения ступёваны без излишней при таких масштабах изображения тщательности, но эффект рассеянного, как бы льющегося сверху света, передан убедительно и живо. Пробела выполнены параллельными мазками кисти с использованием белил довольно жидкой консистенции, не создававшими пастозной фактуры.

Находясь в рамках канона, охотно подчиняясь его геометрической логике, иконописец удачно решил специфически художественные задачи. Подобные памятники средневековой живописи в значительной мере расширяют наши представления о допустимых границах в творчестве крупных мастеров, об их определённой свободе в трактовке канонических изображений.

После окончания реставрации иконы «Богоматерь Умиление» из Николо-Дворищенского собора нет сомнений в том, что перед нами предстал выдающийся памятник новгородской живописи, поднимающийся до уровня шедевров не только древнерусского, но и мирового искусства.

Вспомните

в общество охраны памятников истории и культуры

Членские взносы пойдут на реставрацию бывшего Святого монастыря

